

# ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ—книжка первая.

## СОДЕРЖАНІЕ

### I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Слово, сказанное къ заключеннымъ Харьковскихъ Исправительныхъ Арестантскихъ Ротъ, 24 января 1910 года. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго** . . . . . 281—286
- Сердце и его значеніе въ религиозно-нравственной жизни по ученію Священнаго Писанія. **Н. Богословскаго** . . . . . 287—308
- Христіанская догматика. (Продолженіе). **Епископа Мартенсена**. . . . . 309—317
- Цельсь и Оригенъ. (Окончаніе). **Свящ. Іоанна Философскаго** . . . . . 318—341
- Святой Димитрій Ростовскій и его творенія. (Окончаніе). **А. Вертеловскаго**. . . . . 342—350
- Эстетическое воспитаніе въ духовной школѣ. **Александра Гладкова**. . . . . 360—374

### II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Письмо къ Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырокому.—Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Присоединеніе къ православію.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища объявленіе. II. Протоіерея Василія Дмитріевичъ Разумовскій. **Н. Соловьева**.—Миссіонерскій листокъ. Открытіе миссіонерскаго кружка въ слободѣ Пань-Ивановкѣ Харьковскаго уѣзда. **Мисс. Свящ. В. А. Черкесова**.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. (Стр. 375—416).



ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

## ЖУРНАЛЪ

# „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ дастъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

*Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.*

**ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

**ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:**

**СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ** Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῦμεν.

*Вѣрою разумѣваемъ.*

Евр. XI.



# СЛОВО

**Высокопреосвященнаго Арсенія,**

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

сказанное къ заключеннымъ Харьковскихъ Исправительныхъ Арестантскихъ Ротъ, 24-го января 1910 года.

Слава и благодареніе Всевышнему!

Съ великимъ утѣшеніемъ и радостію я помолился съ вами и совершилъ у васъ божественную литургію. Я несказанно радъ, что этимъ я исполнилъ священную заповѣдь Господа нашего Іисуса Христа: „въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко Мнѣ (Мѣ. XXV, 36).

Съ сими словами Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Судія міра, обратится на Страшномъ Своемъ Судѣ къ праведникамъ и вмѣнитъ имъ въ добродѣтель то, что они „приходили къ Нему, когда Онъ былъ въ темницѣ“, и за это введетъ ихъ въ вѣчное блаженное Царство Небесное. Но развѣ возможно пребываніе Господа нашего Іисуса Христа въ темницѣ? Развѣ мы видимъ Его въ скорбныхъ мѣстахъ отверженности и заключенія? Ты, Господи Боже нашъ, Ты, Сладчайшій Іисусе, Солнце Правды, Создавый міръ изъ ничтожества, Царь и Владыка вселенной, предъ силою Коего трепещутъ всѣ стихіи міра и славу Коего не смѣютъ видѣти всѣ высочайшіе и святѣйшіе

серафимы, херувимы и прочіе безплотные силы, Ты, Спасителю нашъ, неужели снисходишь и нынѣ до такового смиренія и вселяешься въ мѣста узъ и заключенія?!—Это невольное недоумѣніе и смущеніе челоувѣковъ Господь Самъ разрѣшаетъ Своими словами: *„аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“* (Мѡ. XXV, 40). Итакъ, въ темницахъ томящіеся это—Его меньшая братія.

Наше искреннее и теплое участіе къ нимъ, выражаемое въ посѣщеніи ихъ, является самой пріятной и драгоценной жертвой любви отъ насъ Самому Господу и Спасителю нашему. Да будетъ же благоугоднымъ Господу и наше посѣщеніе васъ и наше служеніе у васъ божественной литургіи! Думаю и надѣюсь, что и вамъ пріятно наше посѣщеніе, соединенное съ молитвою о васъ и съ вами. Грѣхопаденія и несчастія привели васъ сюда. Многими и глубокими скорбями сопровождается ваше пребываніе и здѣсь, возлюбленная моя братія о Христѣ. А въ печаляхъ и несчастіяхъ, что можетъ быть дороже и отраднѣе для челоувѣка, какъ не участіе и сочувствіе къ нему со стороны ближнихъ?! Въ этомъ случаѣ всѣмъ страждущимъ доставляетъ глубокое утѣщеніе не только внѣшнее облегченіе ближними ихъ положенія, но и еще гораздо больше сердечныя и теплыя чувства незлобія, жалости и состраданія ближнихъ къ нимъ, въ какихъ бы малѣйшихъ знакахъ они не выражались. Но, несомнѣнно, что самымъ дѣйственнымъ, благодатнымъ и животворнымъ выраженіемъ участія къ положенію страждущихъ заключается въ совмѣстной съ ними молитвѣ въ скорби. И вотъ Милосердный Господь сподобилъ меня здѣсь помолиться съ вами и за васъ, совершивъ самое благодатное и

важнѣйшее богослуженіе—божественную литургію. Вѣрующей и смиренной душѣ христіанина божественная литургія доставляетъ высочайшее и ни съ чѣмъ несравнимое религіозно-нравственное утѣшеніе, ибо въ этой литургіи совмѣщаются самыя вдохновенныя и усладительныя молитвословія и пѣснопѣнія. Божественная, благодатная литургія трогаетъ сердце самаго равнодушнаго человѣка, сосредоточиваетъ его въ самомъ себѣ, растворяетъ его смиреніемъ, покаяніемъ, отрываетъ отъ земной суеты и тяготы, возноситъ его въ міръ духовный и даетъ ему ощутить сладость и блаженство небесной, чистой и благодатной радости о Дусѣ Святѣ. Какія трогательныя и умиленные моменты духовныхъ настроеній переживаемъ мы въ этомъ благодатномъ богослуженіи, когда слышимъ или чтеніе Слова Божія или ея важнѣйшія пѣснопѣнія, исполненныя то величайшей торжественности, какъ: „иже херувимы тайно образующе...“, то сокровенной таинственности, какъ „Тебѣ поемъ...“, то умиленной назидательности, какъ „Отче нашъ...“! Значеніе божественной литургіи для вѣрующихъ преле великое. Въ ней совершается пресуществленіе хлѣба и вина въ Пречестныя, Пресвятыя и Животворящія Тайны Тѣла и Крови Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, и по силѣ Христовой искупительной Жертвы каждый разъ приносится Безкровная Жертва за грѣхи людей; въ ней, такимъ образомъ, совершается дивное, преестественное, страшное и преславное священнодѣйствіе Евхаристіи. Незримо, но ощутительно для сердець вѣрующихъ, въ божественной тайнѣ Евхаристіи является Самъ Господь, Царь славы, предающій Свои Пречистыя Тѣло и Кровь въ спасительную снѣдь вѣрнымъ, здѣсь въ священномъ трепетѣ и благоговѣніи предстоятъ „тысящи архангеловъ и тьмы анге-

ловъ, херувимы и серафимы“, очистительная благодатная сила молитвъ и таинства литургійныхъ простирается на всѣхъ живыхъ и умершихъ, простирается и на васъ, заключенные здѣсь... О, возлюбленные, со всею любовію всегда приступайте къ божественной литургіи и вообще къ каждой вашей молитвѣ! Вѣруйте въ Бога и непрестанно молитесь! По молитвѣ Богъ помогаетъ, въ молитвѣ горе чувствуется легче, самъ человѣкъ, который вѣруетъ и молится, чрезъ это становится добрѣе, чище, свѣтлѣе, бодрѣе и сильнѣе духомъ. Молитва небо изводитъ въ душу человѣка, молитва самого человѣка возводитъ къ небеси...

Божественная любовь всегда съ великою радостію спѣшитъ на встрѣчу всякому человѣку, ищущему Господа. Какъ бы глубоко ни палъ человѣкъ, какъ бы онъ ни унижилъ свою богоподобную природу, какими бы постыдными дѣяніями ни омрачилъ жизнь свою, но если покается, проникнется вѣрою и воззоветъ ко Господу, то Всеблагій Господь услышитъ его, осѣнитъ его Своею благодатію, проститъ его и приметъ его въ объятія Своей божественной любви. Господь сказалъ: *„глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшникъ кающемся, нежели о девяностидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаенія“* (Лук. XV, 7). Этому учитъ столь назидательная и трогательная притча Господа о блудномъ сынѣ. Этому же насъ поучаетъ и примѣръ благоразумнаго разбойника. Послѣ многихъ лѣтъ своей преступной жизни, схваченный и осужденный, разбойникъ былъ распятъ на крестѣ одесную Господа Іисуса Христа. Въ первыя минуты своего распятія онъ даже дерзалъ вмѣстѣ съ другими поносить Распятаго Господа. Но когда, наконецъ, послѣ длитель-

ныхъ часовъ крестныхъ мукъ, къ нему приблизился страшный часъ смерти, и когда въ прояснившемся его сознаніи и въ проснувшейся его совѣсти возсталъ предъ нимъ мрачный образъ его загубленной жизни, онъ съ ужасомъ содрогнулся. Когда же онъ увидѣлъ рядомъ съ собою на Крестѣ Божественнаго Страдальца невиннаго, кроткаго, всепрощающаго, терпѣливаго и до конца преданнаго волѣ Отца Небеснаго, тогда покаяніе, вѣра и молитва яркимъ пламенемъ возгорѣлись въ сердцѣ его, и онъ, умирающій, обратился ко Господу съ своею послѣднею на землѣ молитвою: „помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си“ (Лук. XXIII, 42), и молитва его была услышана: „рече ему. Іисусъ: аминь глаголю тебѣ, днесъ со мною будеши въ раи“ (Лук. XXIII, 43). Такъ покаяніе въ послѣднюю минуту жизни содѣлало разбойника первымъ праведникомъ изъ людей, вступившимъ со Спасителемъ въ Царство Небесное! О, если бы и мы, памятуя непрестанно о смертномъ часѣ своемъ, о неизбежномъ и Страшномъ Судѣ Божіемъ, памятовали также и этотъ примѣръ покаявшагося разбойника и готовили себя къ этому переходу въ вѣчность постоянно, сердечно и слезною молитвою: „помяни мя Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ!“, „разбойника благоразумнаго, во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи, и мене древомъ крестнымъ просвѣти и спаси мя“ (Экзапостил.)!...

Для безграничной Божественной Любви Господа мы всѣ дороги, кто бы и каковы бы ни были. Пострадалъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на Крестѣ—принесъ Себя въ умиловительную Жертву за весь родъ человѣческой, за людей всѣхъ мѣстъ и временъ. И вы, возлюбленные, какъ бы ни была скорбна ваша участь, и вы Его меньшая братія, и вы очищаетесь



божественною Его искупительною на Крестѣ Кровію: отъ васъ требуются для этого только вѣра, покаяніе, смиреніе, молитва и слезы... Наше посѣщеніе, наша молитва и служеніе у васъ да послужатъ къ возбужденію въ васъ сихъ святыхъ чувствъ и порывовъ, да послужатъ вамъ во спасеніе! Животворящій и спасительный Крестъ Господа нашего Іисуса Христа для всѣхъ насъ, и для васъ въ особенности,—самое благодатное утѣшеніе и примѣръ. Онъ всегда напоминаетъ намъ о тяжелой преступности нашихъ грѣховъ, о необходимости для насъ, грѣшныхъ, покаянія и слезъ, и о безконечной любви Божіей къ намъ. Крестъ поучаетъ насъ мужеству и терпѣнію въ бѣдствіяхъ и скорбяхъ, непоколебимой преданности волѣ Отца Небеснаго, незлобію, самоотверженію, всепрощенію и безконечной любви къ Богу и ближнимъ. Пречестный и Животворящій Крестъ Господень—единственное наше огражденіе отъ силъ вражійихъ, отъ тяжелыхъ искушеній и соблазновъ, единственное наше спасеніе отъ вѣчнаго осужденія, онъ для насъ—вѣрный залогъ наслѣдованія вѣчнаго блаженства. О, возлюбленные, припадайте къ нему всегда со слезами, вѣрою, надеждою и любовію, носите его на себѣ и въ своемъ сердцѣ всегда и всюду во освященіе свое и спасеніе! На память о нашей совмѣстной здѣсь молитвѣ и для вашего покаянія и спасенія примите отъ меня съ любовію сей даръ любви Божіей—святые крестики!... Аминь.



лей составляетъ поверхностный слой идей, вполне подчиненныхъ нашей волѣ. Мы надъ ними полновластны, но зато онѣ надъ нами не властны. Болѣе вліятельными являются тѣ идеи, которыя связаны съ нашимъ чувствующимъ „я“. Это, такъ сказать, идеи эмоціональнаго происхожденія: въ нихъ кроется сущность всей нашей жизненной энергии и дѣятельности. Что эмоціи господствуютъ надъ нами—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ и сама воля наша есть сила эмоціональнаго происхожденія. „Воля есть высшая „эмоція“, профильтрированная, такъ сказать, чрезъ разумъ“<sup>1)</sup>.

Это ученіе современной психологіи о чувствѣ, какъ господствующемъ началѣ въ духовной жизни, вполне подтверждается и разъясняется Свящ. Писаніемъ, по возрѣнію котораго средоточіемъ духовной жизни человѣка является „сердце“.

Нужно замѣтить, что слово „сердце“—очень употребительное слово въ свящ. книгахъ, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, и имѣетъ здѣсь очень широкое значеніе. Во всѣхъ свящ. книгахъ и у всѣхъ богодухновенныхъ писателей „сердце“ человѣка разсматривается не только какъ средоточіе всей тѣлесной, но и какъ средоточіе, главнымъ образомъ, духовной жизни человѣка, какъ существеннѣйшій органъ и ближайшее [сѣдалище] всѣхъ силъ, отправленій, движеній, желаній, чувствованій и мыслей человѣка—со всѣми ихъ направленіями и оттѣнками.

Возрѣніе Свящ. Писанія на „сердце“, какъ на средоточіе тѣлесной жизни, мы обойдемъ, какъ мало относящееся къ нашему вопросу<sup>2)</sup>. Для насъ болѣе интересно возрѣніе свящ. писателей на сердце, какъ на средоточіе духовной и, въ особенности, религіозно-нравственной жизни человѣка.

Сердце, по возрѣнію Ветхаго Завѣта, прежде всего есть органъ всѣхъ познавательныхъ дѣйствій души. Размышленіе есть „предложеніе сердца“ (Притч. 16, 1), усовѣтованіе сердца: „и усовѣтова сердце мое во мнѣ“ (Неем. 5, 7). Уразумѣть

<sup>1)</sup> Ж. Пайо, „Самовоспитаніе воли“ („L'Education de la volonté“). Перев. съ франц. С.-Петербург. 1899 г.

<sup>2)</sup> Укажемъ только для примѣра на нѣкоторыя мѣста Свящ. Писанія, напр., кн. Суд. 19,5; Псал. 39, 13; 37, 11; 101, 5; 103, 15. Ср. Лук. 21, 34; Іак. 5, 5; Дѣян. 14, 17 и проч.

сердцемъ—значить понять (Втор. 8, 5): „познать всѣмъ сердцемъ“—понять всецѣло (I. Нав. 23, 14). Все, что приходитъ намъ на умъ или на память—всходитъ на сердце. Въ царствѣ славы подвижники, страдавшіе за правду и вѣру, „не помянуть прежнихъ, ниже въздутъ на сердце ихъ“ (Исаин 65, 17; ср. I Кор. 2, 9: „и на сердце челоуѣка не въздоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“). Что мы твердо помнимъ, напечатлѣваемъ въ душѣ, то „влагаемъ, полагаемъ, слагаемъ и запечатлѣваемъ въ сердце своемъ“: „вложите словеса сии въ сердце ваше“ (Втор. 10, 16); напиши я (словеса премудрости) „на скрижали сердца твоего“ (Прит. 3, 3): „напиши я себѣ трижды, на совѣтъ и смыслъ и разумъ, на широтѣ сердца твоего“ (Прит. 22, 21): „положи мя яко печать на сердце твоемъ“ (Пѣснь Пѣсн. 8, 8; ср. Лук. 2, 19: „Маріамъ соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердце своемъ“). Кто не имѣетъ сердца „разумѣнія“, у того нѣтъ „очесе видѣти и ушесе слышати“ (Втор. 29, 4). Когда сердце „одебелѣваетъ“, то челоуѣкъ теряетъ способность замѣчать и понимать самыя очевидныя явленія Божія промысла: „тяжко слышитъ онъ ушима своимъ и смѣжаетъ очи свои“ (Исаин 6, 10). Вообще, „всякій челоуѣкъ помышляетъ въ сердце своемъ“ (Быт. 6, 5). Челоуѣкъ недобрый имѣетъ „сердце, кующее мысли злы“ (Притч. 6, 18). Живые пророки „прорицають произволы сердца своего“ (Іер. 14, 14), „видѣніе отъ сердца своего глаголють, а не отъ устъ Господнихъ“ (Іер. 23, 16; ср. I Кор. 4, 5: „совѣты сердечные“: Мѡ. 12, 34: „отъ избытка сердца уста глаголють“). И какъ мышленіе есть разговоръ души съ собою, то размышляющій ведетъ этотъ разговоръ въ сердце своемъ: „глаголахъ азъ въ сердце твоемъ“ (Еккл. 1, 16), „рекохъ азъ въ сердце моемъ“ (Еккл. 2, 1; ср. Мѡ. 24, 48: „речеть злый рабъ той въ сердце своемъ“).

Сердце, далѣе, есть средоточіе многообразныхъ душевныхъ чувствованій, волненій и страстей. Сердцу усвояются всѣ степени радости—отъ благодушія (Исаин 65, 14) до восторга и ликованія предъ лицомъ оспода (Ис. 83, 3,—ср. Дѣян. 2, 46):—всѣ степени скорби, отъ печальнаго настроенія, когда „припавшая страсть въ тѣлеси сердце оскорбляетъ“, и когда „печаль мужу вредить сердце“ (Притч. 25, 20—21), до сокрушающаго горя, когда челоуѣкъ „вопіеть въ болѣзнь сердца своего“ (Исаин 65, 14), и когда онъ чув-

ствуешь, что „возмятся сердце его и отторжеся отъ мѣста своего“ (Іов. 38, 1);—всѣ степени вражды—отъ ревнованія и „горькой зависти“ (Притч. 23, 17) до ярости, въ которой человекъ скрежещетъ зубами своими, и отъ которой сердце его разгорается местию (Втор. 19, 6—ср. Дѣян. 7, 54);—всѣ степени неудовольствія—отъ безпокойства, когда, сердце смущаетъ человека (Притч. 12, 25), до отчаянія, когда сердце „отрекается“ отъ всякихъ стремленій (Еккл. 2, 20);—наконецъ, всѣ виды страха—отъ благоговѣйнаго трепета (Іер. 34, 40) до подавляющаго ужаса и смятенія (Втор. 28, 28; Пс. 142, 4). Сердце истанываетъ и терзается отъ тоски (І. Нав. 5, 1; Іер. 4, 19); по различію страстей оно дѣлается, „яко воскъ таяй“ (Псал. 21, 16), или изсыхаетъ (Пс. 101, 5), согрѣвается и разжигается (Пс. 38, 4; 72, 21), или дѣлается сокрушеннымъ и сотреннымъ (Іер. 23, 9; Пс. 146, 3). Въ уныніи человекъ бываетъ „страшливъ и слабъ сердцемъ“ (Втор. 20, 8). Благодатное Слово Божіе дѣйствуетъ на сердце, „яко огонь горящъ“ (Іер. 20, 9;—ср. Лук. 24, 32).

Въ сердцѣ зачинается и рождается рѣшимость человека на такіе или иные поступки; въ немъ возникаютъ разнообразныя желанія и намѣренія; оно есть сѣдалище воли и ея хотѣній. Эти дѣйствія воли обозначаются выраженіями: „и вдахъ сердце мое“ (Еккл. 1, 13); „и положи Давидъ на сердцѣ своемъ“ (Дан. 1, 8); „и бысть на сердцѣ отцу моему Давиду“ (3 Цар. 8, 17): Древній Израиль долженъ былъ приносить дары на постройку скинии—„всякъ по волѣ сердца своего“ (Исх. 35, 5), „и принесоша кійждо, яже возлюби сердце ихъ“ (Исх. 35, 21). Кто высказывалъ свои желанія,—говорилъ „вся, елика имѣ на сердцѣ своемъ“ (3 Цар. 10, 2). Кого мы любимъ, тому отдаемъ наше сердце и обратно—того мы имѣемъ въ нашемъ сердцѣ: „даждь ми, сыне, твое сердце“ (Притч. 23, 26; ср. 2 Кор. 7, 3: „въ сердцахъ нашихъ есте“ Филип. 1, 7: „за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ“).

Наконецъ, сердце есть средоточіе нравственной жизни человека. Въ сердцѣ соединяются всѣ нравственныя состоянія человека—отъ высочайшей таинственной любви къ Богу, которая взываетъ: „Боже сердца моего и часть моя, Боже, во вѣкъ“ (Исаи 72, 26), до того высокомерія, которое, обожая себя, полагаетъ сердце свое, „яко сердце Божіе и говоритъ: „азъ есмь богъ“ (Іезек. 28, 2). По различію харак-

тера нравственных недуговъ сердце оделбелѣваетъ (Исаин 6, 10), дѣлается жестокимъ (Исаин 63, 7), каменнымъ (Иезек. 28, 9), человѣческимъ, звѣринымъ (Дан. 4, 13). Есть сердце лукавое (Иер. 16, 2), сердце суетное (Пс. 5, 10: ср. Римл. 1, 21: „сердце неразумное“).

Сердце, такимъ образомъ, есть исходное мѣсто всего добраго или злого въ мысляхъ, словахъ, чувствахъ и поступкахъ человѣка (ср. Лук. 6, 45); есть тотъ центральный пунктъ въ душѣ, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ, сознаетъ добро и зло, содрагается предъ преступленіемъ, раскаивается во грѣхахъ, сокрушается и радуется о правдѣ и блаженствуетъ. „Знаетъ сердце твое все зло, которое ты сдѣлалъ отцу моему Давиду“ (3 Цар. 2, 44). „Иовъ правду свою держитъ крѣпко и не отступитъ сердце его отъ нея во вся дни“ (Иов. 27, 6). „Больно стало сердцу Давиду, что онъ отрѣзалъ край отъ одежды Саула“ (1 Цар. 24, 6). „Вздогнуло сердце Давида, послѣ того какъ онъ сосчиталъ народъ. И сказалъ Давидъ Богу: тяжело согрѣшилъ я, поступивъ такъ“: (2 Цар. 24, 10). „Не будетъ сердцу Давида огорченіемъ или безпокойствомъ, что онъ не пролилъ напрасно крови и сберегъ себя отъ мщенія“ (1 Цар. 2, 5, 31).

Но нигдѣ въ В. Завѣтѣ мы не находимъ такого изумительно глубокаго пониманія и изображенія внутренней сердечной жизни человѣка, какъ въ книгѣ Псалмовъ, которая говоритъ, между прочимъ, о сердцѣ чистомъ, сокрушенномъ, (Пс. 50), о терзаніяхъ сердца грѣхами (Пс. 37), о блаженствѣ тѣхъ, кому прощены преступления, покрыты грѣхи (Пс. 36) и пр. Согласно господствующей идеѣ В. Завѣта, — идеѣ безусловной виновности и отвѣтственности грѣшнаго человѣка предъ Богомъ, въ псалмахъ, главнымъ образомъ, раскрывается внутреннее грѣховное состояніе человѣка, которое побуждаетъ псалмопѣвца „изъ глубины сердца... отъ стражи утренней до ночи“... съ воздѣяніемъ рукъ взывать къ Богу о помилованіи и прощеніи грѣховъ (Пс. 129, 1, 5, 6). Вообще, вртхозавѣтное личное сознаніе грѣховности является тяжелымъ и страшнымъ бременемъ для чуткаго человѣческаго сердца. Чуткая совѣсть псалмопѣвцевъ признаетъ за собою многочисленнѣйшіе грѣхи. По сознанію псалмопѣвцевъ, грѣховъ на ихъ совѣсти не только много (Пс. 24, 11), но и безчисленное множество: они съ головой погружены

въ грѣховное море (Пс. 87, 5), на нихъ грѣховъ болѣе, чѣмъ волосъ на головѣ,—имѣ нѣтъ числа (Пс. 39, 13) и пр. Источникъ же всѣхъ грѣховъ и грѣховнаго настроенія каждаго человѣка псалмопѣвцы видятъ въ сердцѣ человѣка. Въ сердцѣ совершается беззаконіе (Пс. 57, 3), въ немъ источникъ и проявленіе злорадства (Пс. 4, 5), самопревозношенія (Пс. 9, 27), забвенія Бога (Пс. 9, 32—34), коварства (Пс. 40, 7), нравственнаго ожесточенія (Пс. 94, 8), ненависти, неправды, лукавства (Пс. 104, 25; 139, 2; 140, 4) и пр. Постоянное легкомысленное, беспечное служеніе грѣху достигаетъ своей высшей степени въ ожесточеніи сердца и нераскаянномъ упорствѣ, когда, по выраженію псалмопѣвцевъ, сердце грѣшника покрывается „тукомъ“.

Приведенныя нами ветхозавѣтныя изреченія, въ которыхъ „сердцу“ усвоятся самыя разнообразныя значенія въ духовной жизни человѣка, отиудь не представляютъ собою случайный образъ слововыраженія, которымъ будто-бы не управляла опредѣленная мысль священныхъ писателей, и въ которыхъ, поэтому, мы напрасно стали бы искать какого нибудь опредѣленнаго воззрѣнія на существо разсматриваемаго нами предмета, какъ говорятъ нѣкоторые толкователи Слова Божія. Священные писатели вполнѣ опредѣленно и съ полнымъ сознаніемъ этой опредѣленности употребляютъ въ томъ или другомъ значеніи слово—„сердце“. Такъ, во-первыхъ, считая сердце средоточіемъ всей тѣлесной и духовной жизни человѣка, они разумѣютъ то самое плотяное сердце, бѣненіе котораго мы чувствуемъ въ нашей груди,—на это ясно, напримѣръ, указываютъ: Іов. 37, 1: „отъ сего трепещетъ сердце мое и подвиглось отъ мѣста своего“; Іезек. 11, 19: „и исторгну каменное сердце отъ плоти ихъ и дамъ имъ сердце плотяно, яко да въ заповѣдѣхъ моихъ ходятъ, и оправданія моя сохранятъ“ (Ср. 2 Кор. 3, 23). Во-вторыхъ, говоря о сердцѣ, какъ органѣ духовно-нравственной жизни, ветхо-завѣтные писатели, хотя и имѣютъ въ виду тоже самое: плотяное сердце, но вездѣ въ такихъ ихъ выраженіяхъ видна свѣтлая мысль, что здѣсь идетъ рѣчь собственно объ извѣстныхъ движеніяхъ нравственной жизни человѣка, которыя сосредоточиваются въ одномъ общемъ центрѣ человѣка—сердцѣ. И въ такихъ выраженіяхъ сердце является уже не просто, такъ сказать, кускомъ тѣла человѣческаго, а

чѣмъ-то болѣе высшимъ, какъ и у насъ,—и въ обыденной жизни и въ наукѣ,—слово сердце употребляется не только въ смыслѣ извѣстнаго физическаго органа, но и въ смыслѣ извѣстныхъ нравственныхъ чувствованій, тѣсно связанныхъ съ этимъ органомъ <sup>1)</sup>).

Ветхозавѣтное воззрѣніе на сердце, какъ средоточіе духовной жизни и основное начало нравственной дѣятельности человѣка, несомнѣнно, отличается болѣе глубокимъ и правдивымъ характеромъ, чѣмъ распространенное, со времени Канта, ученіе, что начальнымъ источникомъ нравственности является разумъ.

По Канту—разумъ человѣческой составляетъ, будто бы, или вырабатываетъ общеобязательныя для всѣхъ людей правила и предписанія нравственной дѣятельности: эти нравственные правила составляютъ собою нравственный законъ (какъ безусловное требованіе или „категорическій императивъ“), который является, такимъ образомъ, закономъ чисто умозрительнаго характера, и, какъ таковой, исключаетъ изъ нравственной области всякія дѣйствія, имѣющія своими мотивами какія бы то ни было желанія и чувствованія, потому что всякій предметъ желанія можетъ быть данъ не а priori (т. е. не въ умозрѣніи), а въ опытѣ. Нравственные дѣйствія, по Канту, только тѣ, которыя вытекаютъ изъ одного сознанія нравственнаго закона, какъ общеобязательнаго для всѣхъ разумныхъ существъ.

Но подобное ученіе страдаетъ, по нашему мнѣнію, неполнотою и узкою односторонностью: и—прежде всего съ рационалистической точки зрѣнія остается совершенно не

<sup>1)</sup> Замѣчательно, что подобное воззрѣніе на сердце мы находимъ даже въ одной древнѣйшей египетской книгѣ (1553—1550 г. до Р. Х.),—именно, въ „Тайной книгѣ врача, наукъ о движеніи сердца и наукъ о сердцѣ“, писанной жрецомъ и врачомъ Небзехтомъ. „Сердце“, утверждаетъ онъ, „есть сосредоточіе сосудовъ всего тѣла. Куда ни приложишь палецъ: на голову, на затылокъ, на руки, на ноги, — вездѣ касаешься сердца“. Далѣе перечисляются сосуды, выходящіе изъ сердца въ отдѣльныя части тѣла, и доказывается, что сердце есть вмѣстилище душевныхъ состояній: горя, гнѣва и т. д. Египтяне съ древнихъ временъ считали сердце вмѣстилищемъ души; обыкновенно говорили: „мое сердце полно“, т. е. я радуюсь, „мое сердце въ покоѣ“, т. е. я спокоенъ („Всеоб. истор. литер.“ Корша. 1880 г. Т. I, 223 стр.).

разъясненнымъ тотъ важный вопросъ,—откуда, изъ какого источника истекають тѣ дѣла, которыя оказываются сообразными съ нравственнымъ закономъ, какъ съ предписаніемъ разума. Всякое нравственное предписаніе о томъ, что я долженъ дѣлать, открываетъ мнѣ перспективу дѣлъ, только еще ожидаемыхъ, не осуществленныхъ, но могу ли я совершить эти дѣла, имѣю ли я нравственныя силы, какъ источникъ этихъ дѣлъ,—это совершенно другой вопросъ, о которомъ нравственное законодательство разума ничего не скажетъ да и не можетъ сказать.

Вопросъ этотъ, однако, имѣетъ для себя очень простое рѣшеніе. Дѣло въ томъ, что человѣку врождены не правила, не мысли о нравственной дѣятельности, а самыя влеченія и стремленія къ ней, или, вообще „эмоціи“: въ нихъ то, въ этихъ эмоціяхъ и связаннымъ съ ними эмоціональныхъ (т. е. проникнутыхъ глубокимъ чувствомъ) идеяхъ и кроется вся сущность, какъ, вообще, жизненной, такъ и въ особенности нравственной дѣятельности человѣка. Разумъ, сознавая нравственныя дѣятельности, сравнивая ихъ, обобщая, поставяетъ общія нравственныя правила и предписанія, и общія идеи, въ которыхъ мы сознаемъ существующій нравственный порядокъ въ мірѣ и человѣкѣ. Понятно, что эти общія идеи необходимы и дороги для насъ: онѣ даютъ возможность намъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, поступать по определенному, ясно сознанному плану; но все же главнымъ определяющимъ началомъ нашей нравственной дѣятельности являются не идеи разума, а идеи эмоціональныя, т. е. идеи тѣсно связанныя съ нашимъ чувствомъ, сердцемъ или съ нашимъ чувствующимъ „я“. Часто бываютъ для человѣка времена такъ называемаго „искушенія“, когда внѣшнія обстоятельства своими неожиданными и непредвидѣнными сплетеніями сбиваютъ всѣ соображенія, всѣ расчеты и правила разума; тогда въ эти критическія минуты, человѣкъ предоставляется единственно водительство своего сердца или чувства и здѣсь то, собственно, и лежитъ пробный камень для его нравственнаго характера: или онъ выступитъ во всемъ благородствѣ своего настроенія, или же разоблачитъ передъ нами все недостоинство своей личности, которое до этой минуты скрывалось отъ насъ въ благоразумномъ



поведеніи, управляемомъ расчетливымъ и осторожнымъ разумомъ.

Сердце, и оно только одно, можетъ ощущать, выражать, обнаруживать и понимать совершенно своеобразно такія душевныя состоянія, которыя по своей нѣжности, преимущественной духовности и жизненности не поддаются отвлеченному знанію; такія состоянія хотя и могутъ переходить въ понятія и отчетливое знаніе разума, но первоначально они открываются или даютъ себя чувствовать и замѣчать не въ головѣ, а въ сердцѣ.

При нравственной оцѣнкѣ людей мы не ограничиваемся указаніемъ на ихъ знанія и понятія. Намъ хочется прежде всего знать, каковы духовныя влеченія и стремленія человѣка, чѣмъ вызываются его симпатіи, что его радуетъ и печалитъ, и вообще, въ чемъ сокровище его сердца (Лук. 6, 45). Знанія же и понятія, по скольку они существуютъ только въ отвлеченной мысли человѣка, при сужденіи о его нравственномъ достоинствѣ, никогда не относятся нами прямо и непосредственно къ духовному существу человѣка. Явленія притворства, лицемѣрія, двоедушія ясно показываютъ, какое огромное можетъ быть разстояніе между дѣятельностью душевною въ представленіяхъ и понятіяхъ и тѣми, собственно, состояніями души, которыя отзываются непосредственно въ движеніяхъ сердца человѣка. Когда мы говоримъ о притворствѣ, лицемѣрїи или двоедушїи человѣка, то ясно выражаемъ этимъ, что мысли и слова человѣка не принадлежатъ къ его существу, что на сердцѣ у него лежатъ нѣчто совершенно другое, чѣмъ въ мысляхъ и словахъ, или что кромѣ обнаруживаемыхъ имъ мыслей есть у него еще мысли задушевныя или сердечныя. Поэтому въ особо важныхъ для насъ случаяхъ мы просимъ того или другого человѣка сказать свое мнѣніе „отъ сердца или по совѣсти“.

Съ другой стороны, когда мы сами при оцѣнкѣ собственной дѣятельности и своего поведенія слышимъ упреки совѣсти въ несправедливости или жестокости, то слышимъ ихъ не въ такой, напр., формѣ: „ты сдѣлалъ своимъ разумомъ ошибку, ты руководствовался въ дѣятельности не правильными понятіями и неточными сужденіями, или ты—не послушался предписаній своего разума“. Всѣ эти упреки, которые мы часто дѣлаемъ себѣ и другимъ и сами выслу-

шваемъ отъ другихъ съ полнымъ равнодушіемъ, какъ упреки за ошибку въ математическомъ численіи, слишкомъ легки и ничтожны въ сравненіи съ грознымъ и потрясающимъ словомъ, которое слышится въ голосѣ внутренняго чувства или совѣсти преступнаго человѣка: „ты сдѣлалъ неправду, ты сдѣлалъ зло: что ты сдѣлалъ, недостойный своего имени человѣкъ! Посмотри теперь на себя, каковъ ты и каковы плоды твоего злого сердца“.

Вотъ какъ описываетъ Шекспиръ въ одной изъ своихъ трагедій („Ричардъ III“) тѣ страшныя нравственныя мученія, которыя испытывалъ преступный король Ричардъ:

„Сто языковъ у совѣсти моей,  
 „И каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ.  
 „И въ каждой сказкѣ извергомъ зоветъ.  
 „Я клятвамъ измѣнилъ—и страшнымъ клятвамъ,  
 „И убивалъ—и странно убивалъ я.  
 „Толпы грѣховъ—и гибельныхъ грѣховъ—  
 „Сопялись передъ оградой судебной  
 „И всѣ кричатъ: „онъ грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ“!  
 „Отчаянье грызетъ меня. Никто  
 „Изъ всѣхъ людей любить меня не можетъ.  
 „Умру я—кто заплачетъ обо мнѣ?  
 „Меня ль жалѣть имъ, ежели я самъ  
 „Себя жалѣть не въ силахъ и не вправъ“?!

Въ этихъ словахъ мы слышимъ такіе тоны, которые могутъ быть понятны только для сердца, а не для безучастно соображающаго разума.

И такъ, главнымъ началомъ духовной жизни и нравственной дѣятельности является не умъ, а чувство или вообще, сердце человѣка. Это положеніе вполне согласуется и съ ново-завѣтнымъ ученіемъ о человѣческомъ сердцѣ, которое, по словамъ Евангелія, является, такъ сказать, „сокровищемъ“ жизни, при чемъ „благій человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износитъ благое, и злой человѣкъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое“ (Лук. 6, 45; ср. Мѣ. 6, 21). „Отъ сердца бо исходятъ, говоритъ Господь, помышленія злая, убійства, прелюбодѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы“ (Мѣ. 15, 19). „Идѣже есть сокровище ваше“, говоритъ Спаситель въ другомъ мѣстѣ, „ту будетъ и сердце ваше“ (Мѣ. 6, 21).

Эти мѣста являются, можно сказать, классическими

мѣстами въ ново-завѣтномъ ученіи о человѣческомъ сердцѣ, и потому мы должны обратить на нихъ особенное вниманіе.

Сердце вполнѣ справедливо и весьма характерно называется въ Евангеліи „сокровищемъ“, изъ котораго добрый человѣкъ выноситъ доброе, а злой человѣкъ—злое (Лук. 6, 45).

Это, на первый взглядъ не совсѣмъ ясное, евангельское изрѣченіе, находитъ себѣ поясненіе въ словахъ Евангелія: „идѣже есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше“ (Мѡ. 6, 21).

Наше сердце тамъ, гдѣ наше сокровище, т. е. гдѣ предметъ нашей любви и привязанности. Но гдѣ наше сердце съ своимъ сокровищемъ, не тамъ ли и наша душа? Такъ, чѣмъ живетъ сердце, „исходище“ (Притч. 4, 23), источникъ нашей жизни,—тѣмъ живетъ и весь человѣкъ, около того или въ томъ сосредоточивается вся его жизнь и дѣятельность.

Неудивительно, если отъ такихъ или другихъ свойствъ предмета, особенно любимаго нами, т. е. „сокровища“ нашего сердца, и вся наша жизнь и дѣятельность принимаетъ такой или иной характеръ. Чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе предметъ нашей сердечной привязанности, чѣмъ способнѣе онъ возбуждать и питать въ нашемъ сердцѣ высокія чувства и благія желанія, тѣмъ скорѣе можно ожидать отъ человѣка характера благороднаго, дѣятельности благотворной и общепользующей: такой человѣкъ, по слову Евангелія, „отъ благого сокровища сердца своего износитъ благое“. И, наоборотъ, чѣмъ ничтожнѣе и мелочнѣе предметъ нашей любви, чѣмъ менѣе привязанность къ нему сообразна съ требованіями закона Евангельскаго и совѣсти, тѣмъ ничтожнѣе и мелочнѣе характеръ человѣка, тѣмъ болѣе бесполезна или положительно вредна его жизнь и дѣятельность: такой человѣкъ „отъ злого сокровища сердца своего износитъ злое“.

Это—постоянный и неизмѣнный законъ духовно-нравственной жизни человѣка вездѣ, гдѣ только сердечная привязанность къ предмету („сокровищу сердца“) искренна и нелицемѣрна.

Человѣческая жизнь представляетъ много примѣровъ, которые могутъ служить самыми очевидными доказательствами этой истины.

Такъ, одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ подобнаго рода представляетъ намъ жизнь людей, сердце которыхъ привязано къ земнымъ сокровищамъ. Если любовь къ этимъ сокровищамъ поглощаетъ всѣ чувства сердца, всѣ желанія и помышленія человѣка и развивается до крайней жадности, до отвратительной скупости, то человѣкъ, ради своего мертваго и бездушнаго сокровища, умираетъ для живущаго и чувствующаго. Его сердце дѣлается безчувственнымъ и хладнымъ ко всѣмъ воплямъ и мольбамъ несчастныхъ. Эта жестокость, эта холодность и безжизненность сердца скупыхъ выражаются и во всѣхъ отношеніяхъ ихъ къ ближнимъ и во всей обстановкѣ и характерѣ ихъ жизни.

Угрюмость и холодность и недоступность во взглядѣ и лицѣ, почти постоянная суровость въ разговорѣ и въ обращеніи съ другими, боязливая мнительность, подозрительность и осторожность, желаніе постоянно жить въ отдаленіи отъ другихъ людей и другихъ людей удалять отъ себя—вотъ свойства, которыя болѣе или менѣе, смотря по степени развитія страсти, опредѣляютъ характеръ скупыхъ! Вся обстановка ихъ домашней жизни—одежда, утварь, множество различныхъ, нужныхъ и ненужныхъ вещей,—все это, собираемое ими въ теченіе многихъ лѣтъ, покрытое пылью, съѣдаемое молью и ржавчиной, устарѣлое и истлѣвшее, полуразрушенное, не вѣтъ-ли могильнымъ холодомъ, не показывать ли, что скупые заживо отреклись отъ жизни, отказались отъ всѣхъ, даже самыхъ невинныхъ, потребностей и удовольствій жизни? Такъ мертвое и бездушное сокровище передаетъ свои свойства и сердцу, и характеру, и всей жизни человѣка!

Посмотрите при свѣтѣ здраваго разсудка и особенно при свѣтѣ Евангелія, на другія сердечныя привязанности, которыя являются въ формѣ изящной и прекрасной, основаны на требованіяхъ мнимаго просвѣщенія, цивилизаціи, современнаго вкуса, моды и общественнаго благоприличія. И здѣсь вы примѣтите, какъ эти привязанности, неподчиненныя высшимъ и благороднѣйшимъ требованіямъ человѣческаго сердца, губительно дѣйствуютъ на характеръ и жизнь человѣка, скрывая отъ него самого безобразное подъ видомъ прекраснаго, ничтожное и низкое подъ маскою великаго и высокаго.

Такъ, въ наше время многіе имѣютъ страсть одѣваться изящно, новомодно. Удивительно ли, если эти люди, постоянно занятые мыслями о модахъ, которые то и дѣло измѣняются, очень часто мѣняютъ свои мысли, чувства, взгляды, убѣжденія и дѣлаются въ характерѣ своемъ капризными и непостоянными? Обратитесь къ опыту и присмотритесь внимательно къ быту, напр., женщины, пристрастной къ нарядамъ и уборамъ. Въ такой же мѣрѣ, какъ нищаго гнететъ забота о дневномъ пропитаніи, сердце этой женщины угнетаетъ забота о томъ, какъ бы одѣться лучше, какъ бы своей одеждой обратить на себя общее вниманіе. Можетъ ли быть чтонибудь мелочнѣе и ничтожнѣе подобной заботы? Но вотъ ей удалось одѣться, по ея мнѣнію, лучше и новомоднѣе своихъ соперницъ,—и тогда въ ея сердцѣ пробуждается иное чувство,—чувство тщеславія. Переполнивъ сердце, это чувство часто изливается наружу,—является въ гордомъ и высокомерномъ взглядѣ, которымъ поражаютъ соперницъ. Но и этимъ, какъ показываетъ опытъ жизни, дѣло не всегда кончается: къ взгляду нерѣдко присоединяется и язвительное слово (ибо „отъ избытка сердца уста говорятъ!“ Лук. 6, 45),—то въ видѣ тонкаго, но ѣдкаго намека, то въ видѣ явныхъ насмѣшекъ и самыхъ оскорбительныхъ сужденій, часто отъ одежды доходящихъ до нравственныхъ недостатковъ. За насмѣшки въ свою очередь платятъ насмѣшкой, тщеславіе отражаютъ тщеславіемъ; презрѣніе—презрѣніемъ и т. д. И вотъ зло, порожденное пристрастіемъ къ модной, нарядной одеждѣ, растетъ день отъ дня болѣе и болѣе... И какъ часто случается, что самыя нѣжнѣйшія чувства, самыя священныя обязанности приносятся въ жертву этому ничтожному, но изящному идолу! Нерѣдко женщины жертвуютъ для него любовью къ супругу и даже дѣтямъ... Отсюда сколько неприятностей, огорченій и даже несчастій семейныхъ!.. <sup>1)</sup>

Также, конечно, дѣйствуютъ и всѣ другія привязанности нашего „ветхаго“ человѣка: изъ „злого сокровища сердца своего“ онъ выноситъ въ жизнь злое, и, такимъ образомъ, его „злое“, „развращенное“ (Рим. 1, 24) суетное (Рим. 1, 21) „лукавое“ (Евр. 3, 12), „ожесточенное“ (Евр. 3, 15; 4, 7) и

<sup>1)</sup> См. Надеждинъ. „Вліяніе сердечной привязанности“. Сборникъ статей. М. Барсовъ, т. 1, 490 стр. Симб. 1890 г.

проч.—сердце является исходнымъ началомъ соотвѣтственной жизни и нравственной дѣятельности.

Какимъ *именно* образомъ сердце выполняетъ эту основную функцію въ нравственной жизни и играть, такъ сказать, главную роль въ нравственной дѣятельности человека,—Свящ. Писаніе весьма точно и ясно говоритъ объ этомъ въ изреченіи: „отъ сердца бо исходятъ помышленія злая“ и т. д. (Мѡ. 15, 19).

Вотъ—въ этихъ-то „помышленіяхъ“, исходящихъ отъ сердца, или въ „сердечныхъ помышленіяхъ“ и заключается главный „секретъ“ нашей нравственной дѣятельности.

Мы привыкли, обыкновенно, относить наши мысли и помышленія только къ одному уму, но существуютъ въ насъ болѣе глубокія и сокровенныя мысли, которыя берутъ начало въ тайникахъ нашего сердца (см. Марк. 2, 6; Лук. 2, 35; Дѣян. 8, 22 и пр.): это мысли, тѣсно связанныя съ нашимъ чувствующимъ „я“ или, такъ называемая въ психологін, эмоціональныя идеи; онѣ зарождаются въ сердцѣ или чувствѣ въ видѣ смутныхъ и неопредѣленныхъ влеченій (эмоцій), соединенныхъ съ неясными образами и представленіями, которыя переходятъ затѣмъ уже въ болѣе ясныя и сознательныя мысли или „помышленія сердечныя“. Эти „помышленія сердечныя“ имѣютъ на насъ гораздо болѣе вліянія, чѣмъ, собственно, мысли нашего ума; тогда какъ эти послѣднія представляютъ собою, большею частію, поверхностный слой идей, вполне подчиненныхъ нашей волѣ,— „помышленія сердечныя“ или эмоціональныя идеи господствуютъ надъ нашей волей и часто „роковымъ“ образомъ влекутъ насъ къ тѣмъ или другимъ поступкамъ: и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо и сама воля наша (собств. „хотѣніе“), по ученію современной психологін, какъ мы уже говорили, есть сила эмоціональнаго происхожденія, т. е. сила, тѣсно связанная съ нашимъ чувствомъ или „сердцемъ“: „воля есть высшая эмоція, профильтрованная, такъ сказать, чрезъ разумъ“. (Идея патриотизма можетъ служить прекраснымъ примѣромъ идеи эмоціональной, т. е. проникнутой сильнѣйшимъ чувствомъ: она подавляетъ не только соображенія холоднаго разума, но даже и довольно сильныя эмоціи, какъ, напр., страхъ и пр.)<sup>1)</sup>

<sup>1)</sup> Ж. Пейо. „Самовоспитаніе воли“. Перводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1899 г.

Въ числѣ грѣховныхъ сквернъ „злого сокровища“ нашего сердца Господь первыми поставляетъ „помышленія злая“, а послѣ нихъ уже злыя дѣла (Мѣ. 15, 19).

И это—справедливо!

Наши внутреннія „сердечныя“ скверны и прежде всего „помышленія злыя“ гораздо опаснѣе, нежели внѣшніе грѣхи, потому что, согрѣшая наиболѣе сокровенными мыслями и желаніями, мы всего менѣе обращаемъ вниманія на грѣхи сего рода, не радимъ о нихъ и чрезъ то даемъ имъ болѣе укореняться въ насъ и губить насъ; они дѣйствуютъ въ насъ нестѣсняемые ничѣмъ отвнѣ. безъ надзора чужого ока, какъ дѣйствуютъ разбойники въ своихъ пещерахъ, безопасно измышляя злыя дѣла свои, готовя планы и средства для грабежей и убійствъ. Намъ кажется, большею частію, что мы, предаваясь то мрачнымъ, то свѣтлымъ мечтамъ, то эгоистическимъ, то симпатическимъ желаніямъ и чувствованіямъ, только играемъ и забавляемся—невинно, безвредно. Но опытъ духовный показываетъ, что это игра самая опасная и вредная. Она питаетъ страсти, приготавливаетъ, облегчаетъ имъ побѣду и открываетъ путь великимъ преступленіямъ, которыя, если иногда не совершаются, то потому только, что внѣшнія обстоятельства задерживаютъ дѣйствіе злыхъ началъ внутреннихъ—сердечныхъ влеченій и помышленій. (Во сколько разъ умножились бы злодѣянія въ мірѣ, если бы наши худыя помышленія и пожеланія не находили препятствій въ исполненіи своемъ внѣ насъ! Кровопролитія, напр., и человѣкоубійства тогда были бы почти такъ-же часты, какъ и порывы гнѣва или сильныя движенія ненависти).

Поэтому то Спаситель и говоритъ: „отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, любодѣянія“ и пр.

Пояснимъ это положеніе примѣромъ изъ жизни.

Вотъ—человѣкъ, сердце котораго плѣнилось блескомъ земной славы, почестей, богатства: онъ помышляетъ только о томъ, какъ бы ему добиться наградъ, отличій, доходовъ и денежныхъ средствъ. Неудивительно, что онъ и своихъ ближнихъ цѣнитъ и уважаетъ въ той мѣрѣ, въ какой они содѣйствуютъ достиженію его цѣли. Лукавство, хитрость, двоедушіе управляютъ его жизнью и дѣлами, и онъ строитъ козни своимъ ближнимъ. Честолюбецъ унижается до крайняго раболѣпства предъ тѣми, которые могутъ возвысить

его, осыпать почестями и отличіями, для ихъ прихотей онъ жертвуетъ совѣстью и закономъ и въ то же время тѣснить и угнетаетъ тѣхъ изъ своихъ ближнихъ, которые преграждаютъ ему путь, онъ сталкивается съ мѣстъ другихъ, болѣе его достойныхъ и способныхъ, и для осуществленія своихъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ мечтаній и вождельній не задумывается даже предъ такимъ средствомъ, какъ убійство человѣка...

Вотъ—предъ нами властолюбивый и честолюбивый Макбетъ (Шекспира), мечтающій о царскомъ престолѣ. Предсказаніе вѣдьмъ объ ожидающей его царской коронѣ встрѣчаетъ въ душѣ его сочувственный откликъ, и онъ рѣшается убійствомъ проложить себѣ путь къ трону.

„Два изреченія сбылись“, говоритъ онъ:

„Прологъ разыгранъ,

„И драма царская растетъ...

„Я танъ кавдорскій...

„Зачѣмъ я такъ невольню

„Прильнулъ къ мечтѣ, ужасной искушеньемъ!..

„Гляжу и чувствую, какъ бьется сердце,

„И волосъ всталъ,—что прежде не бывало.

„Но ужасъ истинный не такъ великъ,

„Какъ ложный страхъ, дитя воображенья.

„Убійство—мысль; оно еще въ умѣ:

„Но эта мысль встревожила всю душу.

„Вся сила органовъ подавлена,

„Исчезла истина, и міръ видѣній

„Меня объялъ“.

Возьмемъ другой примѣръ. Вотъ—человѣкъ, сердце котораго привязано къ чувственнымъ и грубымъ удовольствіямъ: онъ любитъ шумныя пиршества и собранія, ищетъ своего утѣшенія въ винѣ, своего веселія въ обществѣ людей развратныхъ. Естественнo, что отъ его развращеннаго сердца рождаются и помышленія нечистыя и безпорядочныя, въ его воображеніи возникаютъ образы похотливыя и страстныя, въ его словахъ—соблазнительная двусмысленность, въ его взорахъ, лицѣ, походкѣ, тѣлодвиженіяхъ, во всемъ поведеніи—крайняя вольность и безстыдство... Иначе и быть не можетъ: ядъ разврата, отравивъ сердце, изъ сердца проникаетъ въ помыслы, въ слова и дѣла человѣка.



Весьма характерно, что въ Свящ. Писаніи сердцу усво-яется не только способность извѣстныхъ чувствованій, желаній, стремленій и помысленій, но и способность „рѣченій“ или размысленій въ словесной формѣ.

„Да не рѣчиши въ сердцѣ „твоемъ“, говоритъ ап. Павелъ (Римл. 10, 16). „Рѣчетъ злый рабъ въ сердцѣ своемъ“ (Мѣ. 24, 48; Лук. 12, 45) и пр. Такимъ образомъ, въ сердцѣ человѣкъ какъ бы ведетъ внутренній сокровенный разговоръ, и рѣчь сердца отличается отъ внѣшней рѣчи, которую произноситъ нашъ языкъ и уста: „отъ избытка сердца глаголють уста“ (Лук. 6, 45).

Языкъ и рѣчь нашего сердца, которое можетъ слышать, воспринимать слова (Лук. 1, 66; ср. Марк. 4, 15: „слово, сѣ-янное въ сердцахъ ихъ“) и само можетъ, такъ сказать, говорить, разсуждать и произносить слова и рѣченія, гораздо глуше и краснорѣчивѣе языка нашего ума.

„Не надо думать, говоритъ Метерлинкъ, „что лишь слово служить истиннымъ обращеніемъ между людьми. Уста и языкъ объясняютъ душу такъ-же, какъ номеръ и языкъ картину... Въ нашемъ кругу кто объясняется яснѣе другихъ, тотъ чувствуетъ ясно, что слова никогда не объясняютъ настоящихъ отношеній между двумя существами... Въ этой комнатѣ пять, шесть человѣкъ говорятъ о дождливой или хорошей погодѣ, но за этимъ ничтожнымъ разговоромъ ведутъ въ душѣ бесѣду, къ которой никакая человѣческая мудрость не можетъ приблизиться“... <sup>1)</sup>

Такимъ образомъ, „помысленія злыя“, исходящія отъ сердца, могутъ сопровождаться и еще болѣе закрѣпляться въ немъ, такъ сказать, внутреннимъ разговоромъ, который ведетъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ: „рѣчетъ злый рабъ въ сердцѣ своемъ“.

И тогда какъ внѣшній разговоръ, который мы ведемъ нашимъ языкомъ, весьма часто проходитъ для насъ и для другихъ безслѣдно,—внутренній разговоръ нашего сердца, особенно „злого сердца“, соединяясь со злыми помысленіями, намѣреніями и желаніями, никогда не проходитъ для насъ безслѣдно, а закрѣпляетъ въ нашей душѣ и сердцѣ злыя начала и оказываетъ огромное вліяніе на наше нравственное состояніе.

<sup>1)</sup> М. Метерлинкъ. „Блаженство души“. С.-Петербургъ. 1901 г.

Подъ вліяніемъ этихъ злыхъ началъ наше сердце можетъ омрачаться (Рим. 1, 21), одebelъвать (Дѣян. 28, 27), дѣлаться жесткимъ и каменнымъ (Марк. 3, 5), при чемъ въ сердце можетъ входить сатана (Дѣян. 5, 3), похищать въ немъ „доброе слово“ (Лук. 8, 12) и внушать свои мысли и желанія (Іоан. 13, 2); тогда наше сердце „ожесточается“ (Евр. 3, 8; 4, 7), и человекъ въ такомъ состояніи—окаменѣнія и ожесточенія сердца,—утративъ всякій стыдъ, совѣсть и нравственный страхъ, является способнымъ на какіе угодно безнравственные поступки, преступленія и злодѣянія.

„На все, что можетъ человекъ, „готовъ я“, говоритъ преступный Макбетъ (Шекспира):

„Явись мнѣ грознымъ разъяреннымъ львомъ,  
„Гирканскимъ тигромъ, сѣвернымъ медвѣдемъ,  
„Явись, чѣмъ хочешь ты,—и я не дрогну.  
„Воскресни вновь и вызови въ пустыню  
„На смертный бой меня,—не откажусь...  
„Я такъ глубоко погрузился въ кровь,  
„Что все равно не стоить возвращаться.  
„Плыву впередъ... Я кое-что задумалъ  
„И быстро надо нанести ударъ;  
„Тутъ думать нечего...  
.....  
„Я позабылъ почти, что значить страхъ.  
... „Я сытъ;  
„Всѣхъ ужасовъ полна моя душа,—  
„И трепетать я не могу“!

Таково „злое сокровище сердца“, изъ котораго злой человекъ выноситъ злое (Лук. 6, 45); но, конечно, въ людяхъ существуетъ не одно только зло, но и добро,—существуетъ и „доброе сокровище сердца“, изъ котораго добрый человекъ выноситъ доброе (Лук. 6, 45)<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Нужно при этомъ замѣтить, однако, что какъ въ „зломъ сердцѣ“ могутъ рождаться и добрыя влеченія, благіе порывы и стремленія, такъ и въ „доброе сердце“ могутъ, по грѣховности человека, возникать и часто возникаютъ недобрыя настроенія и разныя грѣховныя движенія—съ нечистыми мыслями и страстными порывами, ибо сердце человека—по природѣ—страстно и всегда ближе и сочувственнѣе страстной и грѣховной сторонѣ жизни, что Спаситель и поставляетъ на видъ, говоря, что „отъ сердца исходятъ помышленія злыя“ и т. д.

И слово Божіе весьма часто и много говоритъ намъ объ этомъ „добромя сокровищѣ сердца“ (Лук. 8, 15 и пр.).

Какъ же создается въ челоѡкѣ „доброе сокровище сердца“?

Подобно тому, какъ „злое сердце“ образуется, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ грубыхъ, чувственныхъ, низкихъ, ничтожныхъ и мелочныхъ предметовъ любви и привязанности челоѡка, такъ „доброе сердце“ рождается въ челоѡкѣ, наоборотъ, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на него предметовъ благородныхъ и возвышенныхъ, и какъ грубыя и низкія привязанности сердца, порождая въ немъ „злыя“ чувства и помышленія, кладутъ соотвѣтственный отпечатокъ на всю жизнь и нравственную дѣятельность челоѡка, точно такъ же и благородныя привязанности сердца сообщаютъ жизни и дѣятельности челоѡка благородный и возвышенный характеръ.

Но является вопросъ,—что же именно нужно считать или разумѣть подъ именемъ благородныхъ и возвышенныхъ предметовъ любви и привязанности челоѡческаго сердца, которые созидаютъ въ немъ его „доброе сокровище“?

Этотъ вопросъ имѣетъ значеніе для насъ потому, что въ жизни челоѡческой весьма часто подъ видомъ прекраснаго и возвышеннаго скрывается нравственно уродливое и безобразное и подъ маскою высокаго и благороднаго нерѣдко является ничтожное и низкое...

Есть люди, которые все свое сердце, всѣ помышленія, всю жизнь отдають, напр., наукѣ, посвящаютъ на изысканіе истины. Что можетъ быть возвышеннѣе и благороднѣе подобной привязанности?

Правда, сердечная привязанность къ наукѣ, жажда знаній достойны полнаго уваженія!

Но мы знаемъ, что эта привязанность нерѣдко принимаетъ уродливыя формы, и челоѡкъ, стремясь, повидимому, къ наукѣ и знанію, преслѣдуетъ иногда недостойныя цѣли.

Такъ, если привязанность къ наукѣ не подчиняется другой, болѣе высокой привязанности сердца челоѡческаго, если въ изысканіи истины понимаютъ истину по своему, ищутъ ее только въ своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, предположеніяхъ и соображеніяхъ,—тогда и эта сама по себѣ благородная привязанность сердца можетъ сдѣлаться источ-

никомъ многихъ раздоровъ и раздѣлений, вражды и недовольствій, источникомъ дѣйствій своекорыстныхъ, крайне унижительныхъ для человѣка и разрушительныхъ для благоденствія общественнаго.

Но гдѣ же найти высшую привязанность сердца? Гдѣ найти предметъ, вполне достойный нашей любви и—притомъ столь высокій и благородный, чтобы истинная и полная привязанность къ нему исключала даже возможность ничтожества и низости въ характерѣ и дѣятельности человѣка? Гдѣ найти предметъ, который бы, овладѣвъ нашимъ сердцемъ, плѣнивъ его любовью къ себѣ, отъ себя самого далъ нашему сердцу свойства истинно-прекрасныя, нашему характеру и всей дѣятельности истинное величіе и достоинство?

Такой возвышенный предметъ любви и привязанности нашего сердца Свящ. Писаніе указываетъ въ Высочайшемъ и Совершеннѣйшемъ Существовѣ Богѣ и, конечно, прежде всего—въ вѣрѣ въ Бога: только въ вѣрѣ можно найти доброе и драгоцѣнное сокровище сердца (но не во всякой вѣрѣ, потому что и вѣра, если она только произошла отъ людей,—отъ ихъ заблужденій и мудрованій,—можетъ крайне развращать сердца и растлѣвать всю жизнь человѣка), и притомъ только въ вѣрѣ, данной самимъ Богомъ и Единороднымъ Сыномъ Божіимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ,—только въ вѣрѣ христіанской можно найти предметъ, вполне достойный нашей любви.

И предметъ этотъ—вѣра въ Бога—является не только вполне достойнымъ нашего сердца, но и весьма сроднымъ ему, ибо свѣтъ вѣры преимущественно зарождается въ нашемъ сердцѣ: „Богъ рекъ изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ къ просвѣщенію разума славы Божія о лицѣ Иисусъ Христовѣ“ (2 Кор. 4, 6), говоритъ ап. Павелъ: „Да дастъ вамъ (Богъ) вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша“ (Ефес. 3, 16). „Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе“ (Рим. 10, 10 см. въ контекстѣ). „Близъ ти глаголѣсть въ уста твои и въ сердце твое: сирѣчь глаголѣсть вѣры, его же проповѣдуемъ“ (Рим. 10, 8).

Вѣра, водворяясь въ сердцѣ человѣка, просвѣщаетъ, возрождаетъ и укрѣпляетъ его въ благодатной христіанской

жизни (Дѣян. 15, 9; 16, 14; 2 Петр. 1, 19; Ефес. 1, 18, Колос. 3, 16; 2 Сол. 3, 5 и пр.): вмѣстѣ съ тѣмъ она привноситъ съ собою въ сердце неизчислимыя духовныя блага или сокровища, каковы, главнымъ образомъ, миръ Божій (Филип. 4, 7; Кол. 3, 15), радость (Дѣян. 2, 46) и любовь (Рим. 5, 5).

Любовь есть высшій духовный даръ, который сообщаетъ намъ христіанская вѣра, и это неоцѣненное сокровище любви всецѣло находитъ свое мѣстопробываніе въ нашемъ сердцѣ. По ученію Свящ. Писанія, „любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ“ (Рим. 5, 5), и христіанская религія въ лицѣ І. Христа, первою и наибольшею заповѣдью поставляетъ любовь къ Богу: „возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ“ (Мѡ. 22, 37).

Вотъ—привязанность сердца, вполне достойная христіанина! Вотъ—высочайшее и драгоцѣннѣйшее сокровище его сердца, выше и дороже котораго нѣтъ ничего въ мірѣ: это—любовь къ Богу!...

Любовь къ Богу, какъ привязанность нашего сердца, не исключаетъ, конечно, и не уничтожаетъ другихъ сердечныхъ привязанностей: но, подчиняя ихъ себѣ, облагораживаетъ и возвышаетъ ихъ, даетъ имъ направленіе истинно полезное и плодотворное. И любящіе Бога, какъ и всѣ люди, часто пользуются благами земными—богатствомъ, почестями, отличіями, невинными удовольствіями и удобствами жизни, мудростью и знаніями человѣческими; но эти предметы никогда не дѣлаются у нихъ идолами сердца, требующими себѣ въ жертву всего и всѣхъ...

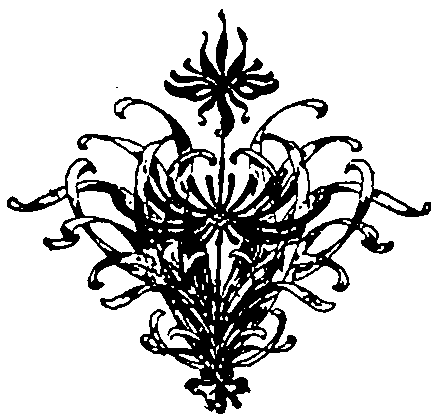
Итакъ, только одна есть привязанность сердца, достойная того, чтобы ей покорить все наше сердце,—только эта привязанность сердца къ Богу, какъ высочайшему благу и совершенству, можетъ дать надлежащую цѣну и направленіе другимъ привязанностямъ сердца, образовать характеръ истинно-великій, дать жизни и дѣятельности человѣка направленіе истинно благотворное и полезное.

Безъ этой высокой привязанности сердца—безъ любви къ Богу—никакія разумныя убѣжденія, о которыхъ въ наше время говорятъ такъ много, никакія всеобъемлющія понятія, никакія улучшенія и учрежденія не принесутъ никакой существенной пользы. Ибо, какъ мы уже говорили выше, не изъ убѣжденій разума, большею частью прибрѣтаемыхъ и

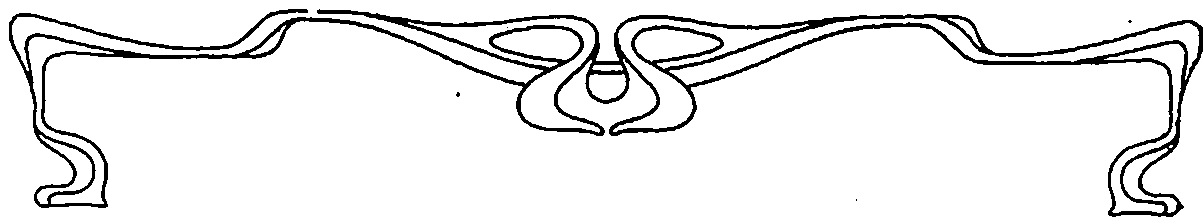
наживаемыхъ совѣтъ, принимаемыхъ и отвергаемыхъ, сообразно съ такими или иными расположеніями сердца, не изъ случайной обстановки внѣшней жизни, изъ ея улучшеній и усовершенствованій, а изъ самого человѣка,—изъ его сердца, изъ того сокровища, къ которому привязано его сердце, возникаетъ со своимъ характеромъ и плодами жизнь и дѣятельность человѣка <sup>1)</sup>. Отъ сердца, „исходнища живота“— „отъ сердца бо исходятъ помышленія“ (Мѡ. 15, 19): „благій человѣкъ отъ благого сокровища сердца своего износитъ благое; и злый человѣкъ отъ злого сокровища сердца своего износитъ злое“ (Лук. 6, 45) во всѣ свои желанія и помышленія, во всѣ свои слова и дѣла, во всѣ свои отношенія къ ближнимъ.

Поэтому-то намъ кажется весьма справедливымъ мнѣніе Спенсера, что „міромъ руководить чувство“, ибо въ чувствѣ или въ сердцѣ человѣка скрыта, въ сущности, вся жизнь человѣка,—и доброе или злое сердце опредѣляетъ все содержаніе и направленіе жизни человѣческой—или доброе, или дурное.

*Н. Богословскій.*



<sup>1)</sup> Надеждинъ „Вліяніе сердечной привязанности на жизнь человѣка“.



# ХРИСТИАНСКАЯ ДОГМАТИКА

Dr. Г. Мартенсена,  
*епископа Зеландскаго въ Дании.*

Переводъ съ нѣмецкаго авторизованнаго изданія.

(Продолженіе \*)

## ВВЕДЕНІЕ.

### § 1.

Христианская догматика имѣетъ своимъ предметомъ истины христианской вѣры, принимаемыя обществомъ вѣрующихъ или церковью. Исповѣдующая и рождающая церковь немислима безъ опредѣленной совокупности истинъ вѣры или *догматовъ*. Догматъ не *дѣла*, не субъективное человѣческое мнѣніе, не неопредѣленное, колеблющееся представленіе; догматъ также и не чисто умственная истина, всеобщая обязательность которой очевидна съ математической или логической необходимостью, она истина *вѣры*, исходящая изъ авторитета для вѣры слова Божія и откровенія и потому положительная истина, положительная не только въ силу опредѣленности, съ какою она ставится, но и въ силу авторитета, какимъ она запечатлѣна. Догматика есть научное изложеніе и обоснованіе истинъ христианской вѣры въ ихъ внутреннемъ взаимоотношеніи.

---

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1 за 1910 годъ.

## § 2.

Догматика есть не только наука о вѣрѣ, но и познание въ вѣрѣ и изъ вѣры. Она не только историческое представление того, что для другихъ было или есть истина, не будучи этимъ для самого излагающаго; она также не философское познание христіанской истины, которое авторъ добылъ такъ, что сталъ внѣ точки зрѣнія вѣры и церкви. Если допустить, что, конечно, нельзя представить себѣ, что научное воззрѣніе на христіанскую истину возможно безъ христіанской вѣры, то такое философствованіе надъ христіанствомъ, будь результаты его и благопріятны для церкви, нельзя было бы назвать догматикой. Догматика стоитъ въ христіанствѣ и догматикъ тогда только органъ его науки, когда онъ вмѣстѣ и органъ церкви, что не приложимо къ философу, лишь желающему служить только чистой наукѣ. Это стремленіе къ познанію вѣры, поражающее догматику, эта интеллектуальная любовь къ христіанской истинѣ, которую нужно находить подъ руководствомъ церкви, неотдѣлимы отъ личнаго и патологическаго <sup>1)</sup> отношенія къ христіанской истинѣ. И какъ познание вѣры развивается изъ глубины вѣры и вѣрующаго общественнаго сознанія, такъ и его послѣдняя цѣль — служить обществу и приносить плоды церкви. Мы можемъ поэтому сказать, что догматика постольку приближается къ своей цѣли, поскольку она одинаково служитъ научнымъ и церковнымъ интересамъ. Если въ наши дни часто говорили, напр., Штраусъ, пытавшійся съ точки зрѣнія новѣйшей науки сдать въ архивъ всѣ догматическія попытки, что понятія „научно“ и „церковно“ безусловно исключаютъ другъ друга, что наукой въ строгомъ смыслѣ можно назвать только такъ называемую чистую науку безъ предположеній, то такія возраженія для церкви не заключаютъ ничего неожиданнаго, такъ какъ она еще въ первые вѣка своего существованія слышала много такихъ возраженій отъ языческихъ философовъ. Но не взирая на возраженія, съ первыхъ же вѣковъ церкви въ ней работали надъ тѣмъ, чтобы церковную науку привести въ согласіе съ собственной природой христіанской

<sup>1)</sup> Въ смыслѣ: одушевленнаго, горячаго, страстнаго.



истины и условіями, которыя въ этотъ моментъ поставлены познанію истины; и надъ этимъ работали до послѣднихъ временъ церкви, и работали такіе и для такихъ, которые не могли поставить себя вѣтъ христіанства, но у которыхъ была потребность жить и мыслить въ христіанствѣ.

*Примѣчаніе.* Если бы нужно было напередъ намѣтить границы, въ которыхъ будетъ развиваться догматика, то можно было бы сказать, что на одной сторонѣ стоитъ катехизисъ, а на другой философія, поскольку эта послѣдняя хочетъ сдѣлать христіанство своимъ объектомъ, въ субъективномъ же отношеніи занимаетъ точку зрѣнія внѣ вѣры. Популярное изложеніе катехизиса имѣетъ въ зародышѣ цѣлую догматику. Но научный элементъ здѣсь представляетъ только покоящуюся возможность, въ то время какъ церковно-практическое отношеніе здѣсь господствующее. Только когда научный элементъ выступаетъ какъ таковой, можетъ быть рѣчь о догматическомъ знаніи. Догматическое знаніе, конечно, развивается въ разнообразіи формъ, между которыми есть и спекулятивныя, чрезъ что выступаетъ отношеніе между догматикой и философіей. Хотя опредѣленіе спекулятивнаго характера догматики принадлежитъ къ тѣмъ пунктамъ, относительно которыхъ много спорили, но сразу слишкомъ ясно, что чистая спекуляція, предъ которой истина христіанства стоитъ какъ нѣчто проблематичное и которая только путемъ изслѣдованій надъ истиной христіанства хочетъ создать себѣ увѣренность въ ней, что такая спекуляція не можетъ быть названа догматической. Ибо для догматики абсолютная истина христіанства дана напередъ и независимо отъ всякой спекуляціи. То *δὸς περὶ τῶν*, которое ищущая философія такъ часто высказывала, для догматики первоначально удовлетворено и догматикъ не ставитъ истину въ зависимости отъ своего изслѣдованія, но ищетъ только чрезъ мышленіе болѣе глубокаго *усвоенія* истины, которая есть для него абсолютно извѣстное и къ которой онъ пришелъ совершенно другимъ путемъ, а не спекуляціей.

Научный интересъ догматики посему существенно различенъ отъ того чисто логическаго энтузіазма, который превозноситъ Фихте, отъ того логическаго энтузіазма, который хочетъ только мысли ради мысли и безразлично—равнодушенъ къ результатамъ, къ которымъ она приводитъ. Догматикъ сознается въ своемъ реализмѣ, въ томъ, что онъ мыслитъ не ради мысли, а ради *истины*, что, по превосходному замѣчанію Лессинга, Божественное откровеніе относится къ его изысканіямъ, какъ напередъ данный результатъ къ численной задачѣ. Догматика, поэтому, исходнымъ пунктомъ своимъ беретъ не *сомнѣніе*, что часто выставляется въ качествѣ требованія для философіи, развивается не изъ пустоты сомнѣнія, но изъ полноты вѣры; она является не съ тѣмъ, чтобы поддержать доказательствами колеблющуюся вѣру, не съ тѣмъ, чтобы служить костылемъ для вѣры, какъ будто послѣдняя по старости своей стала дрях-

лой и шаткой. Она возникаетъ изъ вѣчной силы вѣры, изъ способности ея развиваться изъ своихъ собственныхъ глубинъ богатство и сокровища знанія и познанія, образовывать область познаній, которою она освѣщаетъ какъ саму себя, такъ и окружающій міръ. Она поэтому не помощь въ крайнихъ обстоятельствахъ для вѣры, но прославленіе вѣры, *in gloriam fidei, in gloriam Dei*. Истоженное сомнѣніемъ сознаніе никогда не могло бы произвести догматики. Посмотримъ ли мы на великихъ догматиковъ, которые являются здѣсь учителями и образцами, посмотримъ ли на какого-нибудь Аѳанасія, Ансельма Кентерберійскаго, Тому Аквината или посмотримъ на реформаторовъ и ихъ послѣдователей, всюду мы найдемъ, что не что иное какъ вѣра дала имъ импульсъ и была главнымъ мотивомъ для ихъ твореній, что они мыслили и изслѣдовали не въ неувѣренности сомнѣнія, а въ убѣжденности вѣры, какъ и вообще нужно сказать, что вѣра давала импульсъ ко всякому подлинно-церковному строительству. Посмотримъ ли мы на *немногія* догматическія произведенія, которыя появились въ наше время съ печатью самостоятельнаго мышленія, то опять найдемъ, что отличаетъ ихъ отъ громадной массы философскихъ произведеній именно стремленіе раскрыть свое пониманіе вѣры. Въ этомъ отношеніи *Шлейермаховская* догматика обозначаетъ поворотный пунктъ новѣйшаго времени. Ибо какъ ни судите относительно глубины и чистоты вѣры и познанія, которыя здѣсь выразились, но однимъ изъ большихъ результатовъ, которое произвело это сочиненіе было возобновленіе у многихъ увѣренности, что у догматики есть свой собственный самостоятельный принципъ и ея область не должна заимствовать ничего со внѣ, отъ философіи. Если мы сказали, что область догматики граничитъ съ одной стороны съ катехизисомъ, а съ другой, съ философіей, которая дѣлаетъ вѣру только своимъ объектомъ, то это можетъ быть названо только предварительнымъ, эвристическимъ опредѣленіемъ. Внутри этихъ границъ открывается мѣсто для большаго разнообразія болѣе или менѣе полныхъ догматическихъ формъ и потому задача введенія ближе опредѣлить способъ познаванія, *genus cognoscendi*, который составляетъ особенность догматики.

### § 3.

Понятіе о догматикѣ можно дать только въ связи съ понятіями: христіанство и христіанская церковь, католическая и евангельская <sup>1)</sup> церковь, каковыя (понятія) съ сво-

<sup>1)</sup> Въ авторѣ здѣсь сказывается протестантъ: евангельская церковь не можетъ отличаться отъ католической, такъ какъ евангеліе по существу своему католично и вѣрнымъ пониманіемъ евангелія обладаетъ только католическая церковь. Въ евангеліи церковь названа только два раза этимъ именемъ (Мѡ. 16, 18; 18, 17). Тогда только подготовлялся фундаментъ для зданія церкви. За раздѣленіе этихъ двухъ понятій (католич. и еванг. церкви) лютеране и называются евангелическими христіанами.

ей стороны отсылаютъ къ понятіямъ религіи и откровенія. Хотя эти пункты могутъ найти полное раскрытіе только въ самой догматической системѣ, однако они нуждаются въ предварительномъ и общемъ представленіи, чтобы возможно было обоснованіе понятія догматики <sup>1)</sup>.

2) Понятіе, данное М—омъ о догматѣ и догматикѣ, глубже и всестороннѣе, чѣмъ во многихъ позднѣйшихъ и даже новѣйшихъ догматикахъ. Но нельзя сказать, чтобы нѣкоторыя изъ послѣднихъ не пополняли кое въ чемъ Мартенсенова понятія. Мы познакоимъ читателя съ раскрытіемъ понятія о догматѣ въ лучшемъ изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ артодоксальныхъ руководствъ по „Исторіи догматовъ“, науки, которая теперь въ Германіи совершенно заслоняетъ систематическую догматику. Имѣемъ въ виду Seeberg'a K, *Lehrbuch der Dogmengeschichte*, B. I. Leipz. 1908. „Хотя догматы“, говоритъ Зеебергъ, „божественнаго, откровеннаго происхожденія, но такъ какъ формулировка и раскрытіе ихъ, въ которомъ они и сознаются нами ясно, выработаны человѣкомъ подъ самыми разнообразными вліяніями и случайными поводами“, то возможно, что въ обычное (жизненное) и даже научное пониманіе ихъ привносились по временамъ идеи низшихъ религій“. „Можно говорить о вліяніи началъ натуралистическихъ религій на изложеніе и раскрытіе въ нашихъ догматикахъ ученія о твореніи, о происхожденіи человѣка, о происхожденіи души человѣка при его рожденіи, о загробной участи человѣка, послѣднемъ судѣ и т. п. Извращаютъ ли такія вліянія и элементы догматовъ? По большей части они совершенно безвредны для нихъ, а главное—необходимы и неизбѣжны въ процессѣ раскрытія ихъ. Правда, моментъ подвижности и случайности дѣйствуетъ иногда затрудняяще на историческое разсмотрѣніе религій. Изумляешься иногда, какъ сильно чисто-политическіе и невысокіе личные мотивы, сила инерціи и глупая партійность дѣйствовали при формулировкѣ догматовъ. Это можетъ породить даже недовѣріе къ этимъ формуламъ. Но нельзя смотрѣть на единичныхъ личностей, также какъ на цѣлыя группы ихъ и официальные инстанціи, вырабатывавшія догматы, изолированно. Они только орудія, проводники широкихъ духовныхъ стремленій, они создавали образъ для неясныхъ движеній, образуя ихъ изъ предощущеній мысли или дѣлая и вырабатывая выводы изъ мыслей. Не собственныя произвольныя изобрѣтенія представляли соборы и ихъ руководители, но они находили слово для ощущеній и стремленій всей жизни ихъ времени. Не личные настроенія и политическія интриги создавали догматы, но религіозная жизнь церкви. Не такъ дѣло было, что нѣкто Аріій думалъ такъ, а нѣкто Аѳанасій—иначе, а императоръ Константинъ заботился въ политическихъ интересахъ объ единствѣ и это вызвало Никейское вѣроопредѣленіе, но всѣ эти лица съ ихъ силою и ихъ убѣжденіями были только орудіями, черезъ которыя совершался великій процессъ съ внутренней необходимостью... Догматика не исполнила бы своей задачи, если бы она представила

## Религія и откровеніе.

## § 4.

Всякая религія есть богосознаніе, богоотношеніе, заключающее противоположность Бога и міра, Бога и человѣка, но вмѣстѣ и разрѣшеніе, устраненіе этой противоположности къ единству. Религію поэтому нужно опредѣлить ближе, какъ сознаніе человѣка о его общеніи съ Богомъ, соединеніи. Религія отличается отъ искусства и философіи; правда, и философія есть богосознаніе, такъ какъ предметъ философіи—Богъ, Его отношеніе къ міру и человѣку,—и искусство можетъ быть богосознаніемъ, такъ какъ искусство можетъ дѣлать откровенія Божіи предметомъ своихъ изображеній. Но существенное различіе между этими сферами и религіозной—то, что спекулятивное и эстетическое богоотношеніе—отношеніе только второй линіи, отношеніе чрезъ идею, чрезъ мысль и образъ, тогда какъ религіозное богоотношеніе—существенное отношеніе, единство съ личной жизнью и бытіемъ въ этомъ отношеніи; и мы можемъ поэтому сказать, что религія въ истинномъ смыслѣ есть жизнь въ Богѣ. Въ то время когда такимъ образомъ у представителей искусства и науки Богъ только въ отобразѣ мысли и воображенія, у религіознаго человѣка Богъ въ самомъ существѣ, что будетъ ясно видно, если мы сопоставимъ поэтовъ и философовъ съ пророками и апостолами. Между философіей и искусствомъ, съ одной стороны, и религіей съ другой, поэтому тоже различіе, какъ между логическимъ построеніемъ и образнымъ представленіемъ молящагося и работающаго для царства Божія и личной жизнью, молитвой и работой для царства Божія.

---

развитіе догмы изъ богословскихъ и церковно-политическихъ споровъ; она должна показать и первое возникновеніе догмата изъ вѣры и ея религіознаго смысла или своеобразное выраженіе вѣрующей мысли, религіозной идеи въ догматѣ. Т. о. догматика научитъ пониманію руководящихъ нитей во всемъ церковномъ развитіи. По ихъ изложеніи и развитіи догматы дѣйствовали на жизнь церкви глубже и сильнѣе, чѣмъ можетъ показаться поверхностному наблюдателю. Какъ объяснять догматъ нужно изъ церковной жизни, такъ и показывать его вліяніе на эту жизнь. Доказательство послѣдняго—протестантство“. (S. 3 ff.).

## § 5.

Религіозное богоотношеніе поэтому должно быть ближе опредѣлено; какъ *святое*, личное богоотношеніе, которое свое всеобщее выраженіе находитъ въ отношеніи совѣсти. Ибо совѣсть имѣетъ не только сторону обращенную къ міру, не только сознаніе нравственнаго закона, который долженъ господствовать надъ человѣческой жизнью; но она имѣетъ и сторону, обращенную къ Богу, хотя эта сторона у большинства людей помрачена; совѣсть есть первоначальное совмѣстное знаніе человѣка съ Богомъ о своемъ личномъ существенномъ отношеніи къ Нему, непосредственное оцутительное совмѣстное знаніе съ Богомъ. Какъ я знаю себя въ своей совѣсти, такъ я живу и существую. Всѣ отношенія между Богомъ и человѣкомъ получаютъ только чрезъ то релігіозное значеніе, что они возникаютъ изъ этого существеннаго отношенія или принимаются въ него, и всякая увѣренность относительно божественныхъ и человѣческихъ предметовъ тогда только есть релігіозная увѣренность, когда она есть увѣренность совѣсти. Но это святое богоотношеніе можетъ находить мѣсто только подъ предположеніемъ теизма, а не пантеизма, можетъ находить мѣсто подъ предположеніемъ Свободнаго, Знающаго и Желаящаго, Который даетъ знать въ твореніи о своей вѣчной силѣ и божествѣ; только гдѣ тварь и человѣческая личность имѣютъ по отношенію къ Богу относительную самостоятельность, только гдѣ тварная воля встрѣчается съ вѣчной божественной волей, можетъ быть рѣчь о святомъ отношеніи противоположности и святомъ отношеніи единства. Пантеистическія формы релігіи лишены, какъ показываетъ язычество, характера святости и совѣсти или имѣютъ его только въ сильно затемненномъ видѣ: они представляютъ изъ себя поэтому несовершенный и неистинный видъ релігіи, что можетъ быть выражено и такъ, что богосознаніе язычества находится въ нечистомъ смѣшеніи съ міросознаніемъ, что релігіозное сознаніе находится въ нечистомъ смѣшеніи съ эстетическимъ и спекулятивнымъ сознаніемъ, что и представляютъ изъ себя всѣ мненія.

## § 6.

Какъ назначеніе человѣка—быть и самимъ собою и членомъ большаго цѣлаго, такъ это выступаетъ съ особенной силою въ религіи, которая составляетъ центральное назначеніе человѣка. Религіозное сознаніе есть, какъ индивидуальнѣйшее, наиболѣе личное сознаніе, вмѣстѣ и объединительное сознаніе. Ибо только въ одномъ царствѣ Божіемъ, въ одномъ царствѣ Боговдохновенныхъ индивидуумовъ, которые связаны другъ съ другомъ взаимностью продуктивности и воспримчивости, сообщенія и полученія, можетъ развиться религія свое богатство. Исторія наполнена свидѣтельствами объединяющей силы религіи. Не доказываетъ не только храмъ и синагога въ Ветхомъ Заветѣ, не только христіанская церковь и христіанскій союзъ, но и народныя религіи язычества. Гдѣ религія становится только частнымъ дѣломъ, только дѣломъ единичныхъ личностей, тамъ это знакъ, что наступило состояніе разрѣшенія, разрыва между субъективнымъ и объективнымъ.

*Примѣчаніе.* Утвержденіе, которое выставляется иногда въ новѣйшее время, что религія—*талантъ* и нельзя требовать отъ каждаго человѣка, чтобы онъ былъ религіозенъ, какъ мало можно требовать отъ каждаго челока, чтобы въ немъ былъ художественный или философскій талантъ,—такое утвержденіе ложно; конечно, могутъ быть люди, которые обладаютъ религіознымъ органомъ въ большей степени, чѣмъ другіе; конечно, возможна рѣчь о религіозномъ талантѣ и религіозномъ гени; но именно потому, что религія—*центральное* назначеніе человѣка, къ каждому человѣку въ томъ же смыслѣ прилагается требованіе быть религіознымъ, въ какомъ къ каждому человѣку прилагается требованіе быть нравственнымъ, хотя доелѣднее не исключаетъ того, что возможна рѣчь и о нравственномъ гени. Если часто повторяется, что есть много людей, которые нравственны, не будучи религіозными, то мы не намѣрены этого отрицать; только утверждаемъ, что такая нравственность лишена внутренняго содержанія и глубины. Безъ всякой религіи, безъ извѣстной вѣры въ промыслъ, будь это хотя бы только неопредѣленная, вѣра во всеуправленіе, не мыслима самосознательная нравственность.

## § 7.

Если мы станемъ искать болѣе опредѣленнаго познанія психологическихъ формъ явленія религіозности, то можно напередъ установить какъ всеобщее принятое положеніе, что религія въ психологическомъ отношеніи не проявляется исключительно ни какъ чувство, ни какъ познаніе и воля,

что здѣсь возможна рѣчь скорѣе не о „или-или“, а о „какъ-такъ и“. Шлейермахова догматика полагаетъ религію исключительно въ чувствѣ и такъ какъ чувство есть выраженіе для непосредственнаго соприкосновенія сознанія и предмета, то можно сказать, что этимъ обозначена основа религіозности, ея основа, но не вѣнецъ. Если Шлейермахеръ религіозное чувство опредѣлилъ, какъ чувство абсолютной зависимости, то онъ этимъ, подобно мистикамъ, опредѣлилъ благочестіе какъ *богострадательное* состояніе, какъ состояніе, въ которомъ человѣкъ во внутреннѣйшихъ основахъ своей души чувствуетъ себя объятъ силою, въ которой мы живемъ, движемся и существуемъ,—какъ священный паеосъ, въ которомъ человѣкъ чувствуетъ себя сосудомъ и жилищемъ Божества. Но какъ это описаніе напоминаетъ мистика, такъ оно и само мистично: остается въ неопредѣленномъ гаданіи о томъ, какова эта абсолютная сила, отъ которой я чувствую себя зависимымъ, безлично ли это абсолютное, фатумъ ли, или этическая, святая, добрая сила. Только въ последнемъ случаѣ можетъ богострадательное состояніе, можетъ абсолютное чувство зависимости быть и освобождающимъ, возвышающимъ. Ибо только отъ доброй, святой силы могу я чувствовать подкрѣпленіе для себя въ своей личности, а не отъ безличнаго абсолютнаго.

Чтобы устранить эту двусмысленность, мы опредѣляемъ съ Мюнстеромъ основное религіозное чувство, какъ чувство *безграничнаго благоговѣнія*. Въ немъ лежитъ глубочайшее чувство зависимости, конечности, сотворенности, смиренія; но въ немъ заключается и то, что сила, отъ которой я чувствую себя зависимымъ, добрая, святая сила, съ которой я въ моей совѣсти чувствую себя связаннымъ, не фатумъ, который можетъ быть предметомъ только страха, а не благоговѣнія. И въ этой зависимости благоговѣнія коренится довѣріе, преданность, любовь, какъ это мы видимъ въ религіи патріарховъ. Какъ благоговѣніе Авраама есть выраженіе для зависимости творенія отъ всемогущаго Творца неба и земли, такъ въ этомъ благоговѣніи есть уже предощущеніе свободы славы чадъ Божіихъ.

*Епископъ Мартенсенъ.*

(Продолженіе будетъ).

---



## Цельсъ и Оригенъ.

(Окончаніе \*).

Если бы ученіе Цельса о космической періодичности было истинно,—замѣчаетъ Оригенъ,—то явно, что оно испровергло бы все христіанство, какъ религію, провозглашающую идею творенія и спасенія міра во Христѣ и чрезъ Христа—Богочеловѣка. Безполезно было бы говорить объ искупленіи, о вѣрѣ въ трансцендентное оправданіе жизни, о вѣрѣ въ „благодать Христову“, а также о принципѣ нравственной свободы и отвѣтственности, о свобододѣйствующихъ силахъ и нравственномъ вліяніи въ исторіи человѣчества. Если повсюду господствуетъ законъ роковой необходимости, если все въ жизни міра и судьбахъ людей совершается съ періодической повторяемостью по вѣчно-старому и нѣтъ ничего новаго и лучшаго ни въ знаніи, ни въ вѣрѣ, ни въ добродѣтели, ни въ просторахъ безконечности бытія и исторіи духа человѣческаго и если правда, что всѣ существа и явленія во вселенной дѣйствительно должны снова возвратиться въ „первобытное состояніе“, въ которомъ они нѣкогда были, въ эпоху дней, отзвучавшихъ неизвѣстно когда, то и „неискупленное состояніе людей“ снова должно вернуться и вступить въ свою силу,—и, значитъ, Христось напрасно умеръ бы за насъ. По-прежнему зло все превозмогло бы. Но, тогда жизнь всего міра и всего въ мірѣ и въ исторіи человѣчества превратилась бы въ невообразимо медленный стонъ или въ дикое изступленіе, въ нестерпимый оргіазмъ первобытной магіи во имя вѣчно „воскресающаго прошлаго, во

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1910 годъ.



имя вѣчно—цвѣтущей смерти и вѣчнаго забвенія. „Станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ“. Тогда умираетъ самая вѣра въ радость бытія и жизни въ настоящемъ и грядущемъ. Но жизнь, построенная на основѣ случайной и периодически вспыхивающей инициативы (*ἀνακόχλωσις*), какъ изношенная оболочка, заранѣе обречена на мертворожденность и крушеніе. Такой именно жизнью и живетъ все язычество, незнающее освобожденія отъ слѣпой замкнутости міровой исторіи, обезсиленное въ чарахъ магіи и въ волшебствахъ теургіи. И самъ Цельсъ въ безсиліи отъ невыносимаго бремени этой неискупленной жизни призываетъ христіанъ или совершенно отказаться отъ міра безъ искривленныхъ улыбокъ безглаголиваго отвращенія и аскетическихъ прикрасъ или-же раздѣлять съ язычниками все, что ихъ волнуетъ въ этомъ мірѣ, всѣ невзгоды и превратности ихъ жизни. И, говоря такъ, Цельсъ безсознательно выражалъ ту „міровую скорбь“, въ которой всегда томилось язычество, потерявъ вѣру въ преодоленіе трагедіи зла и рока въ природѣ и исторіи.

Не такова жизнь въ христіанствѣ. Во Христѣ открылась „лучшая жизнь, которую Богъ даруетъ умирающимъ для грѣха“ <sup>1)</sup>. Дѣло спасенія отъ зла въ жизни совершенно Христомъ однажды и неповторяемо (Евр. 9, 12. 24—28; 7, 27; 6, 20). Его нельзя отложить до какихъ-то новыхъ формъ и периодовъ домірнаго существованія или перенести въ какіе-то другіе міры, то загорающіеся, то опять гаснущіе въ безконечномъ круговоротѣ временъ. Христосъ есть *разумъ* (*λόγος*) и истина исторіи. Онъ есть Богъ—Слово, дарующее міру свѣтлое воскресеніе и жизнь. И тамъ, гдѣ міръ болѣетъ грѣхомъ, Онъ несетъ Свою исцѣляющую благодать <sup>2)</sup>. Вся исторія человечества шла къ Нему и теперь идетъ отъ Него. Нужно внутрь себя принять Его и уподобиться Ему, преобразить въ Немъ и обожить чрезъ Него человѣческую природу. Онъ—Посредникъ между Богомъ и человѣкомъ и великій Первосвященникъ, молящійся вмѣстѣ съ нами <sup>3)</sup>. Онъ

<sup>1)</sup> Р. и., стр. 159.

<sup>2)</sup> Contr. Cels. IV, 69.

<sup>3)</sup> „Одного Бога и Одного Сына Его, Слово и Образъ мы почитаемъ... вознося молитвы къ Богу всѣхъ чрезъ Его Единороднаго Сына. Къ Нему, какъ Архіерею, прежде всего мы возносимъ ихъ“

открылъ намъ *дверь* (Іоан. 10, 9) въ обители Отца Небеснаго, и Онъ одинъ возноситъ наши молитвы къ Богу—Отцу. Въ молитвѣ къ Нему выходъ для насъ изъ этого „злого міра“ и входъ въ вѣчную жизнь Отца Небеснаго. Метафизика зла и демоническихъ силъ разрушена Христомъ. Безцѣльное круговращеніе природы, во злѣ лежащей, разорвано. Есть выходъ и спасеніе для свободы духа, для творчества исторіи и улучшенія жизни. Это—благодать, молитва и таинства. Въ идеѣ и фактѣ молитвы Оригенъ особенно выясняетъ путь аскетизма, путь личнаго спасенія во Христа и побѣды надъ зломъ. „Жизнь въ настоящемъ мірѣ полна превратностей“<sup>1)</sup>. Это жизнь „большинства людей“. Не нужно „презирать и преуспѣвать въ той жизни, которая подобна жизни Божіей“<sup>2)</sup>.

Пантеистическая теорія космическаго круговращенія по своимъ послѣдствіямъ не можетъ быть плодотворнымъ и примиряющимъ догматомъ. Это понятно и само собою. Она не можетъ удовлетворять требованіямъ религіи и морали, разума и совѣсти, вѣры и жизни. И это сознавалъ самъ Цельсусъ, когда поправлялъ и дополнялъ ее вѣрой въ „накибытіе“ міра (*παληγγενεσία*), „переселеніе“ душъ и тѣлъ (*μετεμψόρωσις, μετεμψύρωσις*) и возобновленіе совершенства міра (*ἀποκαταστάσις ἀπάντων*). Эта вѣра основывается уже не на теоріи *космическихъ* періодовъ и процессовъ,—она даже ей противорѣчитъ,—а на существенныхъ запросахъ и потребностяхъ *нравственной* природы человѣка, ищущей успокоительнаго примиренія идеала и дѣйствительности, стремящейся къ

прося Его,—Умилостивленіе наше за грѣхи наши,—возноситъ наши моленія, прошенія и жертвы къ Богу, сущему надъ всѣмъ“ (Contr. Cels. VIII, 13). „Всякую молитву, моленіе, прошеніе и благодареніе должно возсылать къ Богу надъ всѣмъ чрезъ Архіерея надъ всѣми ангелами, Живое Слово и Бога“ (V, 4). „Одному Богу надъ всѣмъ должно молиться и Единородному и Перворожденному всея твари, Слову Божію, и просить Его, какъ Архіерея, чтобы Онъ возносилъ *обращаемую къ Нему* молитву къ Богу Своему и Богу нашему, къ Отцу Своему и Отцу тѣхъ, которые живутъ согласно съ Словомъ Божіимъ“ (VIII, 26). Мысль та: весь міръ, вся вселенная—*храмъ* Божій, и въ немъ ходатайственно священнодѣйствуетъ предъ Отцемъ, какъ предъ „Богомъ Своимъ“, Самъ Единородный Сынъ Его, Христосъ—Богочеловѣкъ. Онъ Своими молитвами приводитъ всѣхъ людей къ Богу Отцу, подъ Его благоволеніе и подъ осѣненіе Духа благодати.

<sup>1)</sup> Р. п., стр. 177.

<sup>2)</sup> Тамъ-же, стр. 181.

другой жизни, свѣтлой, духовной, свободно-разумной, вѣчной. И христіанство,—говоритъ Оригенъ, возражая Цельсу въ апологетическомъ духѣ,—учитъ о періодности времени, о „великихъ періодахъ“ въ исторіи мірозданія и человѣчества, завершающихся возвращеніемъ всѣхъ вещей къ своему первоначалу и первоисточнику—Богу. Это Оригенова *παλιγγενεσία* и *ἀποκατάστασις τῶν πάντων*, возстановленіе всего сотвореннаго въ первобытномъ совершенствѣ. Даже діаволь, какъ самостоятельная ипостась зла, а не какъ простое отрицаніе Божественной сущности, не исключенъ изъ всеобщаго обновленія міра. Будетъ кончина адскихъ мученій (вопреки Еф. 1, 10; Кол. 1, 20; 2, 15).

Но для Оригена *ἀποκατάστασις πάντων* не періодическое возвращеніе вещей въ первобытно-безформенное и безразличное тожество бытія въ предвѣчной матеріи и не стоическая *παλιγγενεσία*, періодическое возвращеніе „золотого вѣка“ котораго придержививался и Цельсь, а конечная побѣда Бога надъ міромъ зла, полное торжество духа надъ плотію, когда вся матерія, какъ принципъ зла, исчезнетъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ—діаволомъ. Міровой процессъ завершится полнымъ возстановленіемъ первоизданнаго единства и гармоніи бытія и жизни, нарушеннаго грѣхопадениемъ, исчезнетъ даже самая противоположность добра и зла въ общеніи съ Богомъ и настанетъ истинная, вѣчная суббота <sup>1)</sup>. Въ отличіе отъ языческой палингенесіи и апокатастасиса, неразрывно связанныхъ съ пантеистической идеей вѣчной матеріи, Оригенъ развиваетъ нравственную идею всемірнаго и всецѣлаго обновленія вселенной, когда матерія и связанное съ ней бытіе зла и смерти упряднятся и откроется безконечное царство духовно-святой жизни въ Богѣ. „Будетъ Богъ все во всемъ“ (1 Кор. 15, 18). Исторія этого міра завершится первобытнымъ совершенствомъ его (*ἀποκατάστασις*). Кончина міровой исторіи есть возстановленіе творенія въ его райскомъ предназначеніи. Въ формулѣ Цельса лежитъ идея несущей матеріи, древняго хаоса, замаскированнаго космическимъ закономъ періодическаго погруженія міра въ безформенное состояніе какихъ-то новообразованій, совершающихся въ безконечности вѣковъ, а у Оригена религіозная

<sup>1)</sup> Contr. Cels. IV, 61.

вѣра въ возвращеніе міра къ Богу—Творцу и Вседержителю и надежда въ спасительный конецъ его исторіи, питаемая догматомъ искупленія и воскресенія Христова.

Правда, церковь не приняла взгляда Оригена на апокатастасисъ, на грядущія судьбы человечества и всего міра, какъ не во всемъ согласныя съ словомъ Божиимъ. Эсхатология Оригена дѣйствительно во многомъ невыяснена, загадочна, неокончена. Но въ борьбѣ съ Цельсомъ этотъ взглядъ Оригена имѣлъ свое апологетическое значеніе, какъ отвѣтъ учителя церкви, желавшаго защитить истину христіанства, пользуясь терминами противника, но вкладывая въ нихъ свое содержаніе, свои мысли по вопросамъ эсхатологии. Эти мысли были оригинальны, но не совершенно церковны. Въ нихъ не доставало еще ясно выраженной догматической идеи о воскресеніи мертвыхъ и о послѣднемъ судѣ Христовомъ. Но, не желая расходиться съ церковію въ вѣрѣ въ догматъ воскресенія плоти, Оригенъ принимаетъ этотъ догматъ, какъ идею, хотя и спиритуализируетъ его до крайности <sup>1)</sup>. Такое отношеніе къ догмату воскресенія онъ считалъ необходимымъ въ цѣляхъ полемики и разрушенія эсхатологическаго антропоморфизма и хиліазма, вокругъ которыхъ главнымъ образомъ сосредоточивались идеи еврейскаго популярнаго мессіанизма и стоической палингенесіи, затруднявшія язычникамъ и іудеямъ усвоеніе чистыхъ идеаловъ христіанства. О догматѣ воскресенія Оригенъ „богословствуетъ вообще“ (περίληπτικῶς), въ общемъ смыслѣ, приблизительно,—и это тѣмъ болѣе, что этотъ догматъ, какъ и другіе догматы христіанства, не былъ еще точно формулированъ въ то время.

Ученіе Цельса о вѣчности матеріи, о сущности и происхожденіи зла, исключаящее возможность и необходимость спасенія и оздоровленія міра, представляетъ собою довольно-мрачное воззрѣніе. Это взглядъ языческаго нигилизма, результатъ философско-моральнаго декаданса, отличавшаго языческую религію и вѣру, отрицавшаго нравственную свободу и культурный прогрессъ. Но теорія Цельса,—говоритъ Оригенъ,—имѣетъ и утѣшительную сторону, удобопріемлемую. Цельсъ стремится представить и бодрящія начала, стремится замаскировать отстаиваемый имъ „заколдованный

<sup>1)</sup> III, 78; IV, 10. 57; V, 18.

кругъ“ бытія. Для успокоенія смятенной совѣсти Цельсъ разсуждаетъ, что зло, насколько намъ извѣстно, можетъ быть и добромъ или благомъ. „Если иное тебѣ кажется зломъ, то это не значить еще, что такъ оно есть и на самомъ дѣлѣ. Ты не знаешь, что оно, можетъ быть, полезно для тебя, или для другого или для всѣхъ“<sup>1)</sup>.

Въ этихъ словахъ Цельса зло при помощи всеоправдывающаго пантеизма представляется добромъ или въ задачахъ добра. Безъ сомнѣнія, въ этомъ оптимистическомъ взглядѣ есть свой вѣрный практическій смыслъ и своя опредѣленная цѣль. Имъ часто оправдываютъ компромиссы въ жизни, коллизіи чувствъ: въ немъ нерѣдко ищутъ выхода изъ невозможныхъ затрудненій и роковыхъ противорѣчій, создающихся при упраздненіи реальной цѣнности моральныхъ различій, при нравственной растерянности, при разбитости жизни и безысходности положенія. Но если примѣнять эту мысль,—какъ дѣлаетъ это Цельсъ,—къ грѣху, къ оцѣнкѣ его, какъ нравственнаго зла, то она будетъ означать, что грѣхъ не представляетъ изъ себя реальности, что зло есть только будущее добро или же это только чистая фикція слабодушныхъ, пугливыхъ людей, подъ которыми Цельсъ разумѣетъ христіанъ. Это и есть та утѣшительная мечта, то „усыпительное средство“, гипнозъ пассивнаго воспріятія міра, который во всѣ вѣка подавался пантеизмомъ человѣчеству, чтобы убаюкать совѣсть людей, смятенную кошмаромъ злой жизни, притупить въ человѣкѣ нравственную чувствительность, совершенно сгладить въ исторіи жизни и человѣка подлинно-этическій моментъ, воспитать въ людяхъ „философское равнодушіе“ (*ἀπαθία*) къ моральному состоянію этого міра, какъ явленію, неподдающемуся исправленію или улучшенію и въ то же время ненуждающемуся въ немъ. На этой-то почвѣ,—замѣчаетъ особо настойчиво Оригенъ,—возникаютъ мнѣя, создается магія и волшебство, совершаются заговоры, вѣщія заклинанія, волхвованія и чародѣйства, чтобы при помощи ихъ обворожить человѣка, изгладить изъ памяти его метафизическій миражъ „злого міра“, вѣчной матеріи, заклѣтой природы, а у кого время отъ времени все—еще прорывается „титаническій бунтъ“ противъ неумолимой судьбы этого міра, противъ непроницаемаго сплетенія и кру-

<sup>1)</sup> IV, 70.

говращенія стихій его, у того возбудить экстазъ благоговѣннѣ къ природѣ и покорить ей, какъ озаконмѣренному боже-ству или-же обожествленной вселенной. На этомъ пути возникаетъ и развивается языческій оккультизмъ, мнѳологическое ученіе о демонахъ или полубогахъ, призываемыхъ особыми стихами, заговорами и магическими пѣснями и привлекаемыхъ на то, чего хотятъ отъ нихъ <sup>1)</sup>. Такъ создается обманнѣйшій ликъ языческой магіи и теургіи, ложная и пустая вѣра въ ихъ всемогущее творчество въ познаніи міра и въ дѣлѣ исторіи.

Въ основѣ религіозно-метафизическихъ понятій о Богѣ и религіи у Цельса лежитъ философскій пантеизмъ или пантеистическая мистика язычества. Это ясно видно изъ многихъ отрывковъ его сочиненія *Ἀληθινὸς λόγος*, сохранившихся у Оригена.

Бога, по ученію Цельса, какъ Абсолютное Существо и Перво-Божество, нельзя постигнуть разумомъ и нельзя обозначить какимъ-либо именемъ. О Немъ ничего не можетъ быть сказано. Онъ не поддается никакому умственному опредѣленію. Слова человѣческаго языка не называютъ Его сущности и не выражаютъ его жизни. Поэтому, Цельсъ ищетъ аналогій въ природѣ. Онъ сравниваетъ Бога съ солнцемъ Богъ—солнце, первоисточникъ всѣхъ вещей <sup>2)</sup>. Что солнце для видимаго и познаваемаго міра, среди наблюдаемыхъ вещей и явленій природы, то и Богъ въ мірѣ всѣхъ нашихъ понятій, доступныхъ уму и познанію. Солнце ни глазъ, ни зрѣніе, но самодавляющій источникъ свѣта и зрительныхъ впечатлѣній для глаза: оно даетъ возможность для зрѣнія видѣть вещи, какъ онѣ суть въ дѣйствительности, а для видимыхъ предметовъ возможность быть видимыми и познаваемыми, для себя-же самого оно свѣтонепроницаемо и исключаетъ всякую возможность своей видимости. Солнце въ себѣ самомъ не свѣтъ, а только блестящая завѣса,

<sup>1)</sup> VII, 69.

<sup>2)</sup> О солнцѣ, какъ единомъ Божествѣ, говорятъ многія религіи: персидская (Ормуздъ), вавилонская (Мардукъ), египетская (Ра и Атумъ). Изъ нихъ и взялъ Цельсъ это сравненіе. Понятіе Единаго Бога, олицетворяемаго солнцемъ, приняло духовный характеръ подъ вліяніемъ ученія пифагорейской школы. Оно особенно было принято и разработано на философско-мистической основѣ у неоплатониковъ.

ослѣпляющая глаза своимъ блескомъ. И нельзя выразить, какъ солнце имѣетъ своимъ свойствомъ излученіе свѣта. Такъ и Богъ въ тайнѣ бытія Своего и въ мірѣ умственной жизни человѣка, въ мірѣ опыта и теоретическаго познанія. Онъ—ни разумъ, ни мысль, ни познаніе, но предвѣчный источникъ познанія для ума, для мысли—возможность ея бытія въ душѣ человѣка, для познанія міра—возможность ея происхожденія и развитія, для всѣхъ вещей вообще, для цѣлаго міра—возможность ихъ познаваемости, для самой истины и для самаго бытія вселенной—источникъ ихъ существованія и внутренняго смысла. Но Самъ по себѣ, внѣ всего этого, Богъ существуетъ и познается неизреченно, какъ нѣкое невидимое Могущество и магическая Сила, какъ Абсолютное единство всего въ Себѣ, не хотящее вопросовъ и отвѣтовъ, не нуждающееся въ познаніи отъ другихъ существъ <sup>1)</sup>. Въ Абсолютѣ нѣтъ познанія, какъ замѣны эмпирически-реальнаго бытія идеальнымъ, направляющимъ къ небу, или, наоборотъ, какъ замѣны идейнаго натуральнымъ, фактическимъ, историческимъ, обращающимъ къ землѣ и ко всему матеріальному. Богъ всецѣлое безразличіе Абсолютной сущности и тождество ея.

Эти аллегорическія мысли Цельса о Богѣ и существѣ Его природы, взятыя сами по себѣ, пожалуй, не совсѣмъ несовмѣстимы съ религіозно-теистическими представленіями о Богѣ, раздѣляемыми христіанскими писателями, особенно апологетами. Сравненіе Бога съ солнцемъ встрѣчается уже у раннихъ апологетовъ <sup>2)</sup>. Поэтому и Оригенъ, какъ будто не особенно усиливается оспаривать и опровергать онтологическое значеніе мистико-діалектическихъ разсужденій Цельса о Богѣ, о недосыгаемости, непроницаемости и непостижимости существа Божія. Въ первоощущеніи всеединаго Бога, символически объясняемаго Цельсомъ, онъ видитъ общее выраженіе истины религіознаго сознанія язычества. Но Оригенъ вооружается противъ религіозно-метафизическаго агностицизма Цельса, противъ отрицанія имъ живыхъ отношеній между Богомъ и человѣкомъ. Онъ энергично отстаиваетъ идею живаго взаимодействія между Богомъ и человѣкомъ;

<sup>1)</sup> Contr. Cels. VII, 45.

<sup>2)</sup> „Солнце—образъ Бога“,—говоритъ св. Теофилъ Антиохійскій (къ Автолику, II, 19).

идею Богопознанія и откровенія истины отъ Бога. Противъ мнѣнія Цельса о предвѣчной примрачности природы Божества, онъ приводитъ текстъ: „Богъ есть свѣтъ, и тьмы въ Немъ нѣтъ никакой“ <sup>1)</sup>. А если Богъ есть свѣтъ, то его можно и познавать, и любить въ Его свѣтоносной жизни, въ лучахъ Его свѣта. Противъ мысли Цельса о совершенной невозможности познанія Бога изъ откровенія Его слова Оригенъ замѣчаетъ: „если рѣчь идетъ о томъ словѣ, которое въ насъ, будетъ ли оно внутреннее или произнесенное (εἶτε ἐνδιάδητοϋ, εἶτε καὶ προφορικῶ), то и мы скажемъ, что Богъ непостижимъ для слова (οὐκ ἐφικτὸς τῷ λόγῳ); если-же разумѣть то Слово, о которомъ говорится: *въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ* (Иоан. 1, 1), то мы признаемъ, что для этого Слова Богъ постижимъ (ἐφικτὸς)“ <sup>2)</sup>.

Въ этомъ мѣстѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ сочиненія „Противъ Цельса“, Оригенъ обнаруживаетъ величїе своего благороднаго духа и широкаго ума, характерное для его апологїи христіанства. Онъ готовъ въ духѣ философской простоты и универсальной истины признавать то, что хорошо сказано у Цельса или у другихъ философовъ о Богѣ, о религїи и истинахъ морали. Онъ даже согласенъ съ извѣстнымъ ограниченїемъ принять въ свою богословскую систему въ цѣляхъ сближенія христіанства съ философїей такія языческія мнѣнія, какъ ученїе о вѣчности матерїи міра, о предсуществованїи душъ (вопреки Быт. 25, 22; Лук. 1, 41; Іер. 1, 5), о безконечности періодовъ міротворенія, о безчисленной множественности конечныхъ міровъ (аѳоновъ). Въ духѣ философїи Платона онъ называетъ Бога „идеєю идей и сущностью сущностей“ (οὐσίαν οὐσιῶν καὶ ἰδέαν ἰδεῶν) <sup>3)</sup> и учитъ, что Богъ есть Существо самопричинное, безтѣлесное, самобытный Духъ <sup>4)</sup> и высокій Умъ (νοῦς), всецѣло простая природа, ἀρχή (начало всего) и ἐνάς <sup>5)</sup> (великая единица), въ трансцендентномъ бытїи своемъ вседозвольная и всеблаженная. Но въ научно-философскомъ раскрытїи христіанскаго ученія о Богѣ Оригенъ не согласенъ признать неоплатоническое Цельса сравненїе Бога съ солнцемъ, не согласенъ принять его въ качествѣ всеобъемлющаго критерїя при оцѣнкѣ идеи о Богѣ.

<sup>1)</sup> Р. п., стр. 218.

<sup>2)</sup> Contr. Cels. VI, 65.

<sup>3)</sup> VI, 64.

<sup>4)</sup> VI, 62; I, 21.

<sup>5)</sup> I, 23.



„Священное писаніе,—говоритъ Оригенъ,—полно символовъ. Оно выразило въ загадкахъ, образахъ, аллегоріяхъ и, такъ называемой, темной рѣчи высокія истины, относящіяся къ созерцанію и превосходящія пониманіе обыкновенныхъ людей“<sup>1)</sup>. Такова и идея о Богѣ въ Его наименованіяхъ. Но сравненіе Бога съ солнцемъ недостаточный и крайне неопредѣленный символъ вѣры въ Него. Изъ этого сравненія естественно вытекаетъ скорѣе представленіе о Богѣ, какъ Существо, не только неизменномъ никакимъ именемъ, но и неизнаваемомъ, не только непостижимомъ, но и вовсе недоступимомъ, самозаключенномъ, отчужденномъ отъ міра и его молитвъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это источникъ всего существующаго,—и, однако, Онъ непохожъ ни на что существующее въ мірѣ, какъ солнце непохоже на глазъ, хотя оно и даетъ ему возможность видѣть предметы окружающаго міра. Божество не похоже даже на человѣчскій разумъ (принципъ законмѣрности природы), такъ какъ не обладаетъ даже свойствами разума, мысли и познанія. Богъ есть такое Существо, природу котораго нельзя опредѣлить ни по какому изъ дѣлъ Его, вещественныхъ или умопредставляемыхъ. О Немъ ничего нельзя ни утверждать, ни отрицать, даже нельзя сказать того, что Онъ Самъ существуетъ. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Цельса, „вѣчная идея“ Бога недоступна для человѣческаго ума и бесплодна для познанія цѣнности бытія и жизни вселенной. Получается своеобразный агностицизмъ языческой метафизики, логически замыкающій кругъ нравственныхъ понятій, питаемыхъ у Цельса стоической апатіей и эпикурейскимъ индифферентизмомъ. Въ этомъ отношеніи съ новой стороны видна ложь мистико-пантеистическихъ представленій о Богѣ. Пантеизмъ Цельса—это религіозно-бесплодное настроеніе ума, извращающее „неустранимую идею о Богѣ“<sup>2)</sup>, легко переходящее въ безбожіе и антиномизмъ, особенно при невозможности разумнаго познанія Бога изъ Его природы. Только христіанство вѣрой въ личнаго Бога спасетъ насъ отъ этой темной „ночи невѣдѣнія“ Божества, зіяющей во всяческомъ пантеизмѣ. Въ немъ дано истинное ученіе о Богѣ, а именно въ

<sup>1)</sup> VII, 10.

<sup>2)</sup> Р. п., стр. 175.

откровеніи пресущественнаго Логоса, воплотившагося во Христѣ—Спасителѣ рода человѣческаго.

Въ полномъ согласіи съ своими пантеистическими представленіями о Богѣ. Цельсѣ былъ ревностнымъ защитникомъ языческаго *политеизма*. Въ своей религіозно-философской концепціи религіи онъ свободно вносилъ популярныя элементы язычества.

Во всемирной исторіи религіознаго сознанія и жизни человѣчества, во всѣ вѣка, *пантеизмъ* (всебожіе) въ теоріи, въ мышленіи, въ идеѣ означаетъ *политеизмъ* (многобожіе), на практикѣ, въ жизни, въ поведеніи, въ быту, въ обрядѣ культа <sup>1)</sup>. Указаніе на эту черту пантеизма составляетъ центръ тяжести апологіи Оригена въ этомъ пунктѣ. И философы, при всей раціоналистической и аллегорической морализаціи язычества, раздѣляли грубый политеизмъ или пантеистическій матеріализмъ. Они не отличались отъ народа въ своихъ воззрѣніяхъ на традиціонныя формы религіозной вѣры и культа. Въ метафизическихъ глубинахъ и символахъ языческихъ легендъ, мифовъ, трагедій и аллегорій они искали точекъ опоры для своихъ философскихъ и моральныхъ системъ. Оттого языкъ мудрецовъ и поэтовъ наполовину мифологической или символической. Такимъ языкомъ говорилъ и писалъ Платонъ, изъ діалоговъ котораго Цельсѣ приводитъ факты греческой теокосмологіи. Философскія идеи у него вплетены въ причудливый узоръ мифологіи. Философы вообще любятъ или выдумываютъ свои отвлеченныя идеи о Богѣ. Но для популярности этихъ идей необходимо, чтобы имъ соотвѣтствовало то или другое „божество“ въ традиціонномъ пантеонѣ. Безъ этого условія какъ бы ни была возвышенна и прекрасна извѣстная философская идея о Богѣ она сразу теряла свой религіозный смыслъ и значеніе, ей грозила неминуемая гибель въ судьбахъ народной мысли, совѣсти и чувства. Хотя,—замѣчаетъ Оригенъ,—философы часто протестовали противъ грубыхъ языческихъ суевѣрій, однако, они, какъ дѣти своего народа и страны, вмѣстѣ со всѣми спокойно приносили „жертвы богамъ“ и, по традиціи, принимали участіе въ религіозныхъ церемоніяхъ и ми-

<sup>1)</sup> О взглядѣ Цельса на политеизмъ см. особенно *Contr. Cels.* VII.

стеріяхъ <sup>1)</sup>, чтобы не прослыть за „безбожниковъ“ и не заплатить за это жизнь, которую такъ любили, какъ заплатились, напр., великій Сократъ и мудрый Пифагоръ. Сюда-то, въ міръ этого философскаго двоедушія и лицемѣрія, и вошло христіанство со своимъ монотеизмомъ, какъ религія, жаждавшая всемірнаго распространенія. Для христіанства въ лицѣ его лучшихъ представителей ученіе и жизнь, слово и вѣра—это одно цѣлое бытіе и цѣльное знаніе. Оно не кривитъ душой, не раздвояется,—и, отрицая безбожіе языческаго политеизма, шло на мученіе за вѣру. Многіе „презрѣли жизнь и добровольно приняли смерть за вѣру“ <sup>2)</sup>. Въ этомъ героизмѣ и прямодушіи христіанъ Оригенъ видитъ истинное величіе христіанства, какъ религіи и вѣры, и прочный залогъ его побѣды надъ языческимъ многобожіемъ и культомъ.

Чтобы оправдать многобожіе, какъ историческій фактъ языческой религіи, философы-неоплатонники придумали особую религіозно-метафизическую теорію о сущности и происхожденіи его. Пользуясь идеей единобожія Платона, эти философы учили, что Верховное Божество выше всякой зависти. Оно не восхотѣло пользоваться единоличнымъ почитаніемъ и, поэтому, великодушно допускало цѣлую толпу низшихъ божествъ, получившихъ каждое свою долю чести и поклоненія отъ людей. Это міръ многочисленныхъ демоновъ <sup>3)</sup>, царство назойливыхъ духовъ, чудовищныхъ привидѣній. Имъ Цельсъ приписываетъ происхожденіе міра и управленіе имъ, соблюденіе надзвѣздной гармоніи. По понятіямъ Цельса, все

<sup>1)</sup> „И тѣ самые, которые писали великія слова о первомъ благовѣ, ходятъ въ Пирей молиться Артемидѣ, какъ Богу, и присутствовать при торжествѣ, совершаемомъ простыми людьми; тѣ, которые такъ философствовали о душахъ и изображали блаженство добродѣтельной жизни, оставивъ великіе предметы, которые *Богъ явилъ имъ*, мудретвуютъ о низкомъ и ничтожномъ и приносятъ пѣтуха въ жертву Эскулапу; тѣ, которые прозрѣвали въ *невидимое Божіе* и въ идеи отъ *созданія міра* и сквозь *видимыя* вещи, отъ которыхъ они восходили къ умозерцаемому и не худо созерцали *вѣчную силу Его и Божество*, тѣмъ не менѣе *осуетились въ умствованіяхъ своихъ* и несмысленное сердце ихъ вращается во мракѣ и невѣдѣніи истиннаго Богопочитанія“ (Рим. 1, 21). Contr. Cels. VI, 3. 4.

<sup>2)</sup> Р. п., стр. 149.

<sup>3)</sup> Contr. Cels. VII, 55. 66. 68. 69; VIII, 2. 11.

что есть въ мірѣ, въ жизни вселенной, обозначаетъ часть невѣдомаго, безымяннаго Божества, раскрываетъ его бытіе, природу, служить ему и живетъ имъ и, слѣдовательно, все это можетъ быть разумно почитаемо. И всѣ отдѣльные боги или демоны суть только самостоятельныя части или отдѣльныя проявленія, олицетворенія единаго великаго Неизвѣстнаго, Непознаваемаго Божества.

Такимъ простымъ разсужденіемъ Цельсъ защищаетъ политеизмъ язычества, какъ религію. Это, въ сущности, неоплатоническій плюрализмъ бытія или теорія философско-пантеистическаго натурализма, которой Цельсъ хотѣлъ одухотворить умиравшее язычество и оживить разлагавшіяся національныя культы, хотѣлъ осмыслить факты языческаго многобожія, сдѣлать его разумнымъ и привлекательнымъ для образованныхъ классовъ языческаго общества и, такимъ образомъ, примирить народныя воззрѣнія на боговъ съ философскими, анимистическій политеизмъ съ философскимъ монотеизмомъ и отклонить обвиненіе и упрекъ въ грубомъ идолопоклонствѣ, обращенный къ нему со стороны христіанъ <sup>1)</sup>. Сходясь невольно съ христіанами въ основномъ взглядѣ на языческихъ боговъ, какъ на демоновъ, Цельсъ естественно считалъ всѣ религіи и всѣ культы, посвященные тому или другому божеству, допустимыми въ римскомъ государствѣ. И самое христіанство онъ готовъ былъ приравнять къ этимъ національнымъ культамъ и религіямъ <sup>2)</sup>. По его мнѣнію, христіанство нельзя разсматривать, какъ обособленное явленіе въ исторіи человѣчества и необходимо указать ему свое мѣсто среди религій всего міра. Въ христіанствѣ много аналогій съ другими религіями и культами. Про языческаго бога Асклепія рассказываютъ подобныя-же вещи, какъ и про Христа. Митра и его мистеріи имѣютъ много поразительнаго сходства и точекъ соприкосновенія съ христіанскимъ культомъ. Рожденіе отъ Дѣвы тоже не представляетъ чего либо оригинальнаго: нѣчто подобное встрѣчается и у грековъ. И, однако,—замѣчаетъ Оригенъ,—Цельсъ, противорѣча себѣ, не хочетъ уравнивать христіанство съ остальными языческими религіями. Гдѣ-же причина того, что при всей

<sup>1)</sup> Contr. Cels. VIII, 2.

<sup>2)</sup> VIII, 12—14.

своей широкой вѣротерпимости, Цельсъ дѣлаетъ исключеніе только для одного христіанства, одно христіанство считаетъ религіей недозволенной въ государствѣ?

По общему античному, греко-римскому правовому воззрѣнію, христіане считались за „безбожниковъ“, какъ монотеисты, не оказывавшіе почестей національно-государственнымъ богамъ. Это—убѣжденные „враги жертвоприношеній“,— и, поэтому, самое имя „христіанина“ считалось достаточнымъ для возбужденія обвиненія и влекло за собою наказаніе за „безбожіе“. При томъ-же и само христіанство являлось религіей исключительной, не національной, а универсальной, интернациональной. Оно уже самой природой вещей исключалось изъ числа дозволенныхъ религій. Богъ христіанства—Богъ ревнитель (Исх. 34, 14), живой и неизмѣнно—личный Богъ. Это—Богъ религіи, а не одной лишь философіи и отвлеченнаго созерцанія. Какъ εἷς ὄν<sup>1)</sup>, Онъ есть въ единствѣ Своей Божественной сущности и личнаго бытія Богъ, неудовлетворяющійся скромной ролью одного среди безчисленнаго сонма многихъ другихъ, равныхъ или подобныхъ Ему. Онъ не можетъ стать, какъ какое нибудь новое божество, въ числѣ обыкновенныхъ боговъ въ языческомъ пантеонѣ и стоять на одной доскѣ съ Зевсомъ, Аполлономъ, Діонисомъ, Асклепемъ, Митрой и другими богами. Святой вселенной—высокъ и превознесенъ, и „вся земля полна славы Его“ (Ис. 6, 3). Поэтому, и христіанство, какъ религіозная вѣра во Христа, Сына Божія и Бога-Слово, должна была явиться прямымъ отрицаніемъ всѣхъ прочихъ религій греко-римскаго міра. И христіане не могли на ряду съ другими богами почитать и Христа. Ясно, что исключительная особенность христіанства, какъ религіи, влекла за собой и исключительное отношеніе къ ней Цельса. Цельсъ былъ фанатикъ язычества. Онъ философски оправдывалъ весь внѣшній культъ язычества и почиталъ статуи боговъ. За одно отсутствіе подобныхъ изображеній боговъ у христіанъ онъ считалъ ихъ за некультурныхъ и грубыхъ людей<sup>2)</sup>. Но, христіане,—говоритъ Оригенъ,—хорошо помнятъ слова Господни: „Господа Бога твоего да убоишися и Тому единому послу-

<sup>1)</sup> Р. п., стр. 206; см. толкованіе этихъ словъ у проф. Л. Писарева.

<sup>2)</sup> Cntr. Cels. VII, 63-66.

жиши“ (Втор. 6, 13), и другія слова: „да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене“, „не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія“ (Исх. 20, 3—4) <sup>1)</sup>.

Оригенъ подробно и основательно разъясняетъ универсально-этическій характеръ христіанства, чтобы показать, что христіанство по самой идее монотеистической религіи не могло слиться съ язычествомъ. Ревность, приписываемая Богу въ монотеистическихъ религіяхъ, въ іудействѣ и христіанствѣ, въ основѣ своей означаетъ то, что Богъ есть то Верховное Существо, предъ Лицемъ котораго моральныя различія (добро и зло) суть разноцѣнные реальныя явленія.

Святость и Божественность природы—это синонимы въ Богъ и Христъ. Святой Израилевъ (Ис. 1, 24) это—Богъ, снѣдаемый духомъ ревности и любви къ правдѣ и истинѣ жизни. Богъ въ христіанствѣ не физическое божество или обожествленная матеріальная сила природы, какъ въ язычествѣ, но этическая Личность, Отецъ жизни, обладающій полнотой нравственныхъ свойствъ и совершенствъ. Истина жизни и святость ея для Него и въ Немъ выше всего. Онъ любитъ добро и правду и ненавидитъ зло, не оставляетъ безъ наказанія неправды. Онъ не можетъ допустить, чтобы зло вѣчно процвѣтало. Онъ никогда „не спалъ“, подобно Юпитеру <sup>2)</sup>, но вѣчно промышляетъ о добрѣ, заботится объ исполненіи Своей воли въ жизни и исторіи міра. Для этого Онъ создалъ ангеловъ, всюду несущихъ, всѣмъ людямъ возвѣщающихъ благую волю Его. Нравственное ученіе объ ангелахъ Оригенъ особенно противопоставилъ мистико-магическому (астрологическому) ученію Цельса о демонахъ и гороскопическихъ планетахъ язычества.

И Христосъ, Сынъ Божій, подобенъ Отцу Своему въ безконечной правдѣ и святости. Онъ есть источникъ всякой правды, присущей тварямъ и основаніе всего святаго въ мірѣ и въ жизни. Только потому эти свойства принадлежатъ бытію и силамъ тварей, что существуетъ самосуцая правда и святость, Самъ Христосъ—Спаситель міра, открывающійся въ царствѣ разумно-свободныхъ существъ <sup>3)</sup>. О Немъ сказано: „во дни Его возсіяла праведность и явилась

<sup>1)</sup> VII, 64.

<sup>2)</sup> IV, 3.

<sup>3)</sup> Ὁ Σωτὴρ ἡμῶν οὐ μετέχει μὲν δικαιοσύνης· δικαιοσύνη δὲ ὧν, μετέχεται ἀπὸ τῶν δικαίων. С. Cels. VI, 34.

полнота мира“<sup>1)</sup>. Теплотой Его любви обвѣяна и согрѣта вся жизнь міра, уничтожена сила зла, уяснена вѣра въ вѣчность жизни.

Святость Бога—это идея чисто-христіанскаго монотеизма или этическаго теизма. Она налагаетъ на насъ высокую нравственную обязанность и самимъ быть святыми. Въ христіанствѣ дана апопееза святости жизни. Сказать, что „Богъ—ревнитель“, это значитъ утверждать ту истину, что нравственныя особенности вещей и существъ въ мірѣ не безразличны въ очахъ Божіихъ, а дѣйствительно разноцѣнны; а приписать ревность Его поклонникамъ это значитъ признать, что нравственная сторона въ религіи или путь христіанства для нихъ есть дѣло первостепенной жизненной важности<sup>2)</sup>. Ревность—здоровое чувство въ поклонникахъ святого Бога, любящаго добро и истину. Это-то чувство, для котораго дороже всего святость, благочестіе, истина и чистота жизни. Только при религіозной вѣрѣ въ „Бога—ревнителя“ утверждается непоколебимая увѣренность въ объективныя основы нравственнаго міропорядка, и общечеловѣческіе корни свѣтлаго идеализма получаютъ настоящее „питіе жизни“. Чувство свободы, добродѣтель, благо—все это не иллюзія ума, нейтрализующаго зло жизни, не просто „біологія человѣка“, стоящаго „по ту сторону добра и зла“, безразлично относящагося къ трагедіи жизни и не „антропологическая физика нравовъ“, зависящая отъ пассивнаго отношенія къ природѣ или неправосудной судьбѣ, а свидѣтельство нравственной отвѣтственности за свою жизнь предъ Богомъ. Вся жизнь человѣка есть исполненіе святой воли Божіей. И нравственный идеаль въ христіанствѣ основанъ на этой волѣ, на идеѣ міротворческой власти и господства Бога въ природѣ и исторіи человѣчества. Потому этотъ идеаль вполне здоровый, свѣтло-радостный и жизненный, абсолютный и міровой. Его-то и противопоставилъ Оригенъ хаотическому смѣшепію добра и зла въ язычествѣ и недостижимости нравственной оцѣнки жизни и исторіи.

Пантеистическій натурализмъ и религіозно-философскій политеизмъ язычества въ области этики—безсильный идеаль и начало жизни. Пантеизмъ не даетъ объективныхъ

<sup>1)</sup> Р. п., стр. 165.

<sup>2)</sup> Contr. Cels. IV, 5.

основъ и доказательствъ нравственности, нравственныхъ началъ для установки истинно-религіознаго отношенія къ міру и къ исторіи жизни. Мораль, добро, благо, должное—все это въ христіанствѣ покоится на религіозномъ критеріи подлинно—*сущаго*, на религіозномъ *синтезѣ* всѣхъ высшихъ цѣнностей и идей человѣка въ премірномъ Богѣ, Богѣ святости и правды вѣчной. Въ язычествѣ нѣтъ ни этого критерія, ни этого синтеза. И богъ Цельса, какъ богъ пантеизма, уже не ревнитель, а абсолютно равнодушный къ добру и злу. Онъ уже не святой и праведный. Святость, эта трансцендентность, противоположность міру, премірность, не сущность его бытія и не свойство его природы. Для него нѣтъ ничего святого и ничего злого. Онъ только умопредставляемый и безличный Абсолютъ бытія. Убийственнымъ холодомъ и олимпійской апатіей ко всему живому и живущему вѣтъ отъ него, ужаснымъ безучастіемъ и пассивнымъ самодовольствомъ. А безучастіе, пассивность природы есть уже мало-могущество бытія, бѣдность жизни, особенно чувствуемая въ борьбѣ противъ роковыхъ, „закономѣрныхъ“ жестокостей міровой и человѣческой жизни, противъ тьмы и тѣней ея. Творческая сила, активность и реальное значеніе этического начала въ религіи и въ жизни вытекаетъ не изъ пантеистической религіозности, а изъ болѣе широкой и вдохновенной идеи Бога,—изъ идеи о Богѣ, какъ Существо, любящемъ одно добро, не создавшемъ зла и отвращающемся отъ него, спасающемъ людей отъ него. Абсолютное добро и святость въ личномъ Богѣ, и Богъ этотъ есть святость и добро. Грѣхъ, какъ нравственное и космическое зло, бремя и для воли Божіей, и оно выстрадано „Тѣмъ, Кто ради благочестія добровольно принялъ смерть, претерпѣлъ ее за людей и перенесъ со всею твердостью и величіемъ духа“ <sup>1)</sup>. Поэтому, и людямъ нужно жить безъ грѣха, свято, нужно „наполняться Богомъ“ <sup>2)</sup>. Но эта жизнь не въ „эмпиреяхъ“ языческаго безразличія къ добру и злу, не въ покоѣ стоическаго самодовольства и замкнутости, не въ эпикурейскомъ парадизѣ, а въ Богѣ, принявшемъ страданія и грѣхи всего міра, подъявшаго бремя воплощенія и искупившаго міръ и человѣка.

<sup>1)</sup> Р. II, стр. 170.

<sup>2)</sup> Contr. Cels. IV, 5.



Все обаяніе христіанства въ святости религіи и въ освященіи всей нашей жизни. Оно стоитъ выше всего земного и грѣховнаго. И грѣшники не устранены отъ трапезы Господней; но они *очищаются* въ таинствахъ церкви и чудесахъ благодати Христовой. Въ церкви, сіяющей Христовымъ пришествіемъ, крестомъ Евангелія и воскресенія, все освящено міроискупающей любовью смиреннаго сердцемъ Спасителя. Въ ней всѣ вѣрующіе преклоняются предъ тайной жизни Божіей во Христвъ—безгрѣшномъ и Богочеловѣкѣ. Въ Его лицѣ нравственное зло уже побѣждено и упразднено. Уже его нѣтъ ни въ существѣ и бытіи искупленной природы, ни въ оправданной личности челоуѣка. Оно только приражается, доживаетъ „последніе дни“. Даютъ себя чувствовать только запоздалыя пережитки его. Это религіозно-моральный атавизмъ язычества, темные слѣды и язвы жизни, на которые христіанство, какъ милосердный самарянинъ, возливаетъ масло и вино благодати Господней. Но побѣда жизни, свѣтлой и святой—одна, и она въ Томъ, Кто сказалъ о Себѣ—въ Вѣтхомъ Завѣтѣ: „Я—Богъ ревнитель, святой Израилевъ“, а въ Новомъ Евангеліи: „Я побѣдилъ міръ“, „Я путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. 14, 6), „Я лѣтѣ жизни“ (Іоан. 6, 35), „Я дверь жизни“ (Іоан. 10, 9), <sup>1)</sup>—и: „прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ“ (Матѣ. 11, 28) <sup>2)</sup>.

\* \*  
\*

Предъ нами Цельсъ и Оригенъ, какъ два совершенно разныхъ міра религіозно-философскихъ идей и идеаловъ, чувствъ вѣры и мысли. Это два типа разныхъ міровоззрѣній и жизнепониманія. Πολυίστωρ и πολυμαθής Цельсъ—типичный язычникъ-декадентъ, эклектикъ—философъ. „Адамантовый“ Оригенъ—идеальный апологетъ христіанства и оригинальный философскій умъ. Пути ихъ разошлись окончательно, хотя Оригенъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія „Противъ Цельса“ и обнаруживаетъ попытку философскаго примиренія и согласованія основныхъ истинъ христіанства съ лучшими идеями и религіозными чаяніями язычества.

Ни одно умственное и религіозно-культурное движеніе во всемірной исторіи не выступало съ такой силой въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, какъ христіанство. Христіанская религія явилась, какъ „Евангеліе царствія Божія“

<sup>1)</sup> Р. н., стр. 208.

<sup>2)</sup> стр. 220.

на землѣ (Марк. 1, 14). Она возродила человѣчество, заживо-похороненное въ чудесахъ языческой магіи и теургіи. Она возвысила человѣческую личность до степени образа Божія и разбила узы всяческаго рабства на пути духовнаго усовершенствованія человѣческаго рода. Она узаконила духовное равенство и братство всѣхъ людей во Христѣ. Она открыла новыя области для научнаго знанія и одухотворила, преобразовала бездушную философію и культуру язычества.

Съ самаго начала своего происхожденія христіанство выступило въ исторіи, какъ „воинствующая церковь“. Оно вело борьбу съ язычествомъ, какъ религіей и культурной силой, какъ философіей и наукой, по всей линіи соприкосновенія съ нимъ. Особенно значительны были его нападки противъ основныхъ началъ и источниковъ языческой теоріи о вселенной. Отталкивая отъ себя всѣ секты, возникавшія на почвѣ заимствованія изъ языческой философіи и науки или на почвѣ стихійнаго вторженія язычества въ церковь и стремясь къ полному единству въ борьбѣ съ ними за истину откровенія во Христѣ, оно выступило на своего врага въ полномъ сознаніи своего мірового назначенія и духовнаго господства. И это сознаніе было свидѣтельствомъ не только надежды на побѣду, но оно говорило и о самой способности побѣдить. А потребность въ этой побѣдѣ чувствовалась при глубокомъ и всеобщемъ разложеніи въ самомъ существѣ, въ самыхъ корняхъ языческаго міросозерцанія и духовной жизни.

Но и язычество съ своей стороны нападало на христіанскую религію. Разнообразна была его литературная борьба противъ христіанства. Были пущены въ ходъ и сатира, и клевета, сарказмы и грубая полемика, критика и пустые софизмы. Въ лицѣ Цельса язычество впервые выступило на путь систематической, научно-философской, идейной борьбы съ христіанствомъ. Нападки Цельса на христіанство сосредоточивали въ себѣ борьбу языческой философіи противъ него, борьбу неоплатониковъ, стоиковъ, эпикурейцевъ и скептиковъ эпохи второй половины II вѣка по Р. Х. Это была сложная пестрядь религіозно-философскаго синкретизма въ цѣляхъ самооправданія язычества.

Такое отношеніе язычества къ христіанству ставило и церковь въ новое положеніе, въ положеніе защищающейся стороны, оправдывающей истину своего бытія и догматовъ

вѣры. Предъ нами выступаетъ цѣлый рядъ апологетовъ въ задачахъ этой самозащиты. Въ первомъ ряду этихъ вѣрныхъ служителей церкви стоитъ и великій Оригенъ, ученый противникъ Цельса.

Оригенъ съ огромнымъ запасомъ научно-философскихъ знаній и полнымъ убѣжденіемъ отражаетъ главнѣйшія нападенія Цельса на христіанство. Его богословскія антитезы, какъ продуктъ самостоятельнаго творчества и глубокой вѣры, стоятъ на высотѣ научно-философскаго авторитета. Въ нихъ видна необыкновенная широта истощеннаго ума. Отъ нихъ вѣетъ свободой защиты христіанства. Ихъ проникаетъ глубокая мысль, что вся исторія религіи и культуры человѣчества, предшествующая христіанству, есть не что иное, какъ процессъ воспитанія человѣчества силою предвѣчнаго Логоса и приготовления его къ принятію Искупителя міра.

Въ духѣ философской критики и безпристрастной оцѣнки основныхъ положеній своего противника Оригенъ ведетъ апологію христіанства. И потому его сочиненіе „Противъ Цельса“ есть одно изъ замѣчательныхъ произведеній христіанской литературы, направленной противъ идей язычества, какъ философской теоріи и вѣроученія. Въ немъ совершилась огромная эволюція въ исторіи научной защиты христіанства. Это была великая побѣда совершенно-новаго міровоззрѣнія христіанской религіи надъ „старой вѣрой“ язычества.

Правда, многія теоретическія положенія Оригена невыяснены и остались въ видѣ философскихъ догадокъ и символическихъ намековъ. Многіе термины его богословскаго языка не установлены въ точности и ясности ихъ смысла и значенія. Во многихъ отношеніяхъ не разграничены строго предѣлы критической мысли и догматы церкви. Самъ Оригенъ принималъ и философскія мнѣнія языческихъ писателей, хотя и съ извѣстнымъ ограниченіемъ и въ совершенно другой связи. Но въ общемъ тонъ и планъ, въ основной идеѣ, его апологія высокоцѣнна въ исторіи христіанской мысли и неувыдаема, какъ первый опытъ систематической защиты христіанства.

Оригенъ великъ исключительно гениальнымъ устремленіемъ всего мыслящаго человѣчества на религиозно-философскую сущность христіанства, на „чудесное ученіе Евангелія“ <sup>1)</sup>. Въ этомъ вся мощь и вся духовная красота его

<sup>1)</sup> Р. и., стр. 184.

апологін. Онъ христіанство проявилъ, какъ новое ученіе о вселенной, объ отношеніи Бога къ міру и человѣку, о тайнѣ міра, о природѣ и мѣстѣ человѣка во вселенной, о смыслѣ исторіи. Онъ ясно указалъ, что все нравственно-цѣнное, безусловно-великое, истинно-доброе въ жизни людей неразрывно связано съ сверхъестественнымъ міромъ, съ міромъ откровенія Божія во Христвѣ и только въ этой связи все это имѣетъ абсолютную цѣнность и значеніе высшаго идеала.

Язычество направляло мысль и вѣру человѣчества исключительно на ви́шній міръ и матеріальныя формы его бытія. Оно пантеизировало міръ и зоологизировало человѣчскій родъ и личность человѣка. Оно считало безуміемъ всякую попытку мысли, всякую работу ума и сердца въ иномъ направленіи. Оригенъ дѣлаетъ эту попытку философской мысли въ иномъ направленіи. Ученіемъ о личномъ Богѣ и о тайнѣ воплощенія онъ срываетъ „маску-невидимку“ съ мертваго лица языческой религіи, мифологіи и вѣры. Онъ ярко показалъ, что религіозная метафизика язычества исполнена суевѣрій и невѣдѣнія истины, что она питаетъ иллюзіи оккультизма или магическаго міровоззрѣнія, что она зачаровываетъ мысль, затуманиваетъ ясность взора на природу теоріей міровыхъ періодовъ, принципомъ вѣчнаго круговращенія. Теорія безчисленныхъ круговоротовъ обращаетъ міръ и исторію въ „заколдованный кругъ“. Ἀναχώλωσις язычества ведетъ къ пессимизму и оцѣпенѣнію природы и не даетъ мѣста для чувства радости и святости жизни, для творчества и прогресса исторіи. Язычество дышетъ холоднымъ дыханіемъ смерти и духовнаго ужаса. Вся матерія міра въ существѣ—„радикальное зло“, не нуждающееся въ искупленіи, и „Сизифовъ камень“ по-прежнему давитъ на плечи людей. Нѣтъ и надежды на спасеніе, на осуществленіе нравственнаго міропорядка. Язычество живетъ въ безконечной плоскости нелѣпаго повторенія міровыхъ процессовъ. Потому и трагедія бытія и жизни человѣка въ условіяхъ бытія и жизни „этого міра“ не разгадана въ немъ. Міръ—это „богодостойная усыпальница“, глухой всебожнй храмъ, могила былыхъ боговъ, злыхъ демоновъ, мстительнаго рока, великаго „ничто“. Нуженъ выходъ изъ него, нужно преодолѣніе злой трагедіи міра,—и оно дано въ христіанствѣ, въ религіи благоуханной благодати и спасенія, религіи Бога—Слова и Человѣколюбца. Христіанство разорва-

ло демоническую цѣпь языческихъ мистерій, магін и теургій, уничтожило суевѣрно-колдовское отношеніе къ міру, вдохнуло новый духъ и свѣтъ въ исторію человѣчества, утвердило начало духовной свободы и уподобленія Богу. Въ этомъ вся разумность и жизненность христіанства, какъ религіи и міропониманія.

Весьма цѣнны въ апологетическомъ отношеніи яркія мысли Оригена о святости и духовной чистотѣ христіанства, какъ религіи и морали. Онѣ направлены противъ слѣпой языческой наивности и нравственнаго безразличія въ жизни, противъ равнодушія и демонобоязни. Язычество держалось блѣднымъ миражемъ совершеннаго безразличія вещей и явленій въ природѣ и жизни людей. Это было естественное предположеніе многобожія. Оригенъ съ большою силой выставилъ и разработалъ идею этического теизма и объективной цѣнности моральныхъ различій. Не „судьба міра“, не всемогущій случай, не вкрадчивый демонъ неоплатонизма, не пассивное подчиненіе „вѣчной матеріи“ даютъ существенно-разумный смыслъ жизни человѣка, а нравственное добро, высота и святость жизни, благочестіе и подвиги аскетизма. Дороже всего въ жизни нравственное совершенство и святость ея, какъ совершенъ и святъ Богъ, Отецъ жизни. Христіанство—новая религія и вѣра въ чудо спасенія и искупленія міра и человѣка. Это самое полное и истинное слово о Богѣ и Его жизни въ мірѣ и исторіи человѣчества. А святость въ христіанствѣ—послѣднее слово и единственная задача нашей жизни въ Богѣ-Спасителѣ. Оригенъ замѣчательнень, какъ апологетъ этой святости въ христіанствѣ, небесной правды, дневного свѣта въ немъ, хотя самъ онъ не осуществилъ этого идеала, невольно отошелъ отъ него по ревности, снѣдавшей его въ страстной борьбѣ изъ-за этого идеала.

Въ идейно-литературной борьбѣ съ Цельсомъ особенно цѣнно отраженіе благородной личности Оригена. Духовный ликъ человѣка, его душа, всюду, особенно въ литературной дѣятельности, дѣйствуетъ на насъ самымъ освѣжающимъ образомъ. Ликъ этотъ представляетъ собой нечто дѣйствительно положительное и безусловно-цѣнное въ исторіи и жизни. Мы имъ любуемся, имъ вдохновляемся, ему вѣримъ. Въ задачахъ и цѣляхъ апологіи христіанства и въ успѣхахъ его идейной борьбы съ язычествомъ личность Оригена, его свѣтлый и изумительно прекрасный умъ и благородное серд-

це, дѣйствительно были обаятельны,—и эта черта его характера съ новой стороны обуславливала огромный успѣхъ и важное историческое значеніе его апологикъ.

Какъ духовная личность и нравственный характеръ, Оригенъ представляетъ прямую противоположность Цельсу. Оригенъ—идеальный ликъ и духовный типъ, а Цельсъ—мрачный характеръ, тѣневой образъ, отверженный ликъ. Оригенъ возбуждаетъ уваженіе къ себѣ, чувства симпатіи и любовь; Цельсъ, наоборотъ, отталкиваетъ отъ себя, и самъ не хочетъ признательности отъ другихъ.

Отсутствіе исключительности, стремленіе уважить врага, найти въ немъ даже истину, если она у него есть, развитое у Александрійскихъ богослововъ, преимущественно характеризуетъ личность Оригена. У Цельса, наоборотъ: одна пронія и презрѣніе къ своему противнику, къ христіанству, одно ненавидѣніе, цинизмъ, насмѣшка и чрезмѣрное высокомеріе. У Оригена—спокойный тонъ, послѣдовательный разборъ и опроверженіе чужихъ мнѣній и уваженіе къ противнику; у Цельса—злоба, меланхолія, мизантропія, смотрящая на все желчными глазами. Оригенъ—содругъ въ полемикѣ и доброжелательный оппонентъ; Цельсъ—гордый и грубонадменный философъ-софистъ. Оригенъ—пламенный религіозный энтузіастъ и гуманистъ-аскетъ,—ревнитель вѣры и благочестія; Цельсъ—равнодушный скептикъ и самовлюбленный мудрецъ, безжизненно-усталый.

Въ лицѣ Цельса и Оригена въ великомъ спорѣ выступили другъ противъ друга два міра: старая—языческая вѣра и новая—христіанство. Линіи расхожденія между ними особенно далеки въ оцѣнкѣ ихъ конечныхъ достиженій. Защищая христіанство, Оригенъ весь стоитъ за новую и сильную вѣру, за благодатный свѣтъ и разумъ абсолютной истины, за духовную свободу, за нравственное равенство и братство людей во Христѣ. Цельсъ—напротивъ: за старый порядокъ медленно отмиравшей силы и упраздненнаго авторитета, за прежній мифологическій антропотензмъ и магическій полидемонизмъ въ кудесническомъ освѣщеніи. Оригенъ въ христіанствѣ видитъ новый историческій процессъ и залогъ общечеловѣческаго прогресса. Цельсъ исключаетъ всякій прогрессъ и всякую новизну въ исторіи мысли и вѣры, проповѣдуетъ абсолютный застой и оцѣпенѣніе, отстаива-

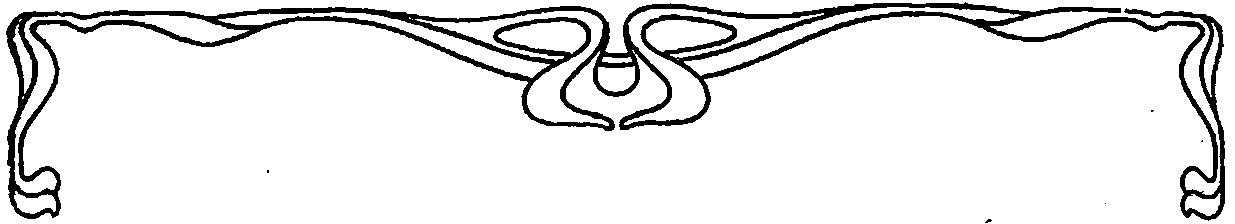
еть механическую привычку къ прежней религіи и устарѣлымъ цѣнностямъ ея. Оригенъ беззавѣтно вѣритъ въ новое и цвѣтущее откровеніе и свѣтлое царство Бога—Слова и Спасителя міра, въ оживленіе и обновленіе жизни всей вселенной въ Немъ, а Цельсъ исключительно вѣритъ въ мистико-пантеистическую матеріализацію „окультурныхъ силъ“ природы. Цельсъ—угрюмый фанатикъ язычества. У него философія вся принесена въ жертву языческому богословію и культу. И этотъ огромный трудъ сложнаго и тонкаго ума употребленъ на напрасную борьбу съ исторіей, призавшей уже христіанство для обновленія міра и человѣчества.

Изъ способа защиты и особенно изъ характера Цельса мы видимъ, что языческій міръ въ его время уже саморазлагался и въ духовномъ отношеніи близился къ своему естественному концу. Вѣкъ невѣрующаго „просвѣщенія“, вѣкъ Лукреція и сатирика Лукіана, сдѣлалъ свое разрушительное дѣло. И какъ Цельсъ ни возвышалъ язычество при помощи философской идеи цикличности бытія и исторіи вселенной, при помощи старой пантеистически—романтической теоріи, что все прошлое не проходитъ, что пережитое снова возвращается, однако, мертвенный запахъ тлѣнія и разрушенія идетъ на насъ со страницъ его ученой защиты язычества.

Въ лицѣ-же и характерѣ апологій Оригена христіанство свѣтлѣется лучезарнымъ свѣтомъ, благоухаетъ величіемъ истины, нетлѣніемъ красоты и вѣчностью жизни. Цельсъ—печальный спутникъ умирающаго міросозерцанія и вѣры. Это—типъ, свойственный переходной формѣ исчезновенія прошлаго, устарѣлаго, ненужнаго человѣчеству. Напротивъ, Оригенъ—духовный свѣточъ, созданный святой вѣрой въ новое, лучшее, свѣтлое, вѣчно—истинное, вѣчно—живущее. Онъ привѣтствуетъ новую эру всемірной исторіи, новый завѣтъ во Христа. Оттого съ одушевленныхъ страницъ его ирекраснаго сочиненія „Противъ Цельса“ и нынѣ смотритъ на насъ безмертная истина христіанства и вѣчный образъ Христа—Бога, „владычествующаго всеми, осуществовавшагося человѣчествомъ“.

Приватъ-доцентъ Императорскаго  
Харьковскаго Университета,

*священникъ Іоаннъ Филевскій.*



## Святой Димитрій Ростовскій и его творенія.

(Окончаніе \*).

### III.

Обращаясь теперь къ ознакомленію съ литературными и научно-богословскими трудами святителя Димитрія, мы прежде всего должны остановиться на его многолѣтнемъ монументальномъ трудѣ Четь-Минеяхъ. Четь-Минеи св. Димитрія заключаютъ въ себѣ собраніе сказаній о жизни и подвигахъ святыхъ людей въ назиданіе вѣрующихъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ по числамъ и мѣсяцамъ года. Предки наши издавна любили чтенія житій святыхъ, насколько они не только могли способствовать ознакомленію ихъ съ высокими религіозно-нравственными подвигами, но вмѣстѣ съ тѣмъ могли служить къ возбужденію, воодушевленію и укрѣпленію въ личныхъ подвигахъ благочестія. И уже со времени первоначальнаго введенія христіанства на Руси у насъ существовали жизнеописанія святыхъ Греко-Восточной Церкви въ переводахъ, правда, довольно тяжелыхъ по изложенію и малодоступныхъ для народа, и также житія святыхъ русскихъ, которыя постепенно составлялись отечественными писателями по мѣрѣ того, какъ такіа лица прославлялись своими подвигами. Житія святыхъ греческихъ излагались или кратко въ прологахъ, синаксаріяхъ, или болѣе полно въ Четь-Минеяхъ, означающихъ съ

\*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2 за 1910 годъ.



русскаго и греческаго слова *полтысячныя чтенія* <sup>1)</sup>). Житія русскихъ святыхъ прежде всего стали составлять содержаніе Кіево-Печерскаго Патерика, который потомъ пополнялся разными монографическими позднѣйшими сказаніями. Въ первой половинѣ XVI в. московскій митрополитъ Макарій († 1563) еще въ бытность свою архіепископомъ новгородскимъ принялъ на себя трудъ собрать въ 12 книгъ по числу годовыхъ мѣсяцевъ всѣ „книги чтомыя“, обращавшіяся въ Русской землѣ. Составъ Четь-Миней изумляетъ своею многосложностью. Это была полная энциклопедія духовной образованности, доведенная до XVI вѣка. Главное содержаніе труда составляли жизнеописаніе святыхъ греческихъ и русскихъ, какіе только существовали въ то время. Макарій не бралъ на себя труда перерабатывать матеріалы; онъ только собралъ разные списки житій, выбралъ изъ нихъ лучшія и по мѣстамъ исправилъ слогъ <sup>2)</sup>. Кромѣ того, въ составъ труда Макарія вошли жизнеописанія, вновь составленныя по его порученію. Но этотъ цѣнный для своего времени трудъ сохранился только въ Великороссіи. Церковь же малороссійская послѣ Батыева нашествія, польскихъ и литовскихъ разореній лишилась многихъ драгоценныхъ книгъ, а вмѣстѣ съ симъ жизнеописаній святыхъ. Между тѣмъ нужда въ нихъ чувствовалась большая въ бѣдственную эпоху борьбы южно-рускоаго народа съ поляками-католиками и религіознаго воодушевленія. Любители душеспасительнаго чтенія пользовались при такихъ условіяхъ даже римскими мученическословіями и легендами на польскомъ и латинскомъ языкахъ, не всегда согласными съ духомъ и ученіемъ православія, да для многихъ и малодоступными по своему изложенію. Петръ Могила, († 1647 г.) имѣлъ въ виду пополнить важный пробѣлъ въ южно-русской церковной письмен-

<sup>1)</sup> Славянское Минейя есть греческое прилагательное *μηναιον* (тѣ) съ подразумѣваемымъ существительнымъ *βιβλιον* и значитъ мѣсячная книга. Въ приложеніи къ житіямъ святыхъ Минейями назывались также сборники послѣднихъ, въ которыхъ они собраны по мѣсяцамъ и расположены по днямъ мѣсяца. Минейи, содержащія житія святыхъ, назывались четьями, что значитъ назначенныя для чтенія, въ отличіе отъ миней богослужебныхъ, содержащихъ службы. Голубинскій. Исторія Русской Церкви 1, 906 стр.

<sup>2)</sup> Филаретъ, Обзоръ Русской Литературы. Изд. 1857—143. Порфирьева, Исторія Русской Литературы. 1, 532—640.

ности изданіемъ житій на славяно-русскомъ языкѣ. Уже для этого были приобрѣтены необходимые матеріалы и пособія, но ранняя кончина не дала возможности Петру Могилѣ осуществить эту важную мысль. Преемникъ его въ Кіево-Печерской лаврѣ Иннокентій Гизель, бывшій ректоръ Кіевской Академіи, приступилъ уже къ самому труду, но не могъ выполнить его по причинѣ военныхъ смутъ. Этотъ трудъ суждено было выполнить для блага Церкви святителю Дмитрію. Мы уже знаемъ, что святитель всею душою отдался этому дѣлу, проводя надъ нимъ нерѣдко цѣлыя ночи, не оставляя своего труда ни при какихъ перемѣнахъ въ личной жизни. Не разъ даже онъ отказывался принять на себя ту или другую должность исключительно съ цѣлью посвятить себя своему главному дѣлу, хотя достигнуть полного уединенія ему ни разу не удалось. Увлеченіе этимъ трудомъ доходило до того, что сочинитель вдохновляемъ былъ въ своемъ трудѣ особыми видѣніями. Объ одномъ изъ такихъ видѣній святитель рассказываетъ слѣдующее. „Въ 1685 году, въ Филипповъ постъ, въ одну ночь, окончивъ описаніе страданій св. мученика Ореста, память котораго празднуется 10 ноября, за часъ или меньше до заутрени, легъ я, не раздѣваясь, отдохнуть и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ св. мученика Ореста, говорящаго ко мнѣ съ веселымъ лицомъ: „я больше претерпѣлъ мукъ за Христа, нежели ты описалъ“. Затѣмъ, показавъ на лѣвомъ боку великую рану, проходящую сквозь внутренность, сказалъ: „это мнѣ желѣзомъ прожжено“. Потомъ, указавъ на рану на локтѣ правой руки, прибавилъ: „это мнѣ перерѣзано“. То же сказалъ, показавъ рану на локтѣ лѣвой руки. Открывъ потомъ раны на сгибѣ обоихъ колѣнъ, сказалъ: „а это мнѣ косою разсѣкли“. Видишь ли, прибавилъ мученикъ,—не больше ли претерпѣлъ я страданій за Христа, чѣмъ ты написалъ?“ св. Дмитрій, слушая это думалъ, который это Орестъ? Не тотъ ли, который празднуется 13 декабря? На эту мысль мученикъ отвѣтилъ: „я не изъ пяточисленныхъ, но тотъ Орестъ, котораго жизнь ты нынѣ описалъ“. Видѣлъ я и другого какого то человѣка, стоящаго позади его, и мнѣ казалось, что это былъ также какой-то мученикъ, но тотъ ничего не сказалъ. Въ это самое время раздался, благовѣсть къ заутрени, пробудилъ меня и я жалѣлъ,

что это пріятнѣйшее видѣніе скоро окончилось. А что это я видѣлъ, прибавляетъ св. Димитрій,—дѣйствительно и видѣлъ точно такъ, какъ описалъ, а не иначе, это я подтверждаю моею священническою клятвою“<sup>1)</sup>).

Московскій патріархъ Іоакимъ, выразившій сначала благоволеніе къ святителю Димитрію за предпринятый трудъ и оказавшій помощь присылкою Четь-Миней Макарія, потомъ потребовалъ въ 1688 году книги назадъ. Это объясняется тѣмъ, что между Москвою и Кіевомъ возникли натянутыя отношенія вслѣдствіе богословскихъ споровъ о времени пресуществленія даровъ въ Евхаристіи, а отчасти и потому, что въ первой книжкѣ новаго труда допущено было ошибочное мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Недоразумѣнія между двумя сторонами однако были скоро устранены. Св. Димитрій во время посѣщенія своего Москвы въ въ 1689 г. личнымъ объясненіемъ съ патріархомъ Іоакимомъ успѣлъ настолько расположить къ себѣ патріарха, что тотъ благословилъ его на продолженіе Четь-Миней и подарилъ ему образъ Божіей Матери въ обладѣ. А преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ даже всячески старался поощрять святителя, какъ „самимъ Богомъ посланнаго искусства, благоразумна, благоусердна дѣятеля и исполнителя“, къ дальнѣйшему продолженію столь важнаго труда<sup>2)</sup>. Два раза патріархъ Адріанъ посылалъ св. Димитрію благословеніе и грамоту, въ коей похвалялъ его богоугодный трудъ, препроводивъ отъ себя въ награду св. Димитрію и денегъ десять рублей. Трудъ святителя Димитрія особенно интересовалъ жителей Малороссіи и являлся поистинѣ дѣломъ всей „Малороссійской Церкви“. Четь-Миней Димитрія Ростовскаго издавались постепенно. Въ 1689 году закончена была первая часть труда (сентябрь, октябрь, ноябрь), а въ 1695 г. была окончена вторая часть. Въ 1700 году малороссійскій лѣтописецъ Величка сообщаетъ какъ о событіи высоковажномъ, что появилась въ свѣтъ третья книга житій святыхъ, составленная трудами богодохновеннаго мужа іеромонаха Димитрія Саввича Тунталенка и любопытствующихъ челоуѣкъ книжныхъ духовною радостію сердца напомнила<sup>3)</sup>. Іосифъ

1) Діаріушъ, т. 1., стр. 442.

2) Сочин. Св. Димитрія стр. 329—330.

3) Лѣтописецъ событій С. Величка III, 581.

Кроковскій съ братіей, въ знакъ особаго уваженія къ составителю житій святыхъ, прислалъ св. Димитрію въ даръ икону Божіей Матери, пожалованную царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ во время вѣнчанія своего на царство. Последнюю же четвертую часть св. Димитрій закончилъ уже въ 1705 году. Такимъ образомъ на выполненіе своего труда св. Димитрій употребилъ болѣе 20 лѣтъ (1684—1705). Четырехъ Миней составлялись св. Димитріемъ осмотрительно. Главнымъ пособіемъ при составленіи жизнеописаній святыхъ Восточной церкви служило сочиненіе Симеона Метафраста, писателя X в., занимавшагося въ Константинополѣ собраніемъ житій святыхъ и исправленіемъ ихъ въ слогъ, иногда и по содержанію <sup>1)</sup>. Дополнительными пособіями при составленіи житій святыхъ служили сборникъ многосторонне свѣдущаго картезіанца Лаврентія Сурія († 1578), озаглавленный „vitae sanctorum“, въ 6 томахъ изданный въ Кельнѣ, и извѣстный трудъ Болландистовъ „Acta sanctorum“, который сталъ издаваться въ Аптверпенѣ съ 1643 года Іоанномъ Болландомъ и въ полномъ объемѣ обнималъ 54 т. <sup>2)</sup>. Житія русскихъ святыхъ излагались св. Димитріемъ преимущественно по великимъ Четырехъ-Минсеямъ м. Макарія. Многое изъ того, что заключалось въ указанныхъ пособіяхъ св. Димитрій тщательно провѣрялъ по различнымъ первоисточникамъ. Какими источниками пользовался св. Димитрій при составленіи житій святыхъ—это показываютъ, во-первыхъ, два списка учителей, описателей, историковъ и повѣствователей, помѣщенные предъ первую и вторую четверть Четырехъ-Миней; во-вторыхъ, сочинитель означаетъ это

<sup>1)</sup> Название Метафраста выражаетъ свойство самаго труда Симеонова надъ жизнеописаніями. Вл. Симеонъ, имѣя въ рукахъ древнія повѣствованія, старался передѣлать ихъ (μεταφράζειν) въ лучшій видъ по слогу и содержанію. Жизнеописанія, написанныя имъ, написаны слогомъ изящнымъ, какой только можетъ допускать благочестивое одушевленіе и потому жизнеописанія Симеона, по отношенію къ древнимъ простымъ явились въ новомъ видѣ и по праву названы метафразами (μεταφράσεις), а сочинителя ихъ называютъ сладкимъ писателемъ метафразовъ (Филаретъ арх. Черниговскій, Историческое Чтеніе объ отцахъ Церкви III, 390. Спб. 1859).

<sup>2)</sup> Alzog, Handbuch der Allgemeine Kirchengeschichte 10 Aufl, II B. 411—787. Mainz 1882. Въ настоящее время этотъ капитальный трудъ Болландистовъ доведенъ до 63 т., кромѣ позднѣйшихъ дополненій.

весьма часто при самыхъ жизнеописаніяхъ. Достаточно замѣтить, что св. Димитрій цитируетъ историческіе труды Іосифа Флавія, Евсевія, Сократа, Созомена, Теодорита, труды византійскихъ историковъ, сочиненія отцовъ и учителей Церкви, которыя дошли до позднѣйшаго времени на греческомъ или латинскомъ языкѣ <sup>1)</sup>. Нерѣдко св. Димитрій составлялъ сказаніе о жизни извѣстнаго святаго по разнымъ источникамъ. Тогда работа усложнялась. Онъ долженъ былъ заботиться какъ о планѣ построенія жизнеописанія, такъ и объ обработкѣ матеріала <sup>2)</sup>. Не ограничиваясь заботою о возможно болѣе изящномъ, иногда художественномъ изложеніи извѣстнаго жизнеописанія, святитель дѣлалъ съ своей стороны разныя дополнительные объясненія по отношенію къ различнымъ предметамъ вѣры и церковной исторіи, или высказываетъ свои критическія замѣчанія объ извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Такъ по поводу разсказаннаго въ житіи преподобной Феоктисты (9 ноября) случая, что одинъ изъ непосвященныхъ принесъ для пріобщенія ея, когда она жила въ пустынѣ, вдали отъ храмовъ Воянхъ, часть св. Даровъ, святитель указываетъ на древисе обыкновеніе, которое было потомъ отмѣнено. Въ примѣчаніи къ житію св. Григорія еп. Акрагентійскаго или Агригентійскаго (23 ноября) разрѣшаетъ вопросъ о томъ, почему римскій папа Григорій Двоесловъ не могъ судить оклеветаннаго предъ нимъ Агригентійскаго епископа безъ сношенія съ восточнымъ императоромъ и константинопольскимъ патріархомъ. Разрѣшаетъ тѣмъ, что городъ Агригентъ въ Сициліи въ іерархическомъ отношеніи былъ раздѣленъ на двѣ части—одна подчинена была Константиномъ Великимъ папѣ и приписана къ церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Римѣ; другая осталась въ іерархическомъ подчиненіи константинопольскому патріарху. Между тѣмъ епископъ этого города былъ одинъ. Не всегда святитель спѣшилъ высказывать свое рѣшеніе и сужденіе о такихъ фактахъ, которые передаются различно. Такъ въ примѣчаніи къ слову на Воздвиженіе честнаго креста (14 септ.) сопоставляетъ разпогласныя свидѣтельства историковъ о чудѣ, посредствомъ котораго истинный крестъ Христовъ былъ отличенъ отъ другихъ двухъ, найденныхъ

<sup>1)</sup> Св. Димитрій м. Ростовскій 1849—131.

<sup>2)</sup> Ibidem 192.

съ нимъ въ землѣ. Одни говорятъ, что чудо состояло въ исцѣленіи больного, другіе въ воскрешеніи мертвеца. А по свидѣтельству Никифора Каллиста, то и другое чудо совершено было истиннымъ крестомъ Христовымъ. Приводя эти свидѣтельства, св. Димитрій ничего не прибавляетъ отъ себя.

Въ примѣчаніи къ сказанію объ успеніи Божіей Матери исчисляются разногласныя свидѣтельства о лѣтахъ Ея жизни и не соглашается ни на одно изъ нихъ всецѣло, ограничиваясь только общимъ предположеніемъ, что успеніе ея должно относиться къ позднѣйшему времени на томъ основаніи, что при ея успеніи присутствовалъ Діонисій Ареопагитъ, обращенный ко Христу спустя 52 года по Р. Хр. <sup>1)</sup>.

Въ виду указанныхъ особенностей необыкновенно обширный, можно сказать гигантскій трудъ св. Димитрія высоко оцѣнивается по своему достоинству какъ со стороны содержанія, такъ и изложенія различными учеными изслѣдователями. Извѣстный патрологъ Филаретъ Черниговскій признавалъ Четы-Миней необходимымъ пособіемъ для патрологій. По его словамъ, Четы-Миней святителя Димитрія который для трехъ книгъ своихъ пользовался ученымъ трудомъ Болландистовъ, составляетъ единственное отечественное пособие для изученія отцовъ Церкви <sup>2)</sup>. Въ другомъ сочиненіи тотъ же авторъ замѣчаетъ. „Это—образцовое сочиненіе по исторіи церковно-славянскаго языка, по мастерскому изложенію, по критической осторожности въ выборѣ повѣствованій прѣжнихъ. Источникъ его—Миней Макарія: но ими онъ пользовался съ разборчивостью, повѣрялъ и дополнял ихъ древними историческими сочиненіями, часто критическимъ трудомъ Болландистовъ. Списки сочиненій и сочинителей служившихъ руководствомъ, приложенные къ III-й части, показываютъ, что сочинитель отыскивалъ все нужное для него, что только можно было отыскать въ его время <sup>3)</sup>. По замѣчанію академика Пыпина, для своего времени трудъ св. Димитрія былъ единственный въ своемъ родѣ, какого безъ сомнѣнія, не могъ бы совершить никто изъ москов-

<sup>1)</sup> Св. Димитрій м. Ростовскій. Москва 1849 г. 193 стр. •

<sup>2)</sup> Филаретъ арх. Черниговскій, Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. I, XXX Спб. 1889.

<sup>3)</sup> Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1887 г., 259.

скихъ книжниковъ <sup>1)</sup>). „Это поистинѣ великій трудъ замѣчаетъ проф. К. Академіи прот. Ѡ. П. Титовъ, его одного было бы достаточно для того, чтобы поставить имя святителя Димитрія въ ряду славнѣйшихъ писателей образованнаго міра. То, что создано было въ другихъ странахъ и у другихъ народовъ цѣлыми болѣе или менѣе многочисленными коллегіями ученыхъ людей, у насъ было исполнено однимъ человѣкомъ и при томъ почти безъ всякой матеріальной поддержки со стороны общества. Это могъ сдѣлать только русскій православный монахъ, получившій образованіе въ такой школѣ, какова была въ XVII в. Кіевская Академія <sup>2)</sup>).

Если Четы-Миней св. Димитрія представляютъ цѣнный трудъ въ научно-историческомъ отношеніи, то еще болѣе они важны по своему религіозно-назидательному содержанию. Четы-Миней прежде всего представляютъ живую художественную апологію христіанства, представляющую наглядно путемъ многочисленныхъ примѣровъ изъ жизни святыхъ побѣдоносное, всестороннее преобразовательное вліяніе Божественной религіи христіанской на человѣческую природу. Здѣсь намъ представляются то исповѣдники и мученики, безстрашно отстаивающіе свою вѣру, несмотря на всевозможныя страданія, пытки и смерть. Здѣсь предъ нами выступаютъ отцы и учителя Церкви, посвящающіе всѣ свои силы своею благотворною пастырскою дѣятельностью для религіозно-нравственнаго перевоспитанія общества, нерѣдко съ мужественнымъ и самоотверженнымъ отстаиваніемъ высшихъ интересовъ въ борьбѣ съ властителями міра, или посвящающіе себя научному раскрытію религіозно-нравственныхъ истинъ, составляющихъ содержаніе православія. Здѣсь мы видимъ цѣлый сонмъ подвижниковъ, выходявшихъ изъ міра, исполненнаго соблазна и всякихъ превратностей для трудной борьбы съ своими плотскими страстями и достигающими нерѣдко послѣ тяжелой борьбы и страданій такого торжества надъ своею природою, что сами дѣлаются живыми носителями благодати, удостоиваются высшаго божественнаго озаренія, чудотвореній и т. д. Наконецъ, здѣсь мы встречаемъ набожныхъ и благочестивыхъ людей различныхъ сословіи, половъ и возрастовъ, которые въ самомъ мірѣ сіяютъ

<sup>1)</sup> А. К. Пыпинъ, Исторія Русской литературы II, 410. Спб. 1898.

<sup>2)</sup> Проф. прот. Ѡ. П. Титовъ. Труды К. Д. Ак. 1909 окт. 218 стр.

свѣтомъ истины и добра, благодаря сознательному усвоенію началъ христіанства и дѣятельному осуществленію ихъ въ своей жизни. Это тотъ идеальный міръ, который составляетъ поистинѣ царство Божіе на землѣ. И благочестивый читатель, относящійся къ священной книгѣ безъ предубѣжденія, можетъ убѣдиться въ высоко-благодѣтельномъ значеніи христіанства, а вмѣстѣ въ непреложномъ значеніи обѣтованія Господа: „созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мѣ. 16, 18).

Далѣе, Четы-Минен могутъ способствовать убѣжденію въ истинности догматовъ, составляющихъ содержаніе религіи христіанской, такъ какъ эти догматы отстаивались въ борьбѣ съ противниками истины часто цѣною крови. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи житія защитниковъ почитанія св. икоинъ: такъ какъ повѣствователи часто вводятъ въ свой рассказъ и самыя пренія исповѣдниковъ съ еретиками (Пр. Стефанъ Новый. Ноября 28).

Наконецъ, Четы-Минен особенно цѣнны по урокамъ нравственности, преподаваемымъ такими лицами, которые въ своей жизни лично представляли идеальные примѣры высокой нравственности, осуществляя въ разныхъ формахъ возвышенныя христіанскія добродѣтели—любовь къ Богу и ближнимъ, смиреніе, воздержаніе. То, что преподавалось въ видѣ поучительнаго нравственнаго урока, или наставленія для желающаго вести Богоугодную жизнь, такими авторитетными опытными подвижниками, какими были извѣстные египетскіе подвижники (Антоніемъ В., Пахоміемъ В.), должно имѣть особую силу, такъ какъ преподаваемая истины вполнѣ оправдывались самою жизнью. Житія святыхъ изобилуютъ разнообразными благочестивыми дѣянiami, представляющими живые глубоко назидательные примѣры нравственности для всѣхъ сословіи, половъ и возрастовъ. И не мало можно представить фактическихъ доказательствъ въ пользу того, что ознакомленіе съ подвигами святыхъ дѣйствительно могло производить благотворное вліяніе на нравственность и производить большія перемѣны въ жизни такихъ лицъ, которые были преданы міру, склонялись къ разнымъ крайностямъ въ нравственной жизни. Бл. Іеронимъ и бл. Августинъ указываютъ различныхъ лицъ, принадлежащихъ по своему положенію къ кругу знатныхъ и богатыхъ людей,



которые, подъ влияніемъ знакомства съ жизнью египетскихъ подвижниковъ, совершенно перемѣнили свою жизнь, дѣлаясь другими людьми... Нашъ первый русскій лѣтописецъ особою благочестіемъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба объясняетъ раннимъ знакомствомъ ихъ съ жизнью святыхъ, которымъ они старались подражать. Не напрасно Симеонъ еп. Владимірскій думалъ подѣйствовать на Поликарпа, намѣревавшагося по честолюбію оставить Кіево-Печерскую лавру, выставленіемъ на видъ идеальныхъ подвиговъ нѣкоторыхъ иноковъ. Цѣль его была достигнута. Къ сказанному о религіозно-нравственномъ значеніи Четьхъ-Миней святителя Димитрія нужно присоединить, что онъ много содѣйствовалъ назидательности своего труда самымъ способомъ повѣствованія. Это не холодные рассказы лѣтописца, излагающаго событія, какъ они слѣдовали одно за другимъ, безъ всякаго сочувствія къ нимъ. Нѣтъ, онъ вездѣ дорожитъ нравственнымъ значеніемъ передаваемыхъ событій и весь свои рассказы направляетъ къ тому, чтобы преподать читателю, или слушателю какой либо нравственный урокъ.

Несомнѣнно, для народа эта книга будетъ всегда имѣть религіозно-воспитательное значеніе, возбуждая и укрѣпляя въ немъ вѣру въ Промыселъ Божій, располагая къ любви, къ смиренію, терпѣнію и другимъ добродѣтелямъ.

Кромѣ Четьхъ-Миней, заслуживаетъ вниманія „*Лѣтопись железная*“ святителя, хотя и оставшаяся неоконченною. Въ пей святитель желаетъ дать духовенству и народу русскому понятное и доступное по цѣлѣ изложеніе исторіи библейской и всеобщей съ различными прибавленіями и дополненіями. На трудъ свой св. Димитрій смотрѣлъ скромно. Книжные люди хорошо знаютъ все это, на иностранныхъ языкахъ довольно печатныхъ книгъ и на нашемъ славянскомъ языкѣ есть рукописные хронографы: въ наполненныя ягитницы нечего прибавлять нѣсколько зеренъ или въ большія рѣки вливать горсть воды... Но такой трудъ былъ безусловно необходимымъ для своего времени въ виду крайне смутныхъ свѣдѣній духовенства даже по Священной Исторіи. „Помню, писалъ святитель Стефану Яворскому, что въ нашей Малороссійской странѣ трудно отыскать славянскую біблію... Да рѣдко кто и изъ духовнаго сана знаетъ порядокъ библейской исторіи: что когда происходило“. Въ видѣ

примѣра святитель Димитрій рассказываетъ о томъ, какъ одинъ ижеменъ спрашивалъ его, когда былъ Илія пророкъ— до Рождества Христова или послѣ Рождества Христова? А другіе говорили, что тѣмъ самымъ мечемъ, которымъ Петръ отсѣкъ ухо Малху, пророкъ Илія послѣ перерѣзалъ жрецовъ Вааловыхъ. „Библейско-историческія свѣдѣнія пополняются въ Лѣтописи свѣдѣніями по Общей Исторіи (языческой), глубокомысленными изъясненіями нѣкоторыхъ мѣстъ св. Писанія, хронологическими изслѣдованіями и нравственными размышленіями. Св. Димитрій предвидѣлъ возраженія противъ такой постановки своего труда, но тѣмъ не менѣе вполне сознательно допускалъ въ немъ указанныя особенности, преслѣдуя не столько научныя, сколько пастырскія цѣли. Въ письмѣ къ Стефану Яворскому онъ замѣчаетъ, что работа его мало кому нравится; „въ ней, какъ въ сбитнѣ русскомъ—мѣшаются и исторія и будто толкованьице нѣкое, индѣ правоученьице, особливо въ первой и второй тысячѣ лѣтъ, гдѣ мало находится исторіи, что въ книгописательствѣ одно быть историкомъ, другое толкователемъ, третье—правоучителемъ, но я, говоритъ онъ, съ нерѣдкой у него шуткой, смѣшалъ все это, какъ горохъ съ капустой, желая имѣть книжку съ отрывками и замѣтками, чтобы пригодилось ицѣ и для проповѣди“<sup>1)</sup>. Если самъ святитель по своему смиренію ослаблялъ достоинство своего труда, то большинство современниковъ, во главѣ съ Стефаномъ Яворскимъ, высоко цѣнили „Лѣтопись“ св. Димитрія, признавая ее необходимою и полезною. Многіе переписывали ее для себя и другихъ еще при жизни святителя Димитрія. Специалистами замѣчено, что ни одно изъ произведеній святителя не дошло до насъ въ такомъ большемъ количествѣ списковъ, какъ именно „Лѣтопись“. Рукописные свитки ея считались сотнями. Это, по замѣчанію проф. Шляпкина, съ очевидностію свидѣтельствуешь о томъ, что святитель Димитрій глубоко понималъ духъ и потребности русскаго народа, для котораго онъ преимущественно направлялъ свой трудъ. Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что если бы эта лѣтопись была окончена, она была бы единственною для библейской исторіи въ церковной нашей сло-

<sup>1)</sup> Сочиненія св. Димитрія, I, стр. 341.

вѣстности. По словамъ Пыпина, это была первая замѣна стараго хронографа той скудной и, должно сказать порядочно грубой компиляціи, какою довольствовались читатели стараго времени. Это былъ трудъ, основанный на обширномъ изученіи и самой библіи и отцовъ Церкви, византійскихъ хронистовъ и позднѣйшихъ церковныхъ писателей; на поляхъ онъ постоянно цитируетъ свои библейскіе и ученые источники: въ числѣ послѣднихъ были, напр., Корнелій а Lari-de, Гавріиль Буцелинъ, Навкларъ, Мерканиоръ, Кюверъ, Болярминъ и др. Опять никто изъ московскихъ книжниковъ не былъ бы способенъ на подобный трудъ <sup>1)</sup>.

Еще большее значеніе для Церкви имѣетъ догматико-полемическій трудъ святителя Димитрія, извѣстный подъ именемъ *„Розыска (разсмотрѣнія) о раскольнической брынской вѣрѣ“* <sup>2)</sup>. Трудъ этотъ былъ вызванъ опасностями для православія со стороны раскола, усиливавшася особенно въ царствованіе Петра Великаго. Самъ святитель указываетъ на тѣ побужденія, которыми руководился при написаніи такого сочиненія. Въ письмѣ къ своему другу, чудовскому монаху Θεологу, онъ замѣчаетъ, что въ теченіе недѣли проповѣдывалъ въ Ярославлѣ противъ раскола, но такъ какъ „слова изъ устъ болѣе идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердца“, то оставивъ свои занятія по составленію лѣтописи, онъ принялся за написаніе особой книжки противъ раскола... „Богъ о лѣтописаніи не истязетъ (не спроситъ), а о семъ, аще молчатъ противъ раскольниковъ, истязетъ“. По мысли автора, выраженной въ предисловіи къ „Розыску“, послѣдній былъ написанъ съ тою цѣлью, чтобы сколько возможно вразумить самихъ раскольниковъ, а главное, чтобы дать ростовскому духовенству надлежащее понятіе о расколѣ и снабдить его надежнымъ оружіемъ противъ этого противника. По своему архипастырскому долгу святитель признавалъ необходимымъ своевременно и энергично принять мѣры противъ врага, ибо „когда волки нападаютъ на стадо, пастырю не должно быть одержиму сномъ“. Правда, были уже изданы

<sup>1)</sup> Пыпинъ, Исторія Русской Литературы II, 411.

<sup>2)</sup> Брынскою вѣрою расколъ называется отъ знаменитыхъ некогда Брынскихъ лѣсовъ въ нынѣшней Калужской губерніи, которые служили гнѣздомъ раскольничьихъ скитовъ, расположенныхъ въ лѣсахъ по рѣкѣ Брынѣ, впадающей въ Жиздру, притокъ Оки.

противъ раскольниковъ „Жезлъ правленія“ и „Увѣтъ духовный“, но не было извѣстно, существуютъ ли эти книги въ ростовской епархіи и едва ли, потому что ненавистная рука раскольническая истребляетъ ихъ. „Принимаясь за новый трудъ, святитель Димитрій работалъ надъ нимъ съ большимъ усердіемъ. Онъ заботливо собиралъ все необходимыя матеріалы и пособія для своего новаго сочиненія. Свѣдѣнія о раскольничьихъ заблужденіяхъ были заимствуемы имъ частью изъ раскольничьихъ книгъ, частью изъ свидѣтельствъ о нихъ православныхъ. Кроме того, святитель непосредственно имѣлъ сношенія съ раскольниками: объ этихъ сношеніяхъ нерѣдко передается въ его сочиненіи. „Розыскъ о брянской вѣрѣ“ является однимъ изъ обширѣйшихъ сочиненій св. Димитрія. Сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей: въ первой доказывается, что вѣра раскольниковъ неправа и нестара, во второй говорится о томъ, что ученіе раскольниковъ душевредно, въ третьей—что дѣла ихъ не богоугодны. Неправота вѣры раскольниковъ доказывается тѣмъ, что она заключается въ предметахъ видимыхъ; именно ограничивается старыми иконами и книгами, осьмиконечнымъ крестомъ, своимъ перстосложеніемъ въ крестномъ знаменіи и седмичномъ числѣ просфоръ на литургіи,—что не составляетъ вѣры. Душевредность ученія раскольниковъ св. Димитрію доказывается тѣмъ, что ученіе это неправильно, проповѣдуется ложными или незаконными учителями, таково ученіе объ антихристѣ, о прекращеніи жертвы Христовой, объ образѣ и подобіи Божіемъ (будто они заключаются въ бородахъ). Небогоугодность дѣлъ раскольниковъ доказывается тѣмъ, что подвиги внѣ Церкви не принесутъ пользы и что эти подвиги бывають часто лицемѣріемъ. Къ такимъ дѣламъ, которые представляютъ полное уклоненіе отъ духа религіи христіанской святитель относитъ особенно самосожигательства и запащиванія, допускавшіяся раскольниками въ XVII и XVIII вв. (Роз. гл. 11, 13 и 16). Розыскъ св. Димитрія, сравнительно съ предшествовавшими полемическими сочиненіями Симеона Полоцкаго и м.-патріарха Іоакима, содержитъ въ себѣ больше свѣдѣній. Здѣсь полнѣе раскрываются причины появленія раскола, выставляются на видъ его различныя развѣтвленія, главные пункты ученія, а также нравственныя и бытовыя особенности раскола. Особенно важно, что въ Розыскѣ въ первый разъ различаются

раскольническіе толки, какъ поповщинскіе, такъ и безпоповщинскіе, хотя по мѣстамъ расколъ объединяется и сдѣшивается съ рационалистическимъ и мистическимъ русскимъ сектантствомъ. Въ самой полемикѣ съ раскольниками, сравнительно съ прежними полемическими приемами, замѣчаются слѣдующія особенности. Во-первыхъ, обращается главное вниманіе на несообразность раскола съ духомъ евангельскимъ выразительнымъ указаніемъ на слѣпую привязанность раскольниковъ къ виѣшнимъ обрядамъ, независимо отъ внутренней стороны, ихъ одухотворяющей. Во-вторыхъ, употребляются усилія на возможно болѣе всестороннее положительное уясненіе такихъ сторонъ православія, которыя извращаются раскольниками или неправильно ими понимаются. При этомъ въ Розыскѣ дѣлается множество догматическихъ, обрядовыхъ и простыхъ житейскихъ объясненій съ обоснованіемъ и подтвержденіемъ ихъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ изъ Священнаго Писанія, отцевъ Церкви, древней русской письменности, наконецъ изъ историческихъ сочиненій церковныхъ писателей—греческихъ и латинскихъ. Наконецъ, въ-третьихъ, св. Димитрій въ отношеніи къ расколу проявляетъ значительное безпристрастіе, о которомъ можно судить по тому, что онъ не отрицаетъ въ расколѣ извѣстныхъ добрыхъ сторонъ въ жизни. Къ такимъ сторонамъ жизни раскольниковъ святитель относитъ: „ихъ пощенія многая, молитвы продолжительныя, поклоновъ многое число, трезвость и воздержаніе отъ хмельнаго питія, отъ яденія рыбы и мяса, иные подвиги и труды“. Но при этомъ замѣчаетъ, что такіе подвиги могутъ имѣть нравственное значеніе только при единеніи съ Церковію (8... 12). Правда, по мѣстамъ полемическій тонъ въ Розыскѣ рѣзкій. Но онъ объясняется частью тѣмъ, что святитель возмущался самоувѣреніемъ раскольниковъ о своей правотѣ, бывшимъ слѣдствіемъ явнаго непониманія церковнаго ученія (насколько оно подтверждается Священнымъ Писаніемъ и церковнымъ преданіемъ), даже познанія грамматики,—частью же рѣзкими выходками раскольниковъ противъ Церкви. „Дышетъ Брынская пустыня на Церковь Божію злобою, акн огнемъ“.

Заботясь о поддержаніи православія и объ охраненіи его отъ раскольниковъ и сектантовъ, святитель Димитрій посвящаетъ себя также съ большимъ усердіемъ *проповѣди-*

ческой дѣятельности. Еще въ Малороссіи онъ пріобрѣлъ славу своими проповѣдями, но во всей широтѣ эта дѣятельность развивается въ Ростовѣ. Первые проповѣди св. Дмитрія еще носятъ на себѣ въ значительной степени печать риторической школы: они составлены по тѣмъ правиламъ, какія преподавалъ „Ключъ разумѣнія“ съ искусственнымъ построениемъ, риторическимъ развитіемъ темы, съ аллегоріей и символическими толкованіями, нерѣдко натянутыми. Такіе приемы, конечно, въ значительной степени отражали въ себѣ образованіе, полученное святителемъ въ Кіевской Коллегіи; но они были также слѣдствіемъ приспособленія проповѣдника къ потребностямъ южно-русскаго общества, которое не удовлетворялось простымъ изложеніемъ живыхъ евангельскихъ истинъ. Впрочемъ, и первые проповѣди святителя, несмотря на нѣкоторое схоластическое построение, уже по многимъ чертамъ отличаются отъ проповѣдей его предшественниковъ, насколько они были плодомъ не упражненія на заданную тему, а истиннаго вдохновенія, которымъ была преисполнена даровитая и любящая натура проповѣдника. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше искусственная метода проповѣдника начинаетъ отпадать, все больше получаетъ мѣста простое толкованіе христіанской нравственности: примѣры берутся изъ дѣйствительной жизни. Во всѣхъ проповѣдяхъ ясно замѣтна одна главная идея, одно стремленіе проповѣдника—сдѣлать людей лучше и добрѣе. „Любовь—выше всего“ такова основная тема уже первыхъ проповѣдей святителя. Но проповѣдникъ не ограничивается призывомъ къ дѣятельному проявленію любви въ жизни путемъ исполненія дѣлъ милосердія. Онъ часто призываетъ своихъ слушателей къ углубленію въ свою душу, къ сознанію своей грѣховности и къ такому внутреннему преобразованію своей природы, при которомъ она служила бы мѣстомъ обитанія Христа, мѣстомъ водворенія царства небеснаго. Сообразно съ этимъ, онъ съ высоты идеально-аскетической точки зрѣнія обличаетъ противоположные ей недостатки, замѣчаемые въ современной жизни русскаго народа. Въ этомъ отношеніи замѣчательны особенно проповѣди, сказанныя святителемъ въ ростовской епархіи, въ которыхъ картинно изображаются: исканіе въ міръ Христа, путешествіе царства небеснаго, пепельная трапеза Давидова и др. Проповѣдникъ

обличенія общества въ уклоненіи отъ идеальныхъ цѣлей представляетъ картины съ изображеніемъ характерныхъ недостатковъ. Эти картины заимствуются изъ повседневной жизни слушателей и рисуютъ эту жизнь самымъ нагляднымъ образомъ. Онъ представленъ святителемъ не для простаго ораторскаго украшенія, но для упрощенія высокихъ понятій, для болѣе яснаго уясненія истинъ вѣры и благочестія. „Изображеніе современныхъ нравовъ, примѣнительность къ понятіямъ и жизни простаго народа и практическое направленіе, имѣющее широкое непосредственное отношеніе къ нравственной жизни и нравственному назиданію слушателей, составляютъ отличительныя черты проповѣдей, говоренныхъ св. Димитріемъ къ ростовской паствѣ“<sup>1)</sup>. Есть, впрочемъ, у св. Димитрія нѣсколько и такихъ проповѣдей, въ которыхъ онъ, по примѣру юго-западныхъ проповѣдниковъ, пользовался матеріаломъ свѣтскихъ наукъ. Такъ, напр., въ субботу четвертой недѣли великаго поста, разсуждая о памяти смертной, онъ приводитъ изреченіе Солона, предсказавшаго несчастный конецъ счастливому во всемъ лидійскому царю Крезу;—разсказъ о египетскомъ царѣ Птолемеѣ, которому, однажды во время пира, представили мертвую голову для того, чтобы внушить ему смиреніе и память о смерти и разсказъ о птицѣ фениксѣ, которую писатели любили прежде приводить, какъ образъ будущаго воскресенія человѣка отъ смерти въ жизнь вѣчную.

Въ проповѣдяхъ св. Димитрія нѣтъ такого близкаго отношенія къ политической современности, какъ у Феофана Прокоповича, или Стефана Яворскаго; но онъ не уклонялся при случаѣ высказать свой взглядъ по поводу совершавшихся событій. Въ своихъ проповѣдяхъ, замѣчаетъ проф. Пляцкинъ, св. Димитрій задѣлъ все жгучіе вопросы тогдашней современности и, строго обсудивъ ихъ съ точки высокой христіанской нравственности, онъ является въ нихъ идеальнымъ пастыремъ русской старины, печалующимся о всѣхъ страждущихъ, безстрастно произносящимъ приговоръ недостойнымъ. Въ эпоху Петровскихъ новшествъ святитель явился хранителемъ стараго достоянія русскаго народа,—живой, дѣйствующей чрезъ любовь православной вѣры. Все

<sup>1)</sup> Порфирьевъ, Исторія Русской Литературы, изд. 3. Казань 1879 г., т. 1, стр. 664.

военныя неудачи и несчастія онъ приписывалъ грѣхамъ людей и призывалъ къ покаянію. Послѣ нарвскаго пораженія св. Димитрій высказался, что нужно твердо переносить испытанія и нести жертвы на общее дѣло,—еще не все потеряно. Нельзя отчаиваться такъ людямъ, которые вѣрятъ въ Божественный Промыслъ. „Молитвенныя слезы составляютъ облака, изъ облаковъ могутъ быть громы и молніи на враговъ нашихъ“. Уважая санъ Петра Великаго, какъ помазанника Божія, и сочувствуя его реформамъ, онъ не закрывалъ глазъ на его недостатки. Не разъ въ своихъ проповѣдяхъ святитель указывалъ и на милосердіе, какъ на главное достоинство царя и на гнѣвъ и любострастіе, какъ его главные пороки. Въ одной изъ лучшихъ своихъ проповѣдей на тему: „терпѣніемъ стяжите души ваши“, св. Димитрій въ присутствіи самого Петра чрезвычайно подробно разбираетъ и обличаетъ гнѣвную ярость въ человѣкѣ. Не скрывалъ онъ неодобренія и нѣкоторымъ его распоряженіямъ (напр., указу о разрѣшеніи воинамъ ѣсть въ посты мясо), а также протестанскимъ увлеченіямъ сподвижниковъ Петра. „Речеть Вахусть чревоугодный богъ съ ученикомъ своимъ Мартиномъ Лютеромъ: надобно въ полкахъ не смотрѣть посты, и въ постъ ѣсти мясо, чтобы полковые люди въ воинствѣ были сильны, въ бою крѣпки, не ослабѣли бы въ брани отъ поста и воздержанія. Но Гедеоново воинство и постясь побѣдило мадіанитянь. Не соблюдать постовъ—это не грѣхъ! День и ночь пьянствовать—это общительность! Пребывать въ гуляніи—это дружба! А что говорятъ о загробной жизни для души,—то куда ей идти? Это басни!“ Въ противоположность духовному регламенту, обязывавшему священниковъ доносить о государственныхъ преступленіяхъ, открытых на исповѣди, св. Димитрій въ поученіи къ іереямъ пишетъ: „аще кій властелинъ или судъ гражданскій повелѣлъ и нудма (весьма) принуждалъ іерея, да скажетъ какой грѣхъ духовнаго своего сына, и аще бы прещеніемъ и муками и смертію претилъ, то іерей долженъ есть умерти паче и мученическимъ вѣнцемъ вѣнчатися, неже печать исповѣди отрѣштити“<sup>1)</sup>. Осуждая крайности, весьма прозрачно указывая личные недостатки Петра въ проповѣдяхъ,

<sup>1)</sup> Сочиненія т. I, стр. 160—1, изд. 1848.



сказанныхъ даже въ его присутствіи, св. Димитрій, безъ сомнѣнія, вполне искренно желалъ успѣха его трудамъ и, между прочимъ, сочувствовалъ сношеніямъ съ иностранцами. „Хвалю добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ чужія государства ходятъ ученія ради, изъ-за морей бо умудреніи возвращаются... Аще же память смертная есть философіею, убо тоя мудрости учиться не долѣетъ, сидя въ дому, но и въ чужихъ странахъ побывать требуется“.

Мы кончаемъ тѣмъ, чѣмъ и начали.

Воспроизведенная нами жизнь святителя Димитрія Ростовскаго, представляющая совмѣщеніе такихъ идеальныхъ качествъ, какъ строгое подвижничество, нестяжательность, всегдашняя готовность оказать помощь нуждающемуся, смиреніе, необычная ревность въ исполненіи своихъ іерархическихъ обязанностей, величайшее трудолюбіе, въ связи съ его разнообразными литературными и научно-богословскими твореніями, преслѣдующими возвышенныя религіозно-назидательныя цѣли.—свидѣтельствуя, что ублажаемый нами святитель былъ продолжателемъ тѣхъ идеальныхъ религіозно-аскетическихъ традицій, которымъ слѣдовали отцы Церкви въ періодъ вселенскихъ соборовъ и нашихъ древнѣе русскіе іерархи. Но эти традиціи имѣли свое основаніе въ евангельскомъ ученіи Господа Іисуса Христа. И потому безусловно ложнымъ нужно признать то положеніе, будто „восточный традиціонализмъ имѣетъ мало общаго съ евангеліемъ“<sup>1)</sup>.

*А. Вертеловскій.*



<sup>1)</sup> Гарнакъ, Сущность христіанства, стр. 130.



## Эстетическое воспитаніе въ духовной школѣ \*).

Ни одна область такъ жестоко не игнорируется въ духовной школѣ, какъ область эстетическая. Исключеніе, правда, представляютъ женскія духовно-учебныя заведенія, гдѣ, по психологической ли необходимости, или въ силу исторической традиціи, замѣтно присутствіе эстетики и эстетическаго воспитанія: для иллюстраціи, не говоря уже о внѣшней обстановкѣ этихъ заведеній, достаточно указать на музыку, искусство рисованія, занятіе вышиваніемъ и т. п., которымъ обучаютъ почти всѣхъ воспитанницъ. Что же касается мужскихъ учебныхъ заведеній, то здѣсь наблюдается почти полное отсутствіе эстетической атмосферы. Начиная со скромной, официальной, педантической обстановки школы и кончая отсутствіемъ музыкальныхъ инструментовъ и преподаванія какихъ бы то ни было искусствъ, благород-

---

\*) Докладъ, читанный въ кружкѣ преподавателей духовной и свѣтской школы.

Литература, которую имѣлъ подъ руками авторъ: В. Острогорскій. Письмо объ эстетическомъ воспитаніи. Москва 1908; М. Брауншвицъ. Искусство и дитя. СПб. 1908; проф. Лянга. Художественное образованіе въ дѣтской. СПб. 1908; Покровскій, проф. Поэзія, какъ факторъ эстетическаго развитія. Москва 1885; М. Гюйо. Задачи современной эстетики. СПб. 1900; Его же: Воспитаніе и наследственность. СПб. 1900; М. Олесницкій. Полный курсъ педагогики въ 2 частяхъ. Кіевъ 1895; Вопросы психологіи творчества. Сборн. статей подъ редакц. Лезина. Харьковъ 1907; П. Левитовъ. Дѣйствіе прекраснаго на душу. Харьковъ 1903; З. Киприанова. Художественное образованіе въ семьѣ и школѣ. СПб. 1908; Леббокъ. Радости жизни. СПб. 1899. Журналы: Церковныя Вѣдомости, Міръ Божій, Русская Школа, Вѣстникъ Воспитанія и др.

ныхъ ремесель, все рассчитано какъ будто на то, чтобы эстетикн въ школѣ и помину не было. Никакихъ мѣръ не принимается для эстетическаго развитія и воспитанія учащихся и слово „бурсакъ“—шуточное, ходячее названіе питомца духовной школы употребляется, какъ синонимъ неотесанности, грубости, дикости и проч. И правда. Съ грустью, а надо констатировать отсутствіе у нашей молодежи той корректности, изящности, джельтменства, (какъ выраженіе внутренняго благородства и хорошей настроенности), словомъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя приличны юности. На эти ненормальные факты въ области воспитанія уже указалъ Св. Синодъ въ одномъ изъ своихъ опредѣленій, въ которомъ, отмѣчая указанное выше печальное явленіе, рекомендуетъ школѣ обратить на это явленіе серьезное вниманіе, указывая и средства къ достиженію эстетическаго воспитанія учащихся <sup>1)</sup>. Мало того, введеніемъ въ курсъ наукъ духовной школы природовѣдѣнія и черченія Синодъ, съ своей стороны, посылъ на помощь школѣ въ дѣлѣ осуществленія ея идеи эстетическаго образованія учащихся <sup>2)</sup>.

Причина отмѣченной ненормальности въ системѣ воспитанія питомцевъ духовной школы кроется въ томъ, конечно, что современная духовная школа, развивая умственные способности изученіемъ различнаго рода предметовъ, нравственные силы—воздѣйствіемъ на учащихся примѣромъ, предупрежденіемъ и пресѣченіемъ проступковъ, нисколько не освѣщаетъ того уголка души, который нуждается въ полномъ озареніи—чувствованія и между ними самый дорогой и самый очаровательный и, къ величайшему несчастью въ данное время забытый—эстетическія чувства. А, вѣдь, педагогика трактуетъ, что прежде чѣмъ говорить уму, въ особенности уму дѣтей и молодыхъ людей, нужно говорить сердцу, воображенію и чувствамъ, а для того, чтобы воображеніе могло видѣть, все должно облекаться въ цвѣтъ и форму. Значитъ, школа грѣшитъ противъ элементарныхъ правилъ педагогики. Далѣе, если учащійся воспринялъ нравственные истины и рѣшился всегда дѣйствовать, согласно нравствен-

<sup>1)</sup> См. Церковн. Вѣдом. 1908 г. № 33. Объ опредѣленіи Синода подробно будетъ сказано ниже.

<sup>2)</sup> См. Церк. Вѣдом. 1908 № 36. Опредѣленіе Синода отъ 16--19 августа за № 4469.

нымъ требованіямъ, то ему необходимо умѣть надлежащимъ образомъ вести себя въ каждомъ данномъ случаѣ при данныхъ обстоятельствахъ (любезно обращаться и проч.), а для этого требуется эстетическое образованіе (проф. М. Олесницкій).

По тѣсной, близкой связи эстетическихъ чувствованій съ моральными, развитіе первыхъ благотѣтельно отражается на моральной сферѣ, такъ что правильно поставленное эстетическое воспитаніе—гарантія благородства, гуманности, аристократизма души учащихся, словомъ, того, что составляетъ цѣль нравственнаго воспитанія юношества въ школѣ. Поэтому, упуская безъ вниманія, пренебрегая, игнорируя идеей эстетическаго образованія, школа и не достигаетъ хорошихъ результатовъ въ сферѣ нравственнаго воспитанія, живой иллюстраціей къ чему являются указанные выше печальные факты, которые имѣетъ въ виду и опредѣленіе Синода, покоящееся, какъ видно изъ его содержанія, на сознаніи важности эстетическаго образованія въ смыслѣ вліянія его на моральную область въ воспитаніи.

Что область эстетики тѣсно соприкасается съ областью морали и эстетическое развитіе благотѣтельно отражается на сферѣ этики—это фактъ неоспоримый и едва ли нуждается въ доказательствахъ. Но не можемъ не высказать нѣсколько положеній, убѣждающихъ въ этой очевидной, несомнѣнной истинѣ.

Эстетическое воспитаніе имѣетъ своимъ объектомъ красоту, прекрасное. Красота заключаетъ въ себѣ элементы внѣшняго и внутренняго содержанія. Красота, прекрасное съ внѣшней, такъ сказать, непосредственной стороны, дѣйствуетъ на внѣшнія чувства зрѣнія, слуха; лаская нашъ взоръ или слухъ, доставляя человѣку удовольствіе отъ созерцанія формъ, гармоніи, она (красота) съ этой стороны мало даетъ сознательныхъ ощущеній уму и сердцу. Съ внѣшней стороной непременно соединяется и внутренняя, высшая духовная сторона красоты, которая, кромѣ удовольствія для внѣшнихъ чувствъ, доставляетъ еще человѣку высокое духовное наслажденіе, при которомъ пріятно возбуждаются всѣ наши силы души: и умъ, проникающій въ смыслъ жизни, и чувства любви къ человѣку, и воображеніе, и самая воля, въ смыслѣ желаній и порывовъ, стремленій—такъ что

все духовное существо наше, посредствомъ такого наслажденія, становится какъ бы просвѣтленнѣе, выше, лучше <sup>1)</sup>. И это потому, что красота за внѣшней своей оболочкой скрываетъ во внутренней сторонѣ идеи истины, добра, правды, всего благороднаго, честнаго, достохвальнаго.

Красота, прекрасное, воплощая въ себѣ идеи истины, добра, правды въ изящной формѣ, обладаетъ чуднымъ свойствомъ: дѣлать доступными, понятными, а главное привлекательными тѣ идеи, которыя въ ней проявляются. Слѣдовательно, прекрасное въ воспитательномъ отношеніи важно тѣмъ, что оно, глубоко волнуя насъ пріятными переживаніями, лаская наше воображеніе, помогаетъ, способствуетъ легкому усвоенію (благодаря общепонятности и заманчивости) тѣхъ моральныхъ истинъ, общечеловѣческой правды, которыя оно воплощаетъ. Далѣе, будучи всегда привлекательною и благотворно дѣйствуя на всѣ психическія силы, она способствуетъ очищенію души отъ всего сквернаго, смягчаетъ ее, дѣлаетъ нѣжною, доброю, такъ какъ возбуждаетъ въ ней любовь къ порядку, гармоніи, слѣдовательно, ненависть къ беспорядку, разногласію и порокамъ, которые разстраиваютъ прекрасную связь общежитія. Частое наслажденіе прекраснымъ имѣетъ своимъ результатомъ воспитаніе любви, тяготѣнія къ себѣ со стороны субъекта, проявляющуюся въ стремленіи къ подражанію и копированію его (прекраснаго) въ своей внутренней и внѣшней жизни. Человѣкъ, которому часто доступны эстетическія наслажденія, постепенно привыкаетъ требовательнѣе относится къ себѣ, начиная со своей наружности, окружающей обстановки, отношеній къ людямъ и кончая высшими нравственными требова-

<sup>1)</sup> Эстетическія чувствованія, имѣющія своимъ предметомъ красоту, прекрасное, слагаются изъ различныхъ психологическихъ моментовъ, которые могутъ быть сведены къ главнымъ тремъ: во-первыхъ, чутье собственно красоты, т. е. чутье красивой формы въ линияхъ, краскахъ, тѣняхъ, движеніяхъ, звукахъ (ритмъ, мелодія, гармонія); во-вторыхъ,—чутье [правды, истины, т. е. чутье распознаванія лжи отъ правды, пошлаго отъ содержательнаго, случайнаго отъ вѣчнаго; въ-третьихъ, чутье добра, т. е. чутье того, что въ человѣкѣ есть хорошаго, трогательнаго, высокаго, чутье любви, страданій,—словомъ, всего, что можетъ вызвать въ насъ слезу умиленія, человѣколюбивое всепрощеніе, восторгъ, что можетъ дѣйствовать, трогать наше сердце.

ніями, изъ желанія согласить свою жизнь и дѣятельность съ той гармоніей, которая присуща всему прекрасному, изящному. Эстетически развитый человѣкъ становится воспримчивъ, чутокъ ко всѣмъ проявленіямъ духовной и нравственной жизни и на безнравственные поступки онъ неспособенъ. Эстетическое воспитаніе, значитъ, предохраняетъ отъ всего грубаго, низкаго, отъ той наглости, цинизма, которые такъ близко граничатъ съ безнравственностью<sup>1)</sup>. Уважающій изящное, если не во имя добра, то во имя эстетическихъ требованій, всегда удержится отъ дурного поступка, такъ какъ все дурное въ моральномъ смыслѣ въ большинствѣ случаевъ является некрасивымъ и съ эстетической точки зрѣнія: воровство, пьянство, разгулъ, уничтоженіе человѣческой личности одинаково отвратительны какъ для нравственнаго, такъ и для эстетическаго чувства. Прекрасное въ дѣятельности воли, по вѣрному взгляду проф. Покровскаго, обнаруживается въ мягкости, въ кроткихъ незлобивыхъ свойствахъ человѣка, когда онъ, влекомый высшими благородными чувствами, всегда добродушенъ, ласковъ, веселъ, привѣтливъ, общителенъ, чуждъ злобы и вражды, готовъ всякому вспомоществовать<sup>2)</sup>. Наоборотъ, тотъ, въ комъ нѣтъ любви къ музыкѣ, кого не трогаетъ согласіе сладостныхъ звуковъ (т. е. кому совершенно чужды эстетическія эмоціи) способенъ къ измѣнѣ, воровству и хищности. Движенія души его темны, какъ ночь, а склонности мрачны, какъ Эребъ. (Шекспиръ).

Красота, такимъ образомъ, ведетъ человѣка къ самоулучшенію. Эстетическое восхищеніе, по словамъ одного мыслителя, обозначаетъ въ насъ извѣстнаго рода нравственное улучшение: право, утверждаетъ онъ, мы становимся нравственно лучше въ то время, когда восхищаемся<sup>3)</sup>. Эстетическія отношенія къ самому себѣ, природѣ, людямъ, искусству, обществу, какъ результатъ эстетическаго воспитанія, создаютъ въ человѣкѣ особый духовный миръ съ самимъ собою, то доброе настроеніе, то единеніе съ міромъ, то посто-

<sup>1)</sup> Психологія вліянія красоты на душу человѣка подробно выяснена извѣстнымъ авторомъ П. Левитовымъ въ его книжкѣ: „Дѣйствіе прекраснаго на душу“. Харьковъ 1903.

<sup>2)</sup> Проф. Покровскій. Поэзія, какъ факторъ эстетическаго развитія.

<sup>3)</sup> М. Гюйэ. Задачи современной эстетики, стр. 42.

янное стремление къ духовной красотѣ, къ служенію общей пользѣ, къ честному труду и борьбѣ со зломъ,—словомъ, то, что единственно только и составляло во всѣ времена человѣческое счастье. Это счастье не достигается ни какимъ угодно развитіемъ ума, ни какимъ разностороннимъ знаніемъ; оно возможно только при правильномъ развитіи съ дѣтскихъ лѣтъ привычекъ къ красотѣ какъ внѣшней, со стороны формы, такъ и внутренней, состоящей въ умонаклоненіи къ добру и правдѣ, конечно, въ связи съ возможно гармоническимъ развитіемъ всѣхъ способностей, особенно чувства и воображенія.

Такое важное значеніе эстетическаго воспитанія съ психологической и моральной стороны въ общей воспитательной системѣ поставляетъ духовную школу въ необходимость посчитаться съ такимъ важнымъ факторомъ. Эстетическое воспитаніе въ примитивныхъ, легкихъ формахъ должно начинаться, конечно, въ семьѣ, до поступленія ребенка въ школу, задача же школы должна сводиться къ тому, чтобы развить, дать крѣпкіе устои, оформить и выработать изъ учащихся цѣльную эстетическую личность, причемъ эстетическое воспитаніе не должно ограничиваться однимъ какимъ либо учебнымъ заведеніемъ, а должно начинаться въ низшей школѣ, развиваться въ средней и заканчиваться въ высшей.

Идея эстетическаго образованія предполагаетъ наличность въ душѣ учащагося эстетической потребности. Самый поверхностный психологическій анализъ чувствъ и воображенія дѣтей открываетъ намъ существованіе въ нихъ глубокихъ эстетическихъ наклонностей. Послѣдніи съ ранняго возраста заявляютъ себѣ пристрастіемъ учащихся къ рисованію, игрѣ; рисунками, каракулями они покрываютъ свои книги, тетради. Имъ нравится вырѣзывать картинки изъ картона или обводить карандашомъ контуры предметовъ, или чертить мѣломъ и углемъ силуэты ихъ, падающихъ тѣпью на стѣну, дѣлать изъ бумаги, дерева различныя фигурки и предметы; у нихъ всегда есть желаніе пѣть, играть, слушать хорошую музыку; они одухотворяютъ свои игрушки, природу; языкъ ихъ полонъ сравненій. Эти то грубые наброски въ сущности и являются зачатками эстетическихъ наклонностей у дѣтей. Школа и должна, поэтому, взять на

себя благодарную задачу, считаясь съ запросами и наличностью психическихъ дарованій дѣтей, развить въ хорошую сторону то, что у нихъ имѣется въ видѣ скрытаго инстинкта, дать соотвѣтствующее способностямъ направленіе и создать, такимъ образомъ, цѣльныхъ личностей, у которыхъ замѣчалась бы полная гармонія. Такую завидную миссію школа должна спѣшить выполнить, такъ какъ въ дѣтствѣ эстетическія наклонности проявляются интенсивнѣе, чѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ; эстетическія чувствованія, запросы самообразования съ возрастомъ притупляются, ослабляются, душа покрывается толстымъ наслоеніемъ привычекъ, предрасудковъ, правилъ, мѣшающимъ эстетическому воспитанію. „Наблюдайте за ребенкомъ, говоритъ одинъ изслѣдователь интересующаго насъ вопроса, и вы найдете у него такое богатство воображенія, которому просто изумитесь и какое потомъ нельзя встрѣтить ни въ одномъ изъ періодовъ жизни. Въ мозгу этихъ крошекъ несравненно больше поэзіи, чѣмъ въ двадцати эпическихъ поэмахъ <sup>1)</sup>).

Будучи обязана посчитаться съ наличностью психическихъ богатствъ учащихся, школа не можетъ игнорировать и тѣми печальными послѣдствіями (кромѣ указанныхъ выше), являющимися какъ результатъ игнорированія эстетическими запросами учащихся въ школѣ. Школа, игнорирующая, или еще хуже отрицающая въ принципѣ идею эстетическаго воспитанія учащихся, создаетъ личностей апатичныхъ къ жизни, зараженныхъ ядомъ пессимизма, вялыхъ и чуждыхъ того свѣтлаго, розоваго идеализма, который такъ пріятно встрѣчать въ каждомъ молодомъ человѣкѣ. Извѣстный покойный педагогъ В. Острогорскій съ грустью указывалъ на это печальное явленіе въ жизни нашей молодежи, объясняя его, какъ результатъ индифферентнаго отношенія школы къ эстетическому образованію. „Представьте себѣ, читаемъ въ его „Письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи“, юношу, окончившаго курсъ, положимъ, въ гимназій, университетѣ или другомъ любомъ учебномъ заведеніи, слѣдовательно, взявшаго все, что можетъ дать ему въ настоящее время у насъ формальное образованіе. Этотъ юноша не глупъ, проглотилъ всю мудрость школьной науки; онъ, по натурѣ,

<sup>1)</sup> М. Брауншвицъ. Искусство и дитя. СПБ. 1908 стр. 42.



добрый, очень симпатичный человек: у него, пожалуй, и много знаний, и общих и специальных: предъ нимъ широко открыты двери къ разносторонней дѣятельности, могущей, повидимому, удовлетворить и его самого, приносящей пользу отечеству, и, между тѣмъ, что же вы видите? Этотъ юноша съ развитымъ, недюжиннымъ умомъ, съ знаниями, крайне тяготеетъ жизнью, или вовсе къ ней равнодушенъ, объясняя ее себѣ теоріями крайняго пессимизма. Что же не достаетъ этому юношѣ, обладающему и умственнымъ развитіемъ и знаниями, чтобы хотя сколько нибудь быть счастливымъ самому, внутри себя носить духовный миръ съ самимъ собой, свои радости и утѣшенія, ободряющія духъ человека? Не достаетъ ему „общаго бодрого здороваго внутренняго настроенія, не достаетъ любви къ міру и человеку, живого интереса къ жизни <sup>1)</sup>. Такое бодрое, здоровое настроеніе, (о которомъ говоритъ почтенный педагогъ) какого такъ не достаетъ нашей интеллигентной молодежи, слагается, конечно, вслѣдствіе очень многихъ историческихъ, экономическихъ, социальныхъ причинъ, но безспорно, что въ числѣ другихъ факторовъ, создающихъ ровное, бодрое настроеніе, не послѣднее, если не первое мѣсто, занимаетъ воспитаніе чувства и воображенія, которыя главнымъ образомъ и складываютъ характеръ человека, направляя, укрѣпляя или парализуя его волю и сердце. Это то воспитаніе воображенія и чувства, въ связи съ развитіемъ въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи разума, какъ высшей степени ума, съ цѣлью воспитать въ человекѣ особое постоянное настроеніе—интересъ и вкусъ къ жизни, способность находить въ ней наслажденія въ созерцаніи изящнаго, въ искусствѣ и въ людяхъ, въ стремленіи къ самоусовершенствованію и совершенію поступковъ, которые составляли бы внутреннюю потребность и тоже наслажденіе (быть вѣжливымъ, корректнымъ, скромнымъ, джельтмичномъ)—и называется воспитаніемъ эстетическимъ. Или короче выразимся словами упомянутаго великаго педагога: „эстетическое воспитаніе есть воспитаніе человека въ чувствѣ красоты, изящества, въ любви къ прекрасному, высокому и не только въ любви, но и въ посто-

<sup>1)</sup> В. Острогорскій. Письма объ этическомъ воспитаніи. Москва 1908. Изд. третье, стр. 14.

янною, дѣятельною стремленію къ нему, иначе—въ стремленію къ нравственному идеалу, чѣмъ и способствуетъ такое воспитаніе улучшенію нравовъ“<sup>1)</sup>).

Какъ же можетъ духовная школа осуществить, выполнить идею эстетическаго образованія, при наличности имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ, какъ моральныхъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ?

Для нея достаточно остаться въ рамкахъ той программы, какая намѣчена Св. Синодомъ въ томъ опредѣленіи его гдѣ трактуется объ эстетическомъ образованіи въ духовной школѣ<sup>2)</sup>. Въ этомъ опредѣленіи Синодъ, констатируя фактъ невнимательности школы къ эстетическому воспитанію учащихся, касается прежде всего внѣшней обстановки школы какъ мало соответствующей эстетическому воспитанію, и предлагаетъ позаботиться, „чтобы жизненные условія воспитанниковъ и самая обстановка въ общежитіи пріобрѣли по возможности, изящный, семейный видъ“, такъ какъ дѣйствительно, прежде всего необходимо въ дѣлѣ эстетическаго воспитанія помѣстить учащихся въ такую среду, которая всегда была бы красива. Домъ, въ которомъ они живутъ, и школа, которую они посѣщаютъ, должны художественной рамкой окружать ихъ существованіе. Если признать, что окружающая среда имѣетъ серьезное вліяніе на людей, то внѣшность обстановки школы играетъ громадную роль въ воспитаніи. Школы издавна считаются убогими казармами въ которыхъ официальность, сухость, педантичность обстановки, способны отравить эстетическій вкусъ у учащихся. Эти пустыя стѣны, эти полутемныя корридоры, гдѣ не на чемъ остановить взоръ, отсутствіе въ достаточной степени мебели, постоянное присутствіе пыли, грязи,—все это дѣлаетъ то, что учащійся нерѣдко теряетъ пріобрѣтенное въ эстетическомъ отношеніи въ домашней семейной обстановкѣ гдѣ все рассчитано, чтобы ласкать взоръ, воображеніе его

Искусство въ школѣ требуетъ прежде всего вкуса въ архитектурномъ планѣ зданія и въ его внѣшней отдѣлкѣ. Цвѣты и растенія, какъ внутри, такъ и снаружи, много способствуютъ приданію школѣ веселаго и пріятнаго вида

<sup>1)</sup> Ibid. стр. 17.

<sup>2)</sup> Опредѣленіе цитировано выше.

„Пусть деревья обрамляют входъ, справедливо настаиваетъ педагогъ-эстетъ, пусть вьющіяся растенія украшаютъ фасадъ, пусть цвѣты оживляютъ корридоры и классы учениковъ, ихъ читальни и столовыя“<sup>1)</sup>. „Нужно осыпать ихъ классы цвѣтами и зеленью“, говоритъ Монтень. Но самый главный эстетическій импульсъ даютъ стѣнные украшения школъ. Въ большинствѣ случаевъ стѣны классныхъ помѣщеній и корридоровъ или голы, или завѣшены географическими, физическими или разными таблицами. Цѣль всѣхъ этихъ стѣнныхъ украшеній иллюстрировать урокъ учителя. Конечно, противъ нагляднаго способа обученія ничего сказать нельзя, напротивъ, всякія иллюстраціи очень полезная и желательная вещь и ими широко пользуется современная школа при обученіи, но онѣ нисколько не способствуютъ эстетическому воспитанію учащихся. На ряду съ такого содержанія украшениями, необходимо украсить ихъ интернаты, классы, корридоры картинами, интересными предметами, которые, доставляя пріятныя зрительныя впечатлѣнія, были бы по своему содержанію весьма поучительными. Кромѣ картинъ, изображающихъ природу, очень цѣнны картины на сюжеты изъ семейнаго, школьнаго быта, портреты великихъ людей, писателей, художниковъ. Картины должны быть, по возможности, исполнены красками или олеографіи, такъ какъ онѣ оставляютъ больше впечатлѣнія и понятны; особенно это важно для учащихся низшей школы. Вездѣ въ школѣ должна царить педантичная чистота, опрятность и наблюдаться присутствіе много свѣта; послѣдній достигается безукоризненной чистотой оконъ и свѣтлымъ колоритомъ красокъ, въ которыя окрашены окна, двери, витрины и проч. Свѣтлый и въ добромъ порядкѣ содержимый классъ даетъ самъ по себѣ ощущеніе прекраснаго. Пріятная, ласкающая взоръ виѣщность и внутренній видъ обстановки школы благотвѣтельно будетъ отражаться на психикѣ учащихся: такая школа не будетъ производить гнетущаго, подавленнаго впечатлѣнія, напротивъ, она будетъ всегда казаться учащимся замалчивой, привлекательной, какъ и ихъ занятныя комнаты въ семьѣ.

<sup>1)</sup> М. Брауншвицъ. Цит. соч., стр. 80.

Глубоко заблуждаются тѣ, которые полагаютъ, что эстетика нераздѣльна съ роскошью и, слѣдовательно, подобная обстановка, по причинѣ дороговизны, невозможна. Они забываютъ, что эстетика можетъ ютиться въ самомъ скромномъ жилищѣ при единственномъ, по неизбѣжномъ услови, чистоты и опрятности. Пусть мебели будетъ мало, пусть она будетъ скромна и малоцѣнна, но лишь бы она содержалась исправно и стояла въ гармоническомъ порядкѣ. Достаточно нѣсколькихъ цвѣтовъ, искусственно разставленныхъ на столахъ и подоконникахъ, нѣсколькихъ содержательныхъ красивыхъ картинъ, развѣшанныхъ на стѣнахъ, хорошей классной мебели, чтобы придать скромной комнатѣ или корридору уютный и приятно-веселый видъ. Мы далеки отъ мысли подумать, что найдутся педагоги, которые скажутъ, что подобная обстановка, какую рисуетъ авторъ, будетъ мѣшать учебному дѣлу, служа для учащихся постояннымъ развлеченіемъ.

Въ цѣляхъ эстетическаго воспитанія „надо расширить, читаемъ въ указанномъ выше опредѣленіи Синода, доступъ къ полезнымъ и облагораживающимъ развлеченіямъ въ стѣнахъ самой школы, путемъ устройства вечеровъ и чтеній“. Эти развлеченія Синодъ рекомендуетъ для пріученія учащихся къ вѣжливости въ обращеніи, умѣнію держать себя въ обществѣ, корректности и джельтменству. Такой способъ воспитанія самый цѣлесообразный: на указанныхъ вечерахъ и чтеніяхъ учащіеся практически, легко и свободно могутъ усвоить и выполнять то, что имъ преподается въ теоріи воспитателями. Присутствіе ихъ учителей, родственниковъ, посторонней публики, убранство ихъ залъ, комнатъ, опрятный видъ и ихъ самихъ-активныхъ участниковъ развлеченій съ массой пріятныхъ впечатлѣній, все это будетъ благотворно дѣйствовать на учащихся; создается неволью моментъ необходимости вести себя прилично, обращаться вѣжливо, заботиться о своемъ реномѣ. Для лучшаго усвоенія правилъ приличія необходимо представлять учащимся инициативу и полную самостоятельность въ составленіи программы концертовъ и чтеній, въ распоряженіяхъ, приглашеніяхъ, угощеніи гостей, въ украшеніи своихъ комнатъ, словомъ, всю отвѣтственность за образцовый порядокъ и пріемъ гостей исключительно возложить на учащихся. Такая свобода ра-

зовъеть въ нихъ начало самодѣятельности, приучить къ осторожности, осмотрительности, приличію, умѣнью вѣжливо обращаться и вообще благородству, разовъеть также эстетическій вкусъ отъ частыхъ эстетическихъ впечатлѣній, каковой вкусъ они будутъ, затѣмъ, примѣнять при убранствѣ той обстановки, въ которой будутъ происходить послѣдующія вечера и чтенія. Конечно, такая свобода должна предоставляться не сразу, съ осмотрительностью, когда выяснится ихъ умѣнье пользоваться ею (свободой) разумно.

Указанные вечера, чтенія, помимо эстетико-образовательной цѣли, о которой нѣтъ нужды распространяться, имѣютъ ту прекрасную еще сторону въ воспитательномъ смыслѣ, что занимаютъ у учащихся весь ихъ досугъ, (то же нужно сказать и объ искусствахъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже); и тѣмъ отвлекаютъ вниманіе учащихся отъ отрицательной стороны жизни: имъ тогда некогда будетъ заниматься драками, ссорами, проявлять грубости, выкидывать всякія шалости, низости, пьянствовать и проч. Намъ думается, что психологическое объясненіе отрицательныхъ поступковъ учащихся, помимо отсутствія эстетическаго воспитанія, гарантирующаго гуманность и благородство, покоится на неумѣніи (конечно, за незнаніемъ) найти приложеніе своего досуга: здоровыя благородныя развлеченія, какъ отдыхъ послѣ упорнаго труда, имъ неизвѣстны. Быть можетъ, это—идеализація, игнорирующая явленіями атавизма, воспитанія въ семьѣ и проч., но думается, значительный процентъ отрицательныхъ поступковъ остается все же на долю неумѣнія учащихся использовать въ благородномъ смыслѣ свой досугъ. Если бы ихъ вниманіе было постоянно занято то науками, то изученіемъ искусствъ, благородныхъ ремеселъ, то благородными развлеченіями, вѣрится, отрицательнымъ фактамъ жизни учащихся не оставалось бы ни времени, ни мѣста. Личный опытъ даетъ возможность судить, насколько устраиваемыя (конечно, очень рѣдко) вечера или чтенія занимаютъ вниманіе учащихся и какъ велико значеніе такихъ развлеченій: все вниманіе учащихся безъ остатка обращено бываетъ на то, чтобы, по возможности, обставить ихъ удачно, красиво, содержательно, почему участіе въ нихъ принимаютъ всѣ, каждый неся свою посильную лепту; далѣе, они измѣняются въ своемъ поведеніи, становятся серьезными,

внимательными. Эти вечера и чтенія даютъ также возможность преподавателямъ и воспитателямъ входить въ интимную, домашнюю жизнь учащихся, такъ какъ послѣдніе въ эти моменты становятся откровенными, общительными, близкими, со своими учителями; пропадаетъ здѣсь та пропасть, грань, отдѣляющая первыхъ отъ послѣднихъ и у учащихся постепенно начинаетъ устанавливаться взглядъ на учителей своихъ, какъ на старшихъ помощниковъ, руководителей, замѣняющихъ имъ родителей и ихъ близкихъ.

Широкій доступъ къ благороднымъ развлеченіямъ нисколько не можетъ повлечь за собою скверныхъ послѣдствій, скажемъ тѣмъ, которые могутъ говорить, что учащіеся, увлекшись подобнаго рода развлеченіями, предпочтутъ послѣднія наукѣ, если привить имъ здоровый, правильный взглядъ на развлеченія, какъ на такое занятіе, которое должно занимать вниманіе учащихся въ моменты досуга. Если и возможно на первыхъ порахъ увлеченіе, какъ повинной, то постепенно, когда подобныя развлеченія будутъ обычнымъ дѣломъ, увлеченію не будетъ мѣста.

Въ связи съ этимъ стоитъ вопросъ о необходимости введенія и преподаванія въ духовной школѣ разныхъ искусствъ: музыки, пѣнія, рисованія<sup>1)</sup>, затѣмъ гимнастики и игръ<sup>2)</sup>. Это настоящая потребность современной школы, при томъ широкомъ развитіи искусства въ культурной жизни общества, какое оно занимаетъ въ настоящее время. Между тѣмъ

<sup>1)</sup> Объ этомъ трактуетъ опредѣленіе Св. Синода. См. примѣч. къ росписанію учебныхъ предметовъ, примѣнительно къ новой программѣ учебныхъ заведеній. „Церк. Вѣд.“, 1906, № 36.

<sup>2)</sup> Если мы говоримъ о гимнастикѣ, играхъ, то имѣемъ въ виду эстетическую сторону ихъ, а именно, какъ условіе изящности, граціозности, хорошей манерности. Но эстетическая цѣль—побочная, второстепенная. Главная же цѣль гимнастики, игръ и вообще спорта—физическое развитіе, воспитаніе учащихся, на которое, къ сожалѣнію, школа совершенно не обращаетъ вниманія. Теперь человекъ развивается односторонне. Все вниманіе въ школѣ и въ семьѣ обращено на развитіе умственныхъ способностей и совершенно не заботятся о физической сторонѣ воспитанія, вслѣдствіе чего учащіеся отличаются слабымъ здоровьемъ, слабы, хилы, болѣзненны. Идея гармоническаго развитія личности, представляющей собою соединеніе духа и плоти, намъ чужда: она могла родиться только у древнихъ грековъ. Свѣжестью и юностью вѣетъ отъ ихъ идеала воспитанія съ его прекраснымъ лозунгомъ: „In corpore sano-mens sana!“

положеніе искусства въ нашей школѣ незавидно, если не сказать, печальное. Помимо отсутствія оркестровъ, какъ струнныхъ, такъ и духовыхъ<sup>1)</sup>, у насъ вообще нѣтъ ни хорошихъ музыкантовъ, ни пѣвцовъ, ни художниковъ. Тѣмъ изъ учащихся, у которыхъ замѣтенъ бываетъ талантъ, судьба не покровительствуетъ въ духовной школѣ. Если въ школѣ существуетъ хоръ, то его роль оканчивается храмомъ. Наблюдается полное отсутствіе такъ называемыхъ свѣтскихъ хоровъ, поставившихъ для себя цѣлью изученіе русской народной пѣсни, которая такъ богата своей идеей, содержательностью мотивовъ, теплотой и задушевностью чувства. Я не говорю уже о живописцахъ, рисовальщикахъ и пр. Естественно, поэтому, что присутствуя иногда въ школѣ на какихъ либо актахъ, вечерахъ, собраніяхъ, пріуроченныхъ къ моментамъ выдающейся важности, часто за рѣдкость, можно слышать хорошаго музыканта, услышать прекрасный хоръ, или отдѣльнаго пѣвца, видѣть хорошую декорацію, какъ за отсутствіемъ художниковъ, такъ и вообще потому, что эстетическій вкусъ учащихся не умѣлъ, вслѣдствіе своей неразвитости, найти себѣ приложеніе.

Печальное состояніе искусства въ школѣ, гибельно отзываясь на эстетической сторонѣ воспитанія, и практически даетъ себя серьезно чувствовать. Дѣло въ томъ, что указанная искусства имѣютъ громадное значеніе въ практической жизни, особенно для питомца духовной школы, когда онъ, простившись съ послѣдней, вступить на самостоятельный путь жизни. Будетъ ли онъ пастыремъ церкви, псаломщикомъ, учителемъ, означенныя искусства, при знаніи имъ хоть одного изъ нихъ, принесутъ ему громадную пользу. Если учащійся, въ роли самостоятельнаго работника, захочетъ торжественно обставить церковную службу, путемъ хорошаго пѣнія, или благолѣпно украсить храмъ иконами, священными изображеніями, кіотами и другими украшеніями, при знаніи имъ рисованія и другихъ благородныхъ ремеслъ, то искусства ему сослужатъ прекрасную практическую службу. Свой скромный сельскій храмъ, въ которомъ пастырь проводитъ самые лучшіе моменты своей жизни, вознося предъ престоломъ молитвы за себя, семью и свою па-

<sup>1)</sup> Хотя на югѣ приходилось встрѣчать и слышать хорошіе оркестры.

ству, гдѣ онъ осуществляетъ свое призваніе, миссію, выше которой нѣтъ на землѣ, можетъ, благодаря знанію искусствъ, обставить и украсить такъ хорошо и мило, что онъ самъ, его семья, прихожане будутъ спѣвать въ храмъ, какъ такое священное мѣсто, гдѣ будутъ чувствовать себя, какъ въ небесной обители. Здѣсь они со своимъ пастыремъ будутъ отдыхать душой, молитвенно слагать свои радости и печали и будутъ окрѣпляться мужествомъ и нравственной энергіей для предстоящихъ жизненныхъ подвиговъ.

Далѣе, если воспитаннику свѣтскаго учебнаго заведенія, послѣ окончанія школы, предоставлены бываютъ въ его пользованіе всѣ плоды, результаты городской культуры, то питомца духовной школы въ большинствѣ случаевъ ждетъ деревня, гдѣ культурная жизнь въ зачаточномъ состояніи, гдѣ насадителемъ ея являются два, три человѣка; въ томъ числѣ и этотъ питомецъ духовной школы. И вотъ здѣсь то, удаленный отъ культурнаго свѣта, зная какія либо искусства, онъ, помимо доставленія себѣ благороднаго развлеченія во время досуга, можетъ и деревню привлечь къ эстетической работѣ. Мы знаемъ священниковъ, псаломщиковъ учителей сельскихъ школъ, которые устроили прекрасные хоры, давъ возможность прихожанамъ испытывать благоговѣйныя умилительныя чувства отъ хорошаго пѣнія, научили дѣтей-школьниковъ музыкѣ, пѣнію, рисованію и постарались развить въ нихъ эстетическія наклонности, организовали оркестры изъ крестьянъ, дабы дать имъ пріятное развлеченіе во время досуга. Намъ думается, такія личности (которыхъ, желательно, чтобы возможно больше было), выполняютъ самую завидную миссію облагороженія личности сѣренькаго мужика, спасая его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пьянства, грубости и др. пороковъ.

*Преподаватель Александръ Гладковъ.*

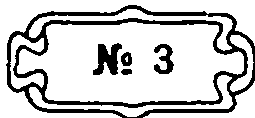
(Продолженіе будетъ).





# ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Февраля



№ 3

1910 года.

Содержаніе. 1. Письмо къ Высокопреосвященному Арсенію, Архіепіскопу Харьковскому и Ахтырскому.—Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Присоединеніе къ православію.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища объявленіе.

## I.

### **Письмо къ Высокопреосвященному Арсенію, Архіепіскопу Харьковскому и Ахтырскому.**

*Милостивый Государь  
и Архипастыр!*

Въ виду все возрастающаго интереса русскаго общества къ волнующему его финляндскому вопросу и по случаю исполнившагося столѣтія со времени завоенія Финляндіи и подписанія Фридрихсгамскаго мирнаго договора, по которому Финляндскія губерніи Королевства Шведскаго поступили „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединены“, мною изданы труды моего покойнаго отца, Гофмейстера К. Ф. Ордина, подъ заглавіемъ „К. Ф. Ординъ. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу“, высоко цѣнимые русскими учеными и печатью, вѣрными русскимъ національнымъ и государственнымъ идеаламъ.

Въ I т. собраны изслѣдованія, статьи, письма и записки по разнымъ, стоящимъ на очереди, вопросамъ. Тт. II и III содержатъ второе изданіе историческаго сочиненія „Покореніе Финляндіи“, съ картою Финляндіи, удостоеннаго Императорскою Академіею Наукъ преміи и рекомендованнаго ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ Министерства, а Августѣйшимъ Главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній для бібліотекъ сихъ заведеній. Отзывы объ изданныхъ сочиненіяхъ помѣщены мною въ предисловіяхъ къ I и II томамъ.

Предпринявъ изданіе въ цѣляхъ патріотическихъ, для распространенія важныхъ свѣдѣній о державныхъ правахъ Россіи на Фин-

ляндію, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не изволите ли Вы признать желательнымъ и полезнымъ оказать благосклонное содѣйствіе къ ознакомленію съ симъ изданіемъ подчиненныхъ Вамъ лицъ и учреждений.

Складъ изданія у меня: Б. К. Ординъ, С.-Петербургъ, Шпалерная, 34; кромѣ того изданіе продается въ книжныхъ магазинахъ Главнаго Штаба, Березовскаго, „Новаго Времени“, Вольфа и другихъ. Цѣна I т. 2 р., II и III вмѣстѣ 5 р. Берущимъ три и болѣе экземпляровъ я дѣлаю 30% уступки.

Пользуюсь случаемъ, чтобы просить Ваше Высокопреосвященство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга *Б. Ординъ.*

### **Отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.**

Совершаемый, по благословленію Святѣйшаго Синода, въ праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ сборъ на нужды православныхъ въ Іерусалимъ и Святой Земль производится на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Воззваніе о семъ сборѣ, а равно настоящія правила для его производства, печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

2. Духовная Консисторія заблаговременно доставляетъ во всѣ безъ исключенія церкви епархіи полученныя отъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества пакеты съ надписями для сборныхъ блюдовъ, воззваніями, собесѣдованіями, объявленіями и актами по сбору.

3. По полученіи въ церкви воззваній и собесѣдованій, священнослужители во внѣбогослужебныхъ бесѣдахъ и чтеніяхъ, по церквамъ и школамъ, по возможности знакомятъ своихъ прихожанъ съ значеніемъ и цѣлью настоящаго сбора, причемъ при входѣ въ церкви раздаются прихожанамъ бесплатно воззванія и пастырскія собесѣдованія, доставленныя для сего Обществомъ.

4. За недѣлю до дня сбора, къ наружнымъ входнымъ дверямъ церкви привѣшивается особое, на большомъ листѣ, воззваніе Общества о предстоящемъ сборѣ.

5. Въ дни сбора молящіяся въ храмѣ знакомятся съ значеніемъ и цѣлью сбора посредствомъ устной проповѣди или прочтенія съ амвона одного изъ пастырскихъ собесѣдованій, особо на сей случай составленныхъ.

6. Самый сборъ производится посредствомъ обхожденія съ блюдомъ во время всѣхъ богослуженій праздника Входа Господня въ Іерусалимъ (на литургіи послѣ чтенія Евангелія, а на всенощной и утрени послѣ чтенія шестопсалмія).

7. Производство этого сбора принимаетъ на себя, буде пожелаетъ, одинъ изъ священнослужителей или церковный староста, или тотъ изъ почетныхъ прихожанъ, котораго на сіе благословитъ о. настоятель.

8. О собранныхъ деньгахъ составляется актъ за подписью лицъ, указанныхъ въ § 7.

9. Собранные деньги, вмѣстѣ съ актомъ, представляются, *не позже мѣсяца со дня сбора*, чрезъ благочиннаго, въ Духовную Консисторію, которая доставляетъ ихъ въ Совѣтъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.

### Епархіальныя извѣщенія.

#### І. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Заштатный священникъ *Василій Кулишовъ* опредѣленъ 22 января на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Самотоевки, Ахтырскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ Покровской церкви, села Тецкаго, Старобѣльскаго уѣзда, *Владиміръ Оедоровскій* опредѣленъ 26 января на діаконское мѣсто при Косью-Даміановской церкви, слободы Терновой, Волчанскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Преображенской церкви, слободы Великаго-Бурлука, Волчанскаго уѣзда, *Іосифъ Заграфскій*, опредѣленъ 31 января на діаконское мѣсто при той же церкви.

г) И. д. псаломщика Архангело-Михайловской церкви, села Мурафа, Богодуховскаго уѣзда, *Феодоръ Жуковскій*, опредѣленъ 9 февраля на діаконское мѣсто при церкви села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.

д) Запасный госпитальный надзиратель *Яковъ Линникъ* опредѣленъ 23 января и. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Михайловки, Старобѣльскаго уѣзда.

е) Бывшій воспитанникъ 1 класса Духовной Семинаріи *Емельянь Домашенко* опредѣленъ 24 января и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, слоб. Ново-Росоши, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Бывшій діаконъ церкви села Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда, Алексѣй *Лукашевъ*, опредѣленъ 31 января на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, слоб. Великаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

з) Бывшій псаломщикъ Григорій *Смирнскій* опредѣленъ 3 февраля псаломщикомъ къ Соборной Покровской церкви, гор. Ахтыркѣ

і) Бывшій воспитанникъ Духовной Семинаріи Владиміръ *Ветуховъ* опредѣленъ 4 февраля на псаломщицкое мѣсто при Георгіевской церкви, слоб. Поповки, Изюмскаго уѣзда.

и) Мѣщанинъ Андрей *Цебенко* опредѣленъ 4 февраля и. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви, слоб. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда.

к) Учитель церковно-приходской школы Павелъ *Ченченко* опредѣленъ 5 февраля и. д. псаломщика къ Преображенской церкви, слободы Борокъ, Зміевского уѣзда.

л) Крестьянинъ Иванъ *Кононенко* опредѣленъ 4 февраля и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, села Протопоповки, Харьковскаго уѣзда.

м) Бывшій и. д. псаломщика Феодотъ *Еретиченко* опредѣленъ 5 февраля и. д. псаломщика къ Успенской церкви, слоб. Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда.

## 2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священники церквей: Богоявленской, села Молодоваго, Волчанскаго уѣзда, Аванасій *Бѣлоусовъ* и Николаевской, села Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, Алексѣй *Подольскій* перемѣщены, согласно ихъ прошенію, одинъ на мѣсто другого 5 февраля.

б) Діаконъ Николаевской церкви, слоб. Песокъ, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Григоровичъ*, перемѣщенъ 26 января на діаконское мѣсто при Покровской церкви, сл. Маякъ, Изюмскаго уѣзда.

в) Діаконъ Всѣхсвятской церкви, города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Воронинъ* перемѣщенъ 3 февраля на діаконское мѣсто при Троицкой церкви, того же города.

г) Псаломщики церквей: Петропавловской, слободы Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Климентовъ* и Николаевской, села Ново-Александровки, того-же уѣзда, Григорій *Сребрянскій* перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго 22 января.

д) Псаломщикъ Георгіевской церкви, слоб. Поповки, Изюмскаго уѣзда, Иванъ *Кучеренко* перемѣщенъ 28 января на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви, села Тецкаго, Старобѣльскаго уѣзда.

е) И. д. псаломщика Успенской церкви, слободы Хрущевой-Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, Александръ *Поповъ*, перемѣщенъ 28 января къ Соборной Покровской церкви, города Ахтырки.

ж) Псаломщикъ Преображенской церкви, слободы Борокъ, Зміевского уѣзда, Леонидъ *Малиженоскій* перемѣщенъ 3 февраля къ Преображенской церкви, города Бѣлополья, Сумскаго уѣзда.

з) И. д. псаломщика Васильевской церкви, села Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, Михайлъ *Наумовъ* и діаконь-псаломщикъ Тихоновской церкви, села Борщеваго, Харьковскаго уѣзда, Венедиктъ *Булдовскій* перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого 31 января.

и) Псаломщики церквей: Покровской, сл. Коломійчихи, Купянскаго уѣзда, Яковъ *Панюковъ* и Воскресенской, сл. Боголюбовки, того-же уѣзда, Сергѣй *Тетивниковъ* перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого 4 февраля.

### 3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Самогоевки, Ахтырскаго уѣзда, Петръ *Люминарскій* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 20 января.

б) Священникъ Покровской церкви, слободы Верхней Покровки, Старобѣльскаго уѣзда, Даніилъ *Ветуховъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 7 февраля.

в) Діаконь Преображенской церкви, слободы Великаго-Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Василій *Оаворовъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 31 января.

г) Діаконь Троицкой церкви, сл. Проруба, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Ковалевскій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 5 февраля.

д) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, сл. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда, Григорій *Федоровъ* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 4 февраля.

### 4. О смерти духовенства.

Псаломщикъ Преображенской церкви, города Бѣлополья, Сумскаго уѣзда, Евгеній *Ильяшенко* умеръ 25 января.

### 5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Георгіевской церкви, сл. Воробьевки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 19 января старостою кр. Трофимъ *Буденный*.

б) Къ Введенской церкви, села Студенка, Изюмского уѣзда, утвержденъ 17 января старостою крестьянинъ Евѣимъ *Ковбань*.

в) Къ Покровской церкви, сл. Новой-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 20 января старостою кр. Іосифъ *Богдановъ*.

г) Къ церкви села Червленнаго, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 22 января старостою кр. Михаилъ *Цыганъ*.

д) Къ Тихоновской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 24 января старостою крестьянинъ Гордѣй *Майборода*.

е) Къ Покровской церкви, села Василенкова, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 24 января, старостою крест. Петръ *Приходько*.

ж) Къ Николаевской церкви, сл. Голубовки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 2 февраля старостою ротмистръ Алексѣй *Величко*.

з) Къ Благовѣщенской церкви, города Валокъ, утвержденъ 30 января старостою крестьянинъ Иванъ *Гребенникъ*.

и) Къ Тихоновской церкви, села Ганусовки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 30 января старостою крестьянинъ Стефанъ *Краснянскій*.

и) Къ церкви села Яковенкова, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ старостою кр. Вонифатій *Саенко*.

к) Къ Вознесенской церкви, слоб. Великаго Бобрика, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 2 февраля старостою купецъ Сергѣй *Диковъ*.

л) Къ Николаевской церкви, слоб. Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 3 февраля старостою крестьянинъ Дмитрій *Мережка*.

м) Къ Преображенской церкви, слободы Печенѣгъ, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 9 февраля старостою кр. Василій *Ковальковъ*.

## 6. О присоединеніи къ православію.

Священникомъ Воскресенской церкви, слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, Ілією *Бондаревымъ* присоединенъ 21 ноября 1909 г. къ православію штундистъ крестьянинъ Семень *Кошлакъ*, 35 лѣтъ (что видно изъ донесенія сего священника отъ 28 января 1910 г.).

## 7. Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ Сошествіевской церкви, села Хатняго, Волчанскаго уѣзда, Василій *Зеленскій* утвержденъ 17 января въ должности законоучителя Мало-Бурлуцкаго народнаго училища, Волчанскаго у.

**8. Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.**

И. д. псаломщика Крестовоздвиженской церкви, слободы Лимана, Зміевского уѣзда, Ѳома *Мошура* утвержденъ 4 февраля въ должности псаломщика.

**9. Вакантныя мѣста:***а) Священническія:*

При Покровской церкви, сл. Верхней Покровки, Старобѣльск. у.

*б) Діаконскія:*

При Всѣхсвятской церкви, города Славянска. Изюмского уѣз.  
— Соборной Покровской церкви, гор. Богодухова.  
— Троицкой церкви, слободы Черниговки, Старобѣльскаго у.  
— Троицкой церкви, сл. Проруба, Сумскаго уѣзда.

*в) Псаломщицкія:*

При вновь устроенной Успенской ц., с. Чепиговки, Старобѣл. у.  
— Архагело-Михайловской цер., сл. Мурафы, Богодухов. у.

**Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища  
ОБЪЯВЛЕНІЕ.**

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ что лица, имѣющія держать экзамень при Правленіи Купянскаго духовнаго училища на званіе псаломщика и учителя одноклассной церковно-приходской школы, должны заблаговременно представлять въ училище самый точный адресъ своего мѣстожительства.

**Присоединеніе къ православію.**

17-го января настоящаго года священникомъ сл. Кременной, Куп. у., Митр. Смирнскимъ присоединена къ православію семья сектантовъ „ново-израильтянъ“: крестьянка слободы Кременной вдова Анна Иванова Молчанова и два ея взрослыхъ сына—Антоній и Илія Ѳомичи Молчановы.

## II.

Содержаніе. Протоіерей Василій Дмитріевичъ Разумовскій. *Н. Соловьева.*—Миссіонерскій листокъ. Открытіе миссіонерскаго кружка въ слободѣ Панъ-Ивановкѣ Харьковскаго уѣзда. *Мисс. Священ. В. А. Черкесова.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго женскаго училища.—Харьковское Іоанно-Предтеченское Общество Трезвости, что при Спасо-Преображенской церкви. Иноепархіальный отдѣлъ.—Циркулярное предложеніе Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго Правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній Могилевской епархіи. Разныя извѣстія и замѣтки.—Изъ исторіи осады Троицкой лавры. (Окончаніе).—Гибель Содомы и Гомморы, какъ историческій фактъ.—Объявленія.

## Протоіерей Дмитрій Васильевичъ Разумовскій.

(Къ 20-лѣтію со дня его кончины).

Обозрѣвая новѣйшую церковно-пѣвческую литературу, нельзя не замѣтить въ духовно-музыкальныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени двѣ характерныя черты: это, во-первыхъ, тяготѣніе къ многовѣковому наслѣдію нашихъ предковъ—церковному обиходу, во-вторыхъ, стремленіе сблизить церковный напѣвъ съ народными мотивами, придать ему національную окраску. Наше древне-русское церковное пѣніе представляетъ собою одно изъ глубочайшихъ произведеній нашего народнаго творчества. Гармонизація его на началахъ своеобразной народной музыки, съ которой оно связано узами близкаго родства, уже дала блестящіе результаты въ видѣ духовно-музыкальныхъ произведеній новѣйшихъ композиторовъ, которые мало-по-малу подходятъ къ созданію національно русской церковной музыки. Но вся эта современная художественная музыкальная литература обязана своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ археологическимъ изысканіямъ немногихъ тружениковъ, которые помогли установленію и укрѣпленію чисто русской музыкальной теоріи, представляющей изъ себя синтезъ нашей народной пѣсни и нашего древняго церковнаго напѣва.

Среди археологовъ, оказавшихъ существенныя услуги нарождающему нынѣ русскому церковно-музыкальному



искусству, безспорно самое выдающееся мѣсто занимаетъ 1-й профессоръ исторіи церковнаго пѣнія въ Московской Консерваторіи, протоіерей Димитрій Васильевичъ Разумовскій.

Протоіерей Димитрій Васильевичъ Разумовскій родился 26 октября 1818 г. въ Кіевѣ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія. Низшее, среднее и высшее образованіе получилъ въ духовной школѣ. По окончаніи курса въ 1843 г. въ Духовной Академіи, со степенью магистра богословія, Д. В. Разумовскій былъ назначенъ профессоромъ физики, математики и еврейскаго языка въ Виѣанскую духовную Семинарію. Здѣсь онъ слылъ за серьезно образованнаго и даровитаго человѣка, хорошо знакомаго съ древними языками. Въ 1850 г. Д. В. Разумовскій принялъ священство и былъ опредѣленъ настоятелемъ церкви Св. Георгія, что на Вспольѣ, въ Москвѣ. За все время своего священнослуженія этотъ замѣчательный пастырь пользовался необыкновеннымъ расположеніемъ своихъ прихожанъ. Свободное отъ пастырскихъ обязанностей время Д. В. посвящалъ наукѣ<sup>1)</sup> и, главнымъ образомъ, исторіи церковнаго пѣнія, изучалъ крюковое пѣніе, собиралъ свѣдѣнія по интересующимъ его вопросамъ въ разныхъ книгохранилищахъ,—мало того, тратилъ большія деньги на пріобрѣтеніе нужныхъ рукописей.

Чтобы не быть подавленнымъ обиліемъ матеріала при этихъ занятіяхъ, требовались—смѣлый умъ, историческое чутье, хорошее общее образованіе,—всѣми этими качествами о. Разумовскій обладалъ вполнѣ. Свидѣтели его археологическихъ изысканій поражались его удивительному умѣнью находить нужное и желаемое среди массы стараго хлама.

Какъ специалистъ по вопросамъ церковнаго пѣнія, о. Д. В. Разумовскій въ 1858 г. былъ приглашенъ въ комиссію для разсмотрѣнія и исправленія нотныхъ церковныхъ сочиненій, а въ 1863 г. онъ же выступаетъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія съ рефератомъ: „О нотныхъ безлинейныхъ рукописяхъ церковнаго пѣнія“, который былъ напечатанъ въ журналѣ общества. Этотъ превосходный трудъ, основанный на первоисточникахъ, по отзыву князя В. Ѳ.

---

<sup>1)</sup> Съ 1865 по 1871 г. въ Душопол. Читеніи печатался его трудъ: „Упомянутые въ Свящ. Писаніи деревья, растенія, овощи, горныя травы, луговныя травы и кустарники“.

Одоевскаго, долженъ служить исходнымъ пунктомъ для всякаго сколько-либо дѣльнаго сочиненія по этой части.

Въ 1866 г. о. Д. В. Разумовскій выпустилъ въ свѣтъ другое сочиненіе: „Объ основныхъ началахъ богослужбенаго пѣнія православной Греко-Россійской церкви“. Въ томъ и другомъ сочиненіи о. Разумовскій заявилъ себя серьезнымъ ученымъ и обратилъ на себя вниманіе музыкальнаго міра. Послѣ этого неудивительно, что, когда въ новооткрытой Московской Консерваторіи была учреждена кафедра исторіи церковнаго пѣнія, выборъ палъ ни на кого иного, какъ на о. Разумовскаго. И онъ вполне оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Сдѣлавшись профессоромъ Консерваторіи, о. Разумовскій съ сугубымъ рвеніемъ занялся собираніемъ историческихъ матеріаловъ по церковному пѣнію и разъясненіемъ темныхъ вопросовъ его исторіи. Въ 1867 г. онъ уже приступаетъ къ печатанію своего капитальнаго изслѣдованія „Церковное пѣніе въ Россіи“, которое его сразу выдвинуло и сдѣлало извѣстнымъ, какъ замѣчательнаго ученаго.

Результатами своихъ наблюденій о. Разумовскій часто дѣлился съ обществомъ, посредствомъ рефератовъ, читанныхъ имъ въ разныхъ обществахъ, и публичныхъ лекцій<sup>1)</sup>.

Онъ принималъ также самое дѣятельное участіе въ исправленіи богослужбныхъ нотныхъ книгъ, которыя печатались въ Синодальной типографіи (Трїоди постная и цвѣтная и учебный обиходъ), наблюдалъ за ихъ печатаніемъ, участвовалъ въ комитетѣ по разсмотрѣнію программъ церковнаго пѣнія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, редактировалъ „Кругъ древняго церковнаго пѣнія знам. распѣва“ (Изд. Императорскаго Общества древней письменности), къ которому онъ приложилъ свое изслѣдованіе о знаменномъ распѣвѣ, и въ то же время, будучи уже протоіереемъ, не переставалъ рыться въ архивахъ, собирать матеріалы и печатать изслѣдованія по избранной имъ спеціальности. Такъ въ 1868 г.

<sup>1)</sup> Такъ на археологическихъ съѣздахъ въ Москвѣ имъ были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) Музык. дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго (Труды 1-го археол. съѣзда 1869 г.). 2) Церковно-русское пѣніе. Народно-мірское пѣніе и собственно музыка (Тамъ же). 2) Какое значеніе имѣетъ гармонія Потулова для пѣнія нашей православной церкви (Труды 3-го археолог. съѣзда въ Кіевѣ. Т. 2).

имъ напечатано было интересное сочиненіе „Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки“ (Археол. Вѣстн. 1868 г.), а значительно позднѣе: „Государевы пѣвчіе діаки“ (Полярн. Звѣзда 1881 г.) и разборъ рукописнаго сочиненія З. Дурова: „Опытъ исторической музыки въ Россіи“. (Отчетъ о 27 присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1885 г.). Въ 1886 г. протоіерей Д. В. Разумовскій выпустилъ въ свѣтъ новую книгу: „Богослужебное пѣніе православно-русской церкви“, представляющее отчасти сокращеніе, а отчасти переработку, въ цѣляхъ учебныхъ, его главнаго труда: „Церковное пѣніе въ Россіи“.

Перу его принадлежать также нѣсколько духовно-музыкальныхъ произведеній.

Наконецъ, не задолго до своей смерти, послѣдовавшей 2 января 1889 г., онъ выступилъ на выставкѣ Общества поощренія трудолюбія съ публичной лекціей: „О церковномъ пѣніи“, которая была его, такъ сказать, лебединою пѣснью. Здѣсь о. Протоіерей Д. В. Разумовскій предъ многочисленной публикой подвергнулъ анализу существующіе распѣвы, указалъ на недостатки различныхъ распѣвовъ мѣстныхъ и постарался выяснитъ основы церковнаго пѣнія, при чемъ настойчиво проводилъ мысль о необходимости исполненія церковныхъ пѣснопѣній по нотнымъ книгамъ. Свою лекцію о. Протоіерей иллюстрировалъ хорovýmъ исполненіемъ цѣлаго ряда церковныхъ пѣснопѣній.

Менѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ этой лекціи, 2 января 1889 г., о. Д. В. Разумовскій скончался. вмѣстѣ съ нимъ ученый міръ лишился глубокомысленнаго и восторонняго изслѣдователя въ области исторіи и археологіи церковнаго пѣнія, а Московская Консерваторія—опытнѣйшаго преподавателя.

Такова въ краткихъ чертахъ исторія жизни и дѣятельности Протоіерея Дмитрія Васильевича Разумовскаго.

На сколько важны сочиненія его, на столько же заслуживаетъ вниманія и его практическая дѣятельность, особенно его участіе въ изданіи нотныхъ пѣвческихъ книгъ. Исправленія, сдѣланныя Д. В. Разумовскимъ въ этихъ книгахъ, на основаніи точныхъ документовъ, приближаютъ его имя, по справедливому замѣчанію Ст. В. Смоленскаго, къ славному въ исторіи русскаго церковнаго пѣнія имени старца Александра Мезенца, справщика 1667 г.

Результаты ученыхъ работъ протоіерея Д. В. Разумовскаго и ихъ значеніе для насъ будутъ очевидны, если мы остановимъ свой взоръ на томъ наслѣдіи, какое получилъ онъ отъ своихъ предшественниковъ, т. е. если посмотримъ на тѣ историческіе труды по вопросамъ православно-русскаго церковнаго пѣнія, какія существовали до Д. В. Разумовскаго.

Съ первыми попытками изложить въ системѣ нѣкоторые факты изъ исторіи церковнаго пѣнія мы встрѣчаемся еще въ концѣ XVIII столѣтія. Извѣстный духовный писатель, митроп. Евгеній (Болховитиновъ), открываетъ собою небольшой рядъ изслѣдователей нашего церковнаго пѣнія. Его сочиненіе: „Историческое разсужденіе вообще о древне-христіанскомъ богослужебномъ пѣніи и особенно о пѣніи Россійскія церкви съ нужнѣйшими примѣчаніями на оное“ содержитъ выдержки изъ лѣтописей о первоначальной исторіи нашего церковнаго пѣнія. Въмѣстѣ съ вѣрными мыслями о „неестественномъ историческомъ направленіи православно-русскаго церковнаго пѣнія и о несвойственномъ православному богослуженію характерѣ его“ митроп. Евгеній высказываетъ рядъ положеній явно невѣрныхъ<sup>1)</sup>. Музыкальныя опредѣленія, встрѣчающіяся въ другомъ сочиненіи митроп. Евгенія: „Разсужденіе о пѣніи Россійской церкви“ (Журн. М. Н. Просв. 1849 г. № 8), по справедливому замѣчанію Стасова<sup>2)</sup>, невольно заставляютъ улыбнуться всякаго, кто, сколько нибудъ знаетъ музыку<sup>3)</sup>.

Бортнянскій, болѣе другихъ современниковъ признававшій значеніе историческаго изученія нашего древне-церковнаго пѣнія, въ своемъ „Проектѣ объ отпечатаніи древняго Россійскаго крюковаго пѣнія“ настаивалъ на необходимости возстановить древне-церковное пѣніе въ подлинномъ его

<sup>1)</sup> Такъ, приведя извѣстное свидѣтельство Степенной книги о прибытіи къ намъ изъ Цареграда трехъ пѣвцовъ „отъ нихъ же нача быти въ рускѣй земли ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же трисоставное сладкогласованіе и самое красное демественное пѣніе“, онъ дѣлаетъ выводъ, что до того времени русское церковное пѣніе не имѣло еще въ себѣ музыкальной *симфонической мелодіи* (?).

<sup>2)</sup> Стасова т. III, 109 стр.

<sup>3)</sup> По его мнѣнію, система энгармоническая есть ничто иное, какъ тажеур, а хроматическая—mineur.

видѣ. Средствомъ къ этому должно служить, по его мнѣнію, изданіе образцовъ древняго Россійскаго пѣнія въ крюковой нотаци. „Тогда, по его словамъ, прекращены были бы и самовластные церковныя переправы и тогда можно было бы имѣть полный переводъ древняго церковнаго пѣнія, расположенный въ мѣрѣ, не разрушая мелодіи онаго, а сіе было бы самымъ прочнымъ основаніемъ контрапункта отечественнаго“. Къ сожалѣнію, проэктъ Боршнянскаго остался только проэктомъ.

Понятно, что безъ серьезной подготовки къ археологическимъ изысканіямъ, свѣдѣнія, какими располагали даже свѣдующіе люди касательно исторіи церковнаго пѣнія, были ограничены и часто сбивчивы.

Первыми научными экскурсами въ темную область археологіи церковнаго пѣнія можно считать сочиненія—Ундольскаго: „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи“ и Сахарова: „Ислѣдованіе въ области церковнаго пѣнія“. Сочиненіе послѣдняго представляетъ собою разныя отрывки изъ рукописей, касающіеся церковнаго пѣнія. Къ сожалѣнію, они выбраны безъ всякой системы, весьма неполны и сопровождаются комментаріями, крайне неудачными, свидѣтельствующими о недостаточномъ общемъ музыкальномъ образованіи автора<sup>4</sup>). „Замѣчанія же для исторіи церковнаго пѣнія“ Ундольскаго, хотя и не обширны, но точны и ясны, а для послѣдующаго изслѣдователя этой области многосодержательны. Историческія справки, приведенныя здѣсь, достаточно полны и безусловно вѣрны.

Авторъ русскаго національнаго гимна А. Ф. Львовъ выдвинулъ и точно формулировалъ вопросъ о свободномъ, несимметрическомъ ритмѣ церковныхъ пѣснопѣній, указавъ на ошибку тѣхъ, „которые думали привести древніе напѣвы нашей церкви въ единообразный тактъ“.

Съ легкой руки этихъ изслѣдователей и по ихъ сто-

---

<sup>4</sup>) Такъ онъ утверждаетъ, что будто въ демественномъ пѣніи были соединены греческіе напѣвы: дорическій, іоническій, фригійскій и лидійскій, что въ немъ все совершалось на основаніи строя энгармоническаго и хроматическаго.

памъ послѣдовали: Безсоновъ<sup>1)</sup>, Стасовъ<sup>2)</sup>, Рязскій<sup>3)</sup> и кн. Вл. Ѡ. Одоевскій. Особенно цѣнны труды этого послѣдняго Кн. Вл. Ѡ. Одоевскій первый изъ русскихъ музыкантовъ обратилъ вниманіе на наши древнія рукописи о церковномъ пѣніи, которыхъ до него не касалась рука почти ни одного изслѣдователя. „Наши древнія рукописи о музыкѣ, писалъ онъ, никогда не были разработаны и даже теперь еще считаются большею частью недоступными и для археологовъ, и для музыкантовъ; первыхъ останавливаютъ техническіе термины и условные знаки нашего древняго музыкальнаго искусства, вторыхъ—самое чтеніе рукописей, написанныхъ и языкомъ, и буквами, уже вышедшими изъ употребленія“<sup>4)</sup>. Цѣлью его занятій надъ этими рукописями, по его собственнымъ словамъ, было „уясненіе законовъ нашей древней музыкальной техники, какъ духовной, такъ и мірской“<sup>5)</sup>.

Князю Одоевскому принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій, посвященныхъ вопросамъ церковнаго пѣнія<sup>6)</sup>. Его многосторонняя общественная дѣятельность не дала ему возможности осуществить всѣхъ его глубокомысленныхъ плановъ въ области церковнаго пѣнія. Большая часть его работъ, разсѣянныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ,

<sup>1)</sup> Безсоновъ—а) О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ. Прав. Обзор. 1864 г.

— б) Знаменательные годы и знаменитые представители послѣднихъ 2-хъ вѣковъ въ исторіи ц. пѣнія. 1872 г.

<sup>2)</sup> Стасовъ—Замѣтки о дѣмественномъ и троестрочномъ пѣніи.

<sup>3)</sup> Рязскій—О происхожденіи русскаго церковнаго пѣнія.

Правосл. Обзор. 1866 г. т. XXI.

<sup>4)</sup> Кн. Одоевскій—Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи. 1894 г., 14 стр.

<sup>5)</sup> Тамъ-же, 23 стр.

<sup>6)</sup> Имъ написаны: а) „Къ вопросу о древне-русскомъ пѣснопѣніи“. М. 1864 г.; б) „О пѣснопѣніи въ приходскихъ церквахъ“. Историческія свѣдѣнія о нашемъ церковномъ пѣніи. Домашн. Бесѣда, 1866 г., вып. 26 и отд.; в) „Мнѣніе по вопросамъ, возбужденнымъ Министр. Народ. Просвѣщ. по дѣлу о церк. пѣніи“. М. 1866 г.; г) „Къ дѣлу о церковномъ пѣніи“. Домашн. Бесѣда. 1866 г., вып. 27—28; д) „Опыты въ предѣлахъ погласицы древне-русскихъ тетракордовъ“. 1869 г.; е) „О значеніи пѣнія, какъ образовательнаго и воспит. предмета; ж) „Хоровое пѣніе въ Исакіевск. соборѣ“. С.-Петербургскія Вѣдомости, 1858 г., № 95; з) „Рефератъ о церк. пѣніи“. Труды археол. съѣзда въ Москвѣ. М. 1871 г.

имѣеть видъ замѣтокъ; онѣ не рѣшаютъ намѣченныхъ вопросовъ во всей ихъ полнотѣ и требуютъ дальнѣйшей ихъ разработки; но мысли, въ нихъ высказанныя, всегда новы и оригинальны. „Если изслѣдованія Одоевскаго не могли дать осязательныхъ фактическихъ результатовъ въ сложныхъ вопросахъ церковнаго пѣнія, если они не могли содержать прочныхъ и неоспоримыхъ болѣе или менѣе выводовъ въ этой области, что, естественно, зависѣло отъ новости дѣла и малой разработанности его, то неоспоримая однако-же заслуга его въ томъ, что онъ сумѣлъ затронуть и освѣтить самыя существенныя стороны этого дѣла, выяснить основныя положенія и указать руководящія мысли для дальнѣйшей разработки отечественнаго древняго церковнаго пѣнія“<sup>1)</sup>

Въ то время, когда только еще зарождалась исторія церковнаго пѣнія, каждая строчка, каждый отрывокъ изъ рукописи имѣли важное значеніе въ дѣлѣ научной разработки этой исторіи. Въ этомъ отношеніи труды вышеупомянутыхъ изслѣдователей музыкальной старины, какъ бы ни были несовершенны, оказали громадную пользу для послѣдующихъ историковъ церковнаго пѣнія. Но всѣ эти сочиненія по вопросамъ церковнаго пѣнія были лишь подготовительной работой, матеріаломъ для будущаго историка.

Протоіерей Д. В. Разумовскій въ значительной мѣрѣ дополнилъ свѣдѣнія по исторіи церковнаго пѣнія, добытыя трудами его предшественниковъ, неутомимо работая въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ, и, наконецъ, приступилъ къ написанію исторіи церковнаго пѣнія, которая и явилась въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „Церковное пѣніе въ Россіи. Опытъ историко-техническаго изложенія“, М. 1867—1869. Сочиненіе это, удостоенное Археологическимъ обществомъ серебряной медали, не только объединяетъ все сдѣланное по исторіи церковнаго пѣнія предшественниками автора, но и открываетъ совершенно новые горизонты. Оно распадается на 3 отдѣла: въ 1-мъ излагается исторія богослужебнаго пѣнія древней христіанской церкви, во 2-мъ исторія одnogолоснаго пѣнія Русской Церкви и въ 3-мъ исторія многоголоснаго пѣнія. Къ третьему отдѣлу приложена азбука столповой зна-

<sup>1)</sup> Металловъ—Очеркъ исторіи правосл. церков. пѣнія въ Россіи, 127 стр.

мени съ сборникомъ ѿтниковъ и кокизъ и азбука деме-  
ственного пѣнія.

Д. В. Разумовскій извлекъ все, что можно было извлечь изъ крюковыхъ и нотныхъ богослужебно-пѣвческихъ книгъ и теоретическихъ сочиненій Александра Мезенца, Тихона Макарьевского, Николая Дилецкаго и др. Въ своей книгѣ онъ расшифровалъ цѣлый рядъ незнакомыхъ до него музыкальныхъ знаковъ, изъяснилъ мало извѣстную до него систему крюкового нотописанія, для котораго онъ изобрѣлъ даже типографскій наборъ, установилъ точное понятіе объ осмогласіи, далъ характеристику каждаго гласа, указалъ, какъ примѣнялась теорія восьми гласовъ въ томъ или другомъ распѣвѣ и раскрылъ глубокую важность изученія древнихъ ладовъ для музыки будущаго. На основаніи отрывочныхъ свѣдѣній, добытыхъ имъ изъ рукописей, Д. В. Разумовскій нарисовалъ цѣлую, полную и живую картину постепеннаго развитія нашего церковно-пѣвческаго искусства.

*Н. Соловьевъ.*

(Окончаніе будетъ).

## МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

### Открытіе миссіонерскаго кружка въ слободѣ Панъ-Ивановкѣ Харьковскаго уѣзда.

20-го августа 1909 года состоялось открытіе миссіонерскаго кружка ревнителѣй православія при церкви слободы Панъ-Ивановки. Предъ открытіемъ кружка въ помещеніи мѣстной церковной школы, куда были собраны прихожане слободы Панъ-Ивановки, помощникъ епарх. миссіонера священникъ В. Черкесовъ обратился къ народу со слѣдующей рѣчью:

„Православные русскіе люди! Св. Ап. Павелъ, прощаюсь съ Ефесскими пресвитерами, между прочимъ сказалъ имъ: „Я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою“ (Дѣян. 20 гл. 29 и 30 ст.). Также предска-



зываетъ и Ап. Петръ: „У васъ будутъ,—говорилъ онъ,—лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси... и многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи. И изъ любостыжанія будутъ уловлять васъ льстивыми словами“ (2 Петра II, 1—3). И третій Ап. Іуда писалъ: „Въ послѣднее время появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ. Это—люди, отдѣляющіе себя отъ единства вѣры“ (Іуд. I гл. 18 и 19 ст.). Мы не ошибемся, если скажемъ, что время, о которомъ пророчествовали св. Апостолы, есть наше, во всѣхъ отношеніяхъ смутное, несчастное время; ибо въ наше время появились такіе лжеучители, которые проповѣдуютъ не то, что проповѣдывали намъ Христосъ Спаситель и св. Апостолы. Мы издревле привыкли совершать общественную молитву въ храмахъ Господнихъ, молиться предъ св. иконами, почитать и призывать въ своихъ молитвахъ св. угодниковъ, почитать останки ихъ или св. мощи; а эти новые учителя отрицаютъ значеніе св. храмовъ, встаютъ противъ иконопочитанія, издѣваются надъ мощами св. угодниковъ, не признаютъ св. угодниковъ способными ходатайствовать за насъ предъ Богомъ, а потому считаютъ излишнимъ и призваніе ихъ въ своихъ молитвахъ. Мы издревле привыкли почитать св. крестъ Господень, принимать св. Таинства, любить и повиноваться пастырямъ церковнымъ, молиться и просить молитвъ церкви за усопшихъ сродниковъ своихъ, признавать Священное Преданіе за такой же источникъ вѣроученія, какъ и Свящ. Писаніе... Новые лжеучители отрицаютъ все это: отрицаютъ таинства, клеймятъ позоромъ пастырей церкви, издѣваются надъ поминовеніемъ усопшихъ, отрицаютъ всякое значеніе за Свящ. Преданіемъ и т. д. и т. д. И еретичество, или сектантство, идетъ на церковь святую широкою волною. Всколыхнулась святая Русь православная! Едва ли теперь можно найти на Руси такой блаженный уголокъ, гдѣ не было такого или иного религіознаго броженія. Въ настоящее время въ Россіи насчитывается до 60 различныхъ сектъ и до 80 раскольническихъ толковъ. Сектанты папругаютъ всѣ свои усилія, чтобы въ конецъ разрушить св. православную церковь. Болѣе 200 наемныхъ баптистическихъ миссіонеровъ непрерывно разъѣзжаютъ по Россіи, уловляя въ свои сѣти некрѣпкихъ въ вѣрѣ простенцовъ—православныхъ христіанъ.

Если же такъ, то на насъ, православныхъ христіанахъ, лежитъ долгъ точно и ясно опредѣлить, какъ же должны относиться мы къ такому прискорбному явленію. Мы должны опредѣленно выяснитъ себѣ и то, не лежатъ ли и на насъ какія-нибудь обязанности по отношенію къ отпавшимъ отъ св. вѣры православной.

Къ сожалѣнію, среди людей мірскихъ укоренился взглядъ, будто забота объ обращеніи заблуждающихся всецѣло лежитъ на обязанности однихъ пастырей церковныхъ. Нѣтъ, православные русскіе люди, нѣтъ. Такой взглядъ невѣренъ. Не на однихъ пастыряхъ церковныхъ лежитъ долгъ вразумлять заблуждающихся. Этотъ долгъ лежитъ и на васъ мірянахъ. Христосъ Спаситель не однимъ пастырямъ, а и всѣмъ вообще христіанамъ далъ такую заповѣдь: „сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 12—13). А можетъ ли равнодушно смотрѣть на заблужденіе ближняго человѣка христіанинъ, если онъ любитъ его? Потому въ другомъ мѣстѣ Спаситель и говоритъ, что кто самъ „сотворитъ“, т. е. исполнитъ, Его заповѣди и будетъ жить по вѣрѣ Его, да еще „научитъ“ ближняго своего, особенно, значитъ, заблуждающагося въ вѣрѣ, тотъ не просто войдетъ въ царство небесное, а „великимъ наречется“ тамъ (Мѣ. V, 19). Въ 18-й главѣ отъ Матѳея, Спаситель даетъ и подробное наставленіе, какъ именно долженъ христіанинъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. „Если,—говоритъ Онъ,—согрѣшитъ братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ“, не говори, что это-де не мое дѣло, это дѣло пастырей церковныхъ. „Если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ... Если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Матѳ. XVIII, 15—17). Такъ учатъ и св. апостолы. Ап. Іаковъ говоритъ: „Братія, если кто изъ васъ уклонится отъ истины, и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу (его) отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“ (Іак. V, 19—20). Ап. Петръ учитъ: „Такова есть воля Божія, чтобъ мы, дѣлая добро, зображдали уста невѣжеству безумныхъ людей“ (Петр. 11, 15). Галатамъ Ап. Павелъ пишетъ: „Бра-

тія! если впадаетъ человѣкъ въ какое согрѣшеніе, вы духовные (т. е. живущіе по духу вѣры Христовой) исправляйте такового въ духѣ кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушеннымъ. Носите бремена другъ друга, и такимъ образомъ исполните законъ Христовъ“ (Гал. VI, 1—2). Въ посланіи къ Филлипійцамъ онъ пишетъ: Не о себѣ только каждый заботься, но каждый и о другихъ“ (11, 4). А въ первомъ посланіи къ Тимоѳею пишетъ даже такъ: „Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (Тим. V, 8). Такъ учатъ и св. отцы церкви. „Обратившій хоть одну душу—увѣряетъ св. Златоустъ—угождаетъ Богу несравненно болѣе, чѣмъ тотъ, кто роздалъ бы все свое имущество бѣднымъ“ (бес. 3 на Быт.; ср. Гал. V, 13, Іоан. III, 18 и пр.). „Проповѣданіе истины другимъ больше молитвы“, говоритъ св. Двоесловъ. „Обратить грѣшника на покаяніе большее чудо, чѣмъ воскресить мертвеца: воскресшій опять умереть, возставшая же изъ грѣха душа жива будетъ во вѣки“ (Прологъ, 29 февр.).

Какими же средствами міряне могутъ исполнять свой долгъ—помогать пастырямъ церкви въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихся? Средствъ этихъ имѣется много: а) Приобрѣтайте, православные русскіе люди, не однѣ свѣтскія книги, а приобрѣтайте побольше душеспасительныхъ книгъ, приобрѣтайте книги и листки противосектантскаго содержанія и старайтесь распространять ихъ среди заблуждающихся въ вѣрѣ, и вы будете оказывать великую помощь пастырямъ церкви въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихся; б) Пастыри церкви—люди не всевѣдущіе, и потому они не въ состояніи знать, что совершается въ каждомъ домѣ обширныхъ паствъ ихъ. Оказывайте, православные русскіе люди, оказывайте имъ въ этомъ свое содѣйствіе. Какъ только замѣтишь религіозное колебаніе твоего сосѣда или знакомаго—(а тѣмъ болѣе, конечно, кого-либо изъ твоихъ домашнихъ),—поспѣши сообщить объ этомъ пастырю церкви. Болѣзнь легче лечить въ началѣ ея. А потомъ сообщай пастырю и обо всемъ томъ, что (въ большинствѣ случаевъ тайно) дѣлаютъ въ приходахъ сектанты и ихъ проповѣдники и миссіонеры; весьма важно принимать своевременно мѣры противъ сектантской пропаганды. Наконецъ, в) объединяйтесь, православные русскіе люди, въ миссіонерскіе кружки „ревнителей

православія“. Опытъ нашей Харьковской епархіи показываетъ, что эти кружки могутъ сослужить православію великую пользу.

Благочестивые прихожане! Энергичный и добрый пастырь вашъ, идя на встрѣчу желанія Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря нашего, въ настоящій день приглашаетъ и васъ вступить въ число членовъ открываемаго здѣсь миссіонерскаго кружка. Смѣлѣй же вступайте, дорогіе братіе и сестры, въ число членовъ этого кружка. Ополчайтесь, ополчайтесь скорѣй на защиту св. церкви и богопреданной православной вѣры Христовой! Дѣло это—великое, святое, богоугодное. И я увѣренъ, что подъ руководствомъ такого энергичнаго пастыря, какъ вашъ о. Димитрій Дорофеевичъ<sup>1)</sup>, сектантство будетъ обезсилено вами навсегда. Но заботясь объ обращеніи заблудшихъ, не забывайте и о себѣ самихъ. Дорожите св. правосл. вѣрой, какъ величайшимъ сокровищемъ, внѣ котораго невозможно получить вѣчнаго спасенія. И я въ заключеніе настоящей моей рѣчи не могу ничего лучшаго сказать вамъ, какъ привести слова первоверховнаго ап. Петра, который говоритъ: „и такъ, вы, возлюбленные, будучи предварены о семъ, берегитесь, чтобы вамъ не увлечься заблужденіемъ беззаконниковъ и не отпасть отъ своего утвержденія, но возрастайте въ благодати и познаніи Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа. Ему слава и нынѣ и въ день вѣчный!“ Аминь.

Со вниманіемъ выслушали Панъ-Ивановцы рѣчь миссіонера и одинъ за другимъ стали изъяснять желаніе вступить въ члены миссіонерскаго кружка.

Того же числа въ томъ же собраніи состоялось собесѣдованіе съ сектантами о церкви Христовой. Со стороны

<sup>1)</sup> Свящ. о. Д. Д. Сукачевъ проявляетъ большую ревность въ дѣлахъ пастырскихъ. Его заботами въ Панъ-Ивановкѣ построено прекрасное зданіе церковноприх. школы, отремонтированъ мѣстный храмъ, построены хорошіе дома для священника и псаломщика, реставрирована могила украинскаго философа Сковороды и мн. друг. О. Сукачевъ ведетъ религіознонрав. чтенья съ туманными картинками, совершаетъ всеобщія бдѣнія въ школахъ Панъ-Ивановки и Клиновой, ведетъ живую бесѣду съ прихожанами по праздникамъ послѣ утрени, часто бесѣдуетъ съ мѣстными сектантами, вслѣдствіе чего пользуется рѣдкою любовью и привязанностью своихъ прихожанъ.

сектантовъ выступалъ Т. Т. Гоцкало. Разбитый по всѣмъ пунктамъ своего лжеученія, Гоцкало послѣ бесѣды въ 2 часа ночи пришелъ въ домъ свящ. о. Д. Д. Сукачева и заявилъ, въ присутствіи трехъ священниковъ, о своемъ полномъ желаніи возсоединиться съ православной церковью.

Событіе это произвело отрадное впечатлѣніе на жителей Панъ-Ивановки.

*Мисс. свящ. В. А. Чересовъ.*

## ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

### Архіерейскія Богослуженія.

*Январь.* 30-го, въ день памяти 3-хъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, Преосвященный Василій Епископъ Сумскій совершилъ литургію въ домово́й церкви Харьковской 3-й мужской гимназіи по случаю ея храмоваго праздника. Въ служеніи этомъ участвовали: ключарь кафедральнаго собора протоіерей І. Гончаревскій, протоіерей Крестовоздвиженской церкви о. Николай Любарскій и законоучители: о. Петръ Кушталовъ и о. Владиміръ Шаповаловъ. Пѣль хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, а нѣкоторыя пѣснопѣнія на лѣвомъ клиросѣ были исполнены учениками гимназіи. На богослуженіи присутствовали: г. Харьковскій губернаторъ, управляющій учебнымъ округомъ, почетные гости, учебный персоналъ гимназіи, воспитанники гимназіи и много молящихся, преимущественно родители учащихся. Въ концѣ литургіи Его Преосвященство сказалъ слово о воспитательныхъ задачахъ гимназіи, о значеніи храма въ воспитаніи учащихся и о великихъ примѣрахъ для воспитанія, представляющихся въ жизни и дѣятельности Трехъ Святителей. Затѣмъ была пропѣта литія по недавно скончавшемся директорѣ гимназіи Г. М. Холодномъ. Послѣ литургіи былъ отолуженъ молебенъ Трехъ Святителямъ съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій, послѣ чего всѣ, бывшіе въ храмѣ, подходили ко кресту. Послѣ богослуженія Его Преосвященство, сослужащіе и гости были приглашены на завтракъ, устроенный родительскимъ комитетомъ гимназіи.

— 31-го, въ воскресенье, Преосвященный Василій Епископъ Сумскій совершилъ литургію въ церкви Харьковской губернской

тюрмы въ сослуженіи: ключаря кафедральнаго собора протоіерея Іоанна Гончаревскаго, благочиннаго священника о. Петра Вишнякова, священника тюремной церкви о. Теодора Кіаницына и священника церкви исправительнаго отдѣленія, о. Іоанна Толмачева. На богослуженіи присутствовали: Харьковскій вице-губернаторъ, прокуроръ Судебной Палаты, прокуроръ Окружнаго Суда, тюремный инспекторъ, служащіе при тюрьмѣ и изъ семейства, а также заключенные—мужчины и женщины. Въ концѣ литургіи Его Преосвященствомъ было сказано слово. По окончаніи литургіи всѣ бывшіе въ церкви, а также и заключенные подходили ко кресту. Послѣ всѣхъ подошли женщины, находящіяся подѣ судомъ по обвиненію въ принадлежности къ скопческой сектѣ; имъ Его Преосвященство предложилъ особое слово, въ которомъ далъ объясненіе объ истинномъ служеніи Богу и о ложности тѣхъ средствъ, которыми скопцы надѣются угодить Богу. Послѣ богослуженія Его Преосвященство служившіе и начальствующіе лица были приглашены къ завтраку.

*Февраль.* 1-го, наканунѣ Срѣтенія Господня, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ всенощную въ Крестовой церкви, а Преосвященный Епископъ Василій—въ кафедральномъ соборѣ.

— 2-го, въ день Срѣтенія Господня, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи: о.о. архимандритовъ—Іосифа и Аванасія, кафедральнаго протоіерея о. Стефана Любичкаго, настоятеля Кушанскаго собора о. Іоанна Левандовскаго, ключаря протоіерея Іоанна Гончаревскаго и соборнаго священника о. Леонида Твердохлѣбова. Послѣ причастиаго стиха была произнесена проповѣдь священникомъ о. Даниломъ Поповымъ.

Въ этотъ день, равно какъ и наканунѣ, въ соборѣ наблюдалось особенное множество молящихся. Предъ выходомъ изъ церкви Владыка благословилъ всѣхъ находившихся въ храмѣ.

Преосвященный Епископъ Василій въ этотъ день служилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 6-го, въ субботу, въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ совершалось празднованіе въ честь Елецкой иконы Божіей Матери. Наканунѣ всенощное бдѣніе совершалъ Преосвященный Василій, Епископъ Сумскій. На поліелеѣ чудотворная Елецкая икона была перенесена на средину храма и послѣ величанія Его Преосвященствомъ былъ прочитанъ акаѣистъ Божіей Матери. На слѣдующій день Преосвященный Епископъ Василій совершилъ въ кафедраль-

номъ соборѣ литургію въ сослуженіи соборнаго духовенства. За литургіей протоіереемъ о. Григоріемъ Виноградовымъ была произнесена проповѣдь. Послѣ литургіи Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ предъ Елецкою иконою молебенъ Божіей Матери въ сослуженіи Преосвященнаго Василя и соборнаго духовенства. На всенощной и на литургіи было очень много молящихся.

7-го, въ воскресенье, Преосвященный Епископъ Василій совершалъ литургію въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго духовенства.

Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ этотъ день совершилъ освященіе вновь открытаго въ г. Харьковѣ, на Конюшной улицѣ, вблизи Сабуровой дачи, пріюта для сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей „Общества братской дружины“. Во временное помѣщеніе этого пріюта къ его открытію собралось много членовъ общества и почетныхъ гостей. Были г. Харьковскій губернаторъ съ супругою, вице-губернаторъ, прокуроръ Судебной Палаты, прокуроръ Окружнаго Суда, командиръ 10-го армейскаго корпуса и много др. Въ 1 часъ дня прибылъ Его Высокопреосвященство и, въ сослуженіи четырехъ протоіереевъ и священниковъ, отслужилъ предъ чудотворнымъ Озерянскимъ образомъ молебенъ Божіей Матери и чинъ малаго освященія воды, послѣ чего ключаремъ кафедральнаго собора были окроплены св. водою помѣщенія пріюта. Богослуженіе окончилось провозглашеніемъ многолѣтій Государю Императору, Св. Синоду и епархіальному Преосвященному и учредителямъ пріюта. Въ заключеніе Владыка обратился къ учредителямъ пріюта и, указавъ на важное значеніе открываемаго, истинно богоугоднаго заведенія, благословилъ иконою Божіей Матери. Послѣ этого призрѣваемые дѣти и всѣ присутствовавшіе приложились къ Озерянскому образу.

— 9-го, во вторникъ, состоялось въ Усѣкновенской кладбищенской церкви отпѣваніе почившаго 8-го февраля епархіальнаго миссіонера священника о. Василя Черкесова. Заупокойную литургію совершалъ протоіерей о. Іоаннъ Знаменскій соборне съ протоіереемъ о. Іоанномъ Левитскимъ и священникомъ о. Теодоромъ Сулимою. Отпѣваніе совершалъ Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи 18-ти протоіереевъ и священниковъ. Въ концѣ отпѣванія, послѣ разрѣшительной молитвы, Его Преосвященство сказалъ весьма теплое слово о скончавшемся. Затѣмъ гробъ былъ поднятъ священнослужителями, и Преосвященный Василій проводилъ тѣло до могилы и предалъ землѣ.

Съ большою грустью разошлись участвовавшіе въ погребеніи

отъ свѣжей могилы, сокрывшей еще молодого, способнаго и энергичнаго іерея-миссіонера, едва начавшаго свою дѣятельность и многообѣщавшаго, но такъ быстро и неожиданно подкошеннаго жестокою болѣзнію (пятнистымъ тифомъ).

Прот. *І. Гончаревскій.*

**Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи.**

30 сего января Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній, изволилъ посѣтить Харьковскую Духовную Семинарію. Прибывъ въ семинарію въ началѣ 10 часа утра (во время 2-го урока), Владыка былъ встрѣченъ ректоромъ семинаріи протоіереемъ А. Юшковымъ и инспекторомъ семинаріи Н. Н. Страховымъ. Преподавъ встрѣтившимъ благословеніе, Владыка заявилъ, что онъ желаетъ посѣтить всѣ классы. Въ продолженіе трехъ съ половиною часовъ Его Высокопреосвященство побывалъ во всѣхъ классахъ: въ 1 норм. кл. (урокъ алгебры), въ 5 классѣ (урокъ исторіи и обличенія раскола), въ 4 норм. кл. (урокъ космографіи), въ 4 парал. кл. (урокъ философіи), въ 3 парал. кл. (урокъ франц. яз.), во 2 парал. классѣ (урокъ Свящ. Писанія), во 2 норм. кл. (урокъ гражд. исторіи), въ 1 парал. кл. (урокъ алгебры), въ 6 классѣ (урокъ Свящ. Писанія) и въ 3 норм. кл. (урокъ исторіи литературы). Вездѣ Владыка слушалъ отвѣты учениковъ, а въ нѣкоторыхъ классахъ и объясненія преподавателей, причемъ самъ предлагалъ вопросы и дѣлалъ свои замѣчанія.

На урокъ космографіи Его Высокопреосвященство, предложивши ученику вопросъ о цѣли преподаванія этого предмета въ семинаріи, между прочимъ выразилъ пожеланіе, чтобы наука эта преподавалась въ строго христіанскомъ духѣ, такъ какъ изученіе величественнаго и необъятнаго неба и его свѣтилъ является лучшимъ средствомъ къ возбужденію и укрѣпленію вѣры во Всемогущаго и Премудраго Творца вселенной. Въ 6-мъ классѣ Владыка довольно долго отечески бесѣдовалъ съ воспитанниками по поводу текущихъ событій въ жизни духовно-учебныхъ заведеній, указавъ имъ, что они, какъ старшіе и болѣе зрѣлые, должны быть первыми помощниками начальствующихъ лицъ въ дѣлѣ благотворнаго вліянія на младшихъ своихъ товарищей. „Печальныя послѣдствія бывшихъ недавно неурядковъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ у насъ на лицо: много воспитанниковъ уволено изъ семинарій и такимъ образомъ



лишено возможности продолжать свое образованіе. Несомнѣнно, большинство этихъ уволенныхъ въ будущемъ должны влечить самую жалкую и тяжелую жизнь. Не говоримъ уже о томъ глубокомъ горѣ, которое причиняется этимъ ихъ родителямъ... Вы, заканчивающіе богословское образованіе, должны болѣе другихъ понимать и чувствовать всю неумѣстность и великій вредъ всякихъ волненій въ учебныхъ заведеніяхъ, а потому обязаны сдерживающе дѣйствовать и на другихъ". Затѣмъ Владыка коснулся и будущей дѣятельности оканчивающихъ курсъ, отмѣтивши съ сожалѣніемъ, что изъ предыдущаго курса немногіе приняли священство. Между прочимъ Владыка указалъ на то, что рѣшившіе поступить на служеніе Церкви въ духовномъ санѣ не должны далеко откладывать осуществленія своего рѣшенія: тотъ, кто медлитъ принятіемъ священства, какъ бы ожидая особаго призванія къ этому, этимъ самымъ показываетъ только свою нерѣшительность и колебаніе и едва-ли когда будетъ служителемъ алтаря.

Посѣтивши всѣ классы, Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ семинарскій храмъ, а затѣмъ въ фундаментальную бібліотеку. Здѣсь, между прочимъ, Владыка подробно осмотрѣлъ хранящіяся тамъ портреты бывшихъ Бѣлгородскихъ владыкъ (а въ числѣ ихъ и портретъ преосвященнаго Іосафа Горленко) и указалъ на необходимость обновить портретъ, а главнымъ образомъ, рамки, пришедшія въ вѣтхость.

Затѣмъ, откушавъ чаю въ квартирѣ ректора, Его Высокопреосвященство въ часъ дня, при колокольномъ звонѣ, отбылъ изъ семинаріи.

**Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго Женскаго Училища.**

4-го сего феврала мѣсяца, въ четвергъ, Епархіальное Женское Училище изволило посѣтить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Прибывъ въ Училище въ 9 ч. утра, когда начинался 1-й урокъ, Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ Начальницей Училища, Е. Н. Гейцыгъ, инспекторомъ классовъ, протоіереемъ Іоанномъ Котовымъ, и направился по классамъ. Во время 1-го, 2-го, 3-го и 4-го уроковъ Владыка посѣтилъ всѣ 13 классовъ Училища и въ каждомъ классѣ подробно интересовался изучаемыми предметами, слушалъ объясненія наставниковъ и отвѣты воспитанницъ и предлагалъ вопросы

по изучаемымъ предметамъ и проходимымъ по нимъ отдѣламъ. Въ 4 классѣ 1 отд. Владыка предложилъ воспитанницамъ прочитать покаянный псаломъ „Помилуй мя, Боже“, и слушалъ на урокъ пѣнія „Задостойникъ“ праздника Срѣтенія Господня и положенные къ нему припѣвы изъ мѣнеи мѣсячной.

Въ 1-мъ классѣ Владыка слушалъ отвѣты воспитанницъ по русскому языку изъ грамматики „о мѣстоименіяхъ“, предложилъ воспитанницамъ перечислить мѣстоименія, написать нѣкоторыя изъ нихъ на классной доскѣ, чтобы удостовѣриться въ правописаніи ихъ. Въ 5 кл. 1-мъ отд. Владыка спрашивалъ воспитанницъ изъ урока по гражданской исторіи среднихъ вѣковъ о томъ, когда изобрѣтено было книгопечатаніе, какъ раньше печатали, какіе извѣстны были способы письма, кто изобрѣлъ славянскую азбуку, какое отличіе „кириллицы“ отъ „глаголицы“ и проч. Въ 5-мъ классѣ 2-мъ отдѣленія на урокъ по церковной исторіи „о благовѣстническихъ трудахъ Св. Апостоловъ“ Высокопреосвященный предлагалъ воспитанницамъ вопросы о св. Апостолахъ, гдѣ они проповѣдывали, что написали, какой отличительный характеръ cadaго Евангелія, какія извѣстны посланія св. Апостоловъ, о чемъ повѣствуетъ книга „Дѣяній св. Апостоль“. Въ 3 кл. 1 отд. Его Высокопреосвященство спрашивалъ воспитанницъ изъ богослуженія объ особенностяхъ литургіи св. Василія Великаго въ сравненіи съ литургіей св. Іоанна Златоуста и въ какіе дни она совершается. Здѣсь также Владыка предлагалъ прочитать „Помилуй мя, Боже“. Въ 4-мъ классѣ 2 отд. на урокъ теоріи словесности о „балладѣ“, какъ особомъ видѣ эпической поэзіи, Владыка слушалъ чтеніе наизусть воспитанницами нѣкоторыхъ балладъ, какъ „Воздушный корабль“ Лермонтова, „Утопленникъ“ Пушкина, „Свѣтлана“ Жуковскаго, а также содержаніе повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“, романа „Евгеній Онегинъ“ и спрашивалъ, какая мысль приводится въ каждомъ изъ этихъ произведеній, что есть фантастическаго въ каждомъ произведеніи и что есть дѣйствительнаго, историческаго. Въ 1-мъ классѣ 2 отд. на урокъ церковнаго пѣнія Владыка слушалъ пѣніе воспитанницами тропари Срѣтенія „Радуйся благодатная, Богородице Дѣво“, а также интересовался, какія воспитанницы поютъ духовныя пѣсни и свѣтскія. Во 2-мъ классѣ 1 отд., на урокъ русскаго языка Его Высокопреосвященство интересовался занятіями воспитанницъ по русской грамматикѣ, смотрѣлъ нѣкоторыя тетради ихъ, провѣрочныя работы, обращалъ вниманіе на написанныя на доскѣ нѣкоторыя предложенія изъ грамматики и самъ предлагалъ воспитанницамъ писать на клас-

снѡй доскѣ нѣкоторыя фразы. Въ 6-мъ классѣ 1-мъ отд. и въ 6-мъ классѣ 2-мъ отд., гдѣ шелъ урокъ по дидактикѣ „о методахъ обученія въ начальной школѣ“, Его Высокопреосвященство слушалъ объясненіе наставника по этому предмету, а также спрашивалъ, какіе существуютъ методы и формы обученія, и когда воспитанницы давали отвѣты. что изъ таковыхъ извѣстны акроаматическая (излагательная, повѣствовательная), катехизическая (вопросительная, разговорная), концентрическая, Владыка спрашивалъ, какая наиболѣе примѣнима въ начальной школѣ и какъ лучше поступать учителю: сначала спрашивать или объяснять. Когда воспитанницы отвѣтили, что сначала преподавателю лучше спрашивать, потомъ объяснять, Владыка съ этимъ согласился. Во 2-мъ пар. классѣ Его Высокопреосвященство предлагалъ воспитанницамъ изъ свящ. исторіи Нов. Завѣта рассказать послѣдовательно ходъ суда надъ І. Христомъ у первосвященниковъ Анны, Каіафы и у Пилата и о времени страданій и смерти І. Христа. Въ 7-мъ классѣ, въ которомъ шелъ урокъ по педагогической психологіи „о чувстваваніяхъ“, Владыка слушалъ отвѣты воспитанницъ по этому предмету и объясненіе наставника, самъ предлагалъ нѣкоторые вопросы по сему предмету и интересовался также тѣмъ, какіе еще предметы воспитанницы изучаютъ въ 7-мъ дополнительномъ классѣ. Послѣ сего Его Высокопреосвященство заходилъ въ физическій кабинетъ, гдѣ ему были показаны нѣкоторые вновь пріобрѣтенные предметы по естествовѣдѣнію и гигиенѣ—скелеть челоуѣка, сердце, печень, почки, глазъ.

Посѣтивши всѣ 13-ть классовъ Училища и преподавъ благословеніе воспитанницамъ, а равно и сопровождавшимъ его лицамъ, Владыка въ 1 ч. 15 м., когда оканчивался 4-й урокъ, изволилъ отбыть изъ Училища.

Инспекторъ классовъ, *протоіерей Іоаннъ Котовъ.*

Харьковское Іоанно-Предтеченское Общество трезвости, что при Спасо-Преображенской церкви (на Москалевкѣ).

9 ноября 1903 года при Харьковской Спасо-Преображенской церкви, съ благословенія Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, было открыто Іоанно-Предтеченское Общество трезвости, которое и нынѣ съ успѣхомъ развиваетъ свою дѣятельность въ приходѣ и Москалевской части города. Общество это носитъ церковно-приходскій характеръ. Своею задачею оно имѣетъ бороться съ пьянствомъ, отучать своихъ членовъ отъ этой губительной страсти и пріучать ихъ

къ совершенной трезвости, распространять начала трезвости въ окружающей средѣ и вмѣстѣ съ этимъ оказывать матеріальную поддержку своимъ нуждающимся членамъ. Способами для достиженія этой цѣли служатъ: частое говѣніе и исповѣдь и усердное участіе въ богослуженіяхъ, а особенно въ молебнахъ о трезвости, молитвенные обѣты въ храмѣ, сопровождаемые подписками трезвенниковъ, каждодневное чтеніе Евангелія, взаимное дружеское наблюденіе другъ за другомъ, бібліотека и читальня трезвости, каждовоскресныя собранія для Евангельской бесѣды, общаго пѣнія молитвъ, обученія грамотѣ и т. п., организація общедоступныхъ чтеній о трезвости, паломничества и др. мѣры. Въ члены Общества вступаютъ православные, добровольно изъявившіе желаніе совершенной трезвости лица обоего пола не моложе 17 лѣтъ. Дѣйствительными членами считаются всѣ вносящіе членскій взносъ 1 р. 20 к. въ годъ. Пріемъ и вступленіе членовъ совершаются въ первый воскресный день каждаго мѣсяца послѣ общаго молебна трезвенниковъ прор. Іоанну Предтечѣ и св. мучен. Вонифатію съ акаѳистомъ и водосвященіемъ. Въ концѣ молебна вступающій съ горящею свѣчою въ присутствіи священника и трезвенниковъ даетъ обѣтъ совершенной, безусловной трезвости на срокъ не менѣе 1 года, каковой обѣтъ заключаетъ цѣлованіемъ св. иконъ и вписываетъ свое имя въ книгу трезвенниковъ. Къ этому вступленію трезвенники должны готовиться говѣніемъ и причастіемъ Св. Таинъ. Вступившій получаетъ въ залогъ его обѣта св. икону, Евангеліе и правила поведенія трезвенника. Общество состоитъ подъ покровительствомъ Архіепископа Харьковскаго, имѣетъ свой уставъ, утвержденный епархіальнымъ начальствомъ, и управляется своимъ совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ настоятеля церкви.

Каждый членъ общества во все время зорока долженъ хранить безусловную трезвость, не нарушая своего обѣщанія никакими предложениями, напр., изнеможенія, нездоровья, крестинъ, свадебъ, именинъ, поминъ, могорыча и т. п. Запрещается пить все хмѣльное: водку, вина, медовый квасъ, пиво и брагу. Трезвенникъ обязанъ постоянно поучаться изъ св. Евангелія, во всѣхъ смущеніяхъ и затрудненіяхъ немедленно обращаться къ духовнику и покорить ему волю свою, долженъ всемѣрно помогать сочленамъ въ нуждѣ деньгами, совѣтомъ и всѣмъ, чѣмъ можетъ. Трезвенникъ долженъ воздержаться отъ божбы, клятвы, проклятій, сквернословія и чернаго слова, отъ дружбы и товарищества съ людьми пьянственными, въ своей же семьѣ долженъ стараться, чтобы никто не пилъ, а своихъ помѣщеній не отдавать

въ наемъ подъ трактиры и нивныя. Въ основѣ организація этого общества трезвости лежитъ убѣжденіе, что алкоголь—отрава и что безвольныхъ алкоголиковъ надобно лечить радикально совершенной трезвостію подъ водительствомъ св. церкви.

Іоанно-Предтеченское Общество трезвости имѣетъ свое помѣщеніе въ зданіи церковно-приходской школы при Спасо-Преображенской церкви, настоятель коей протоіерей Петръ Өомины, инициаторъ и учредитель сего Общества—въ то же время и предсѣдатель общества, руководящій его жизнью во всѣхъ подробностяхъ. Помощникомъ предсѣдателя состоитъ священникъ о. Моисей Петровъ. Число членовъ общества съ каждымъ годомъ увеличивается вслѣдствіе пропаганды идей трезвости самыми трезвенниками, а главнымъ образомъ благодаря церковной богослужебной и внѣбогослужебной проповѣди, а также и путемъ печати въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ.

При открытіи Общества, членовъ было 93 чел., въ настоящее же время 437 чел. обоюго пола, проживающихъ въ г. Харьковѣ, и 381 чел. живутъ внѣ города. По преимуществу состоятъ членами его—рабочіе, цеховые и торговые служащіе. Но въ числѣ членовъ его имѣются 7 человекъ духовнаго званія, 1 врачъ, 18 купцовъ и 4 студента. Общество въ своемъ помѣщеніи имѣетъ солидную бібліотеку для назидательнаго чтенія трезвенниковъ, состоящую изъ 541 книгъ, изъ коей книги выдаются и на домъ подъ небольшой залогъ. Выписываются для бесплатной читальни въ обществѣ мѣстные газеты и журналы: „Вѣстякъ трезвости“, „Трезвая жизнь“ и „Трезвые всходы“. Въ помѣщеніи Общества имѣется бюро для сообщенія разнаго рода справокъ и свѣдѣній, а равно и для веденія отчетности по дѣламъ Общества. Въ залѣ общахъ собраній Общества сооруженъ прекрасный кіотъ съ св. иконами покровителей общества. Общество имѣетъ свои двѣ металлическія хоругви для ношенія ихъ трезвенниками въ городскихъ крестныхъ ходахъ. Осуществляя свою прямую задачу, Общество оказываетъ своимъ членамъ и значительную матеріальную помощь. Такъ, за годы своего существованія изъ средствъ его выдано: въ пособіе бѣднѣйшимъ членамъ 251 р., на погребеніе бѣдныхъ 84 р., на военныя нужды въ 1905 г.—78 р. и на голодающихъ—50 руб.

Трезвенники духовно объединяются около своего храма и настоятеля. Каждый воскресный день въ 5 часовъ вечера они собираются на торжественныя вечерни, въ коихъ участвуютъ въ общемъ пѣніи своимъ прекрасно-организованнымъ хоромъ, а послѣ вечерни въ помѣщеніи церковно-приходской школы, гдѣ предлагаются имъ

религіозно-нравственныя бесѣды и чтенія. Каждое воскресенье съ 3-хъ часовъ дня предлагаются чтенія съ туманными картинами. Здѣсь же въ помѣщеніи съ 2-хъ часовъ дня дѣйствуетъ бібліотека и читальня, а въ особой комнатѣ чайная, оборудованная вполне на средства общества.

Послѣ общихъ собраній вечеромъ составляются не менѣе одного раза въ мѣсяць засѣданія Совѣта Общества. Въ составѣ, сего послѣдняго нынѣ служатъ по выбору общаго собранія члены Совѣта: І. Е. Лонтратовъ (онъ же казначей), И. В. Голобоковъ, В. И. Рюминъ и А. И. Стрѣльниковъ. Самою серьезною и насущною работою Общества въ настоящее время служитъ пріисканіе для себя собственнаго помѣщенія въ виду расширенія своей дѣятельности, а также и забота о своемъ отдѣльномъ печатномъ органѣ.

Предсѣдатель Общества протоіерей П. Доминъ.

## Иноепархіальный отдѣлъ.

Циркулярное предложеніе Епископа Могилевскаго и Мстиславскаго правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній Могилевской епархіи.

Какъ личныя мои наблюденія, такъ и имѣющіяся у меня свѣдѣнія касательно положенія церковно-пѣвческаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Могилевской епархіи показали мнѣ, что оно находится въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе у учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи любви къ общему пѣнію и навыка въ немъ, а также любви и навыка къ собственно церковно-гласовому и обиходному пѣнію. Во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ поющими являются обычно только небольшія группы избранныхъ пѣвцовъ, коими комплектуются училищныя и семинарскія хоры (клиросы). Вниманіе начальствъ сихъ заведеній больше всего обращено на церковно-училищныя хоры—клиросы, преимущественно правые, и пѣніе на нихъ, и притомъ пѣніе не обиходное, а партесное. Преимущественное же вниманіе къ клиросному пѣнію ведетъ къ тому, что главныя задачи обученія *всѣхъ* воспитанниковъ или воспитанницъ, какъ отодвинутыя на задній планъ, не достигаются, чѣмъ наносится существенный вредъ одному изъ главныхъ учебно-воспитательныхъ предметовъ духовно-учебныхъ заведеній, а это въ корнѣ подрываетъ ко-

нечныя цѣли и задачи этого предмета въ сихъ заведеніяхъ. Предметъ этотъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, согласно Уставу духовно-учебныхъ заведеній, долженъ имѣть въ учебномъ отношеніи равное значеніе съ другими общеобразовательными предметами, а въ религіозно-воспитательномъ одно изъ первенствующихъ. Какъ учебный предметъ, пѣніе должно образовывать, въ конечныхъ цѣляхъ преподаванія, разумнаго пѣвца, не только свободно читающаго всякую нотную книжку, но и уразумѣющаго читаемое (см. Объяснительную записку къ программѣ церковнаго пѣнія для духовныхъ училищъ и семинарій, и Объяснит. зап. къ программѣ пѣнія для женскихъ духовно-училищъ). Какъ предметъ воспитанія вообще и въ особенности религіознаго, пѣніе должно воспитывать у питомцевъ духовной школы чутье ко всему прекрасному, въ особенности же въ области проявленія религіозныхъ чувствованій: къ постиженію прекраснаго въ церковныхъ священнодѣйствіяхъ, въ глубинахъ содержанія церковныхъ чтеній и молитвословій и, наконецъ, въ музыкальномъ содержаніи церковныхъ пѣснопѣній, преимущественно обиходно пѣвческаго изложенія, также и въ тѣхъ „свободнаго сочиненія“, въ которыхъ послѣднее по духу и по формѣ музыкальнаго выраженія близко къ обиходному. Въ дѣйствительности же не видно, чтобы духовныя школы Могилевской епархіи, призванныя достигать указанныхъ результатовъ въ наученіи своихъ питомцевъ пѣнію и чрезъ упражненіе въ немъ воспитывать у нихъ эстетическое и религіозное чувства,—давали бы учащимся то, что онѣ обязаны дать. Въ средѣ оканчивающихъ курсъ семинаристовъ, за весьма малымъ исключеніемъ, нѣтъ пѣвцовъ, знающихъ этотъ предметъ удовлетворительно, не усматривается также на семинаристахъ и тѣхъ добрыхъ вліяній отъ изученія ими пѣнія, какія могли бы быть прѣ болѣе или менѣе правильной постановкѣ этого предмета.

Первую и главную причину такого печальнаго явленія я нахожу прежде всего въ томъ, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ *не преслѣдуется необходимая научность въ постановкѣ церковнаго пѣнія*. Несмотря на то, что такая научность, опредѣляемая Уставомъ (классные уроки пѣнія; равная по научности съ другими предметами программа пѣнія), обязательна для этого предмета въ постановкѣ преподаванія его въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, начальства сихъ заведеній весьма мало заботятся о ней. Происходитъ это отчасти отъ независящихъ отъ начальства причинъ (отсутствіе правоспособныхъ учителей), отчасти же отъ того, что на пѣніе смотрятъ только или какъ на предметъ искусства, доступный къ вос-

пріятію лишь особо къ нему способныхъ учащихся, или еще хуже, какъ на предметъ, вообще малозначущій въ курсѣ учебныхъ заведеній, достойный вниманія только по столько, поскольку онъ необходимъ для обслуживанія церковныхъ службъ въ учебныхъ заведеніяхъ, да для такого же обслуживанія концертовъ и вечеровъ, устраиваемыхъ не для чего другого, какъ только для малосодержательнаго, а потому и малополезнаго въ педагогическомъ отношеніи развлеченія учащихся. Но на пѣніе надо смотрѣть прежде всего, какъ на науку, требующую къ себѣ такого же вниманія и заботъ учебно-административной корпораціи учебныхъ заведеній, какого вниманія и заботъ требуютъ другія науки курсовъ учебныхъ заведеній. Равная съ другими предметами должна быть и обстановка преподаванія, обильная необходимыми пособіями. Нельзя выдѣлять пѣніе, вопреки распоряженіямъ высшей учебной власти, въ необязательный предметъ, по которому можно не имѣть никакихъ руководствъ, ни пособій, ни въ фундаментальной, ни въ ученической библіотекахъ, ни даже учебниковъ на рукахъ у учащихся. Нельзя не предъявлять къ учащимся въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются неуспѣвающими въ пѣніи, одинаковыхъ съ подобными случаями, по отношенію къ другимъ предметамъ, требованій вразумленія и взысканій. Высшая учебная власть неоднократно высказывала свой взглядъ на необходимость такой именно строго научной постановки этого предмета (см. Церк. Вѣд. 1890 г. № 10, стр. 334; Циркуляръ по дух. уч. вѣд. 1907 г. № 23, стр. 9). Отсутствіемъ у начальствъ дух.-уч. заведеній правильнаго взгляда на необходимость научности въ преподаваніи пѣнія объясняется и то совершенно невѣрное и вредное для дѣла убѣжденіе ихъ, въ силу котораго они считаютъ вполне достаточнымъ изучать пѣніе только по слуху. Долго ли можетъ поддерживаться въ памяти выученное на слухъ? Конечно, не долго. А это обстоятельство вынуждаетъ постоянно повторять разъ выученное, на что теряется много дорогого времени и чѣмъ вносится въ дѣло, такое живое и пріятное, какъ занятіе пѣніемъ, механичность и рутинна. Другое дѣло, когда изученное по нотамъ будетъ по нотамъ же заучиваться наизусть. Тогда при забывчивости выученнаго забытое можетъ легко и скоро быть воспроизведено не по памяти, которая есть ненадежный руководитель пѣнія, а по нотамъ.

Отсутствіемъ того же правильнаго взгляда на необходимость научности въ преподаваніи пѣнія, въ силу которой изученіе его должно быть достояніемъ всѣхъ безъ исключенія учащихся, объясняется и то вредное для дѣла оказаніе со стороны начальствъ дух.



уч. заведеній исключительнаго вниманія церковно-клиросному пѣнію съ его партеснымъ репертуаромъ, о каковомъ мною замѣчено было выше. Въ заботахъ объ устройствѣ хоровъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ администрація руководится обычно соображеніями узко-утилитарнаго характера: имѣть въ церкви развлекающее ее и привлекающее постороннихъ богомольцевъ пѣніе, а въ стѣнахъ учебнаго заведенія при случаѣ воспользоваться имъ на „показъ“, какъ доказательствомъ якобы особаго учебно-воспитательнаго благоустройства. Ради такихъ утилитарныхъ цѣлей устройства хоровъ жертвуютъ нерѣдко и здоровьемъ тѣхъ изъ учащихся, кои вынуждены пѣть не свойственныя ихъ голосу и возрасту партіи (напримѣръ, баса и тенора въ духовныхъ училищахъ, тенора въ семинаріи, когда поютъ эту партію альты) и временемъ, удѣляя для спѣвокъ въ теченіе недѣли не мало часовъ, а самое главное—жертвуютъ возможностью *всѣмъ* учиться пѣть чрезъ участіе въ общемъ пѣніи за довольно часто совершаемыми въ учебныхъ заведеніяхъ Богослуженіями. Не поющіе въ хорѣ вынуждены ограничиваться только тѣми знаніями и навыками въ пѣніи, какія приобрѣтаются ими въ классѣ. Группы же поющихъ обычно приобрѣтаютъ ихъ хотя и достаточно, но чрезъ злоупотребленіе своими голосовыми органами рѣдко кто среди нихъ сохраняетъ голосъ дальше окончанія курса учебнаго заведенія. Кромѣ того, заботы о клиросномъ партесномъ пѣніи сосредоточиваютъ обычно все вниманіе начальствъ и пѣвцовъ только на постоянныхъ частяхъ Богослуженія, обычно распѣваемыхъ партесными напѣвами, вслѣдствіе чего измѣняющіяся части Богослуженія—гласовыя пѣснопѣвія почти цѣликомъ выбрасываются изъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, какъ на примѣръ, стихиры на „Господи воззвахъ“, стихиры на стиховнѣ, стихиры хвалитныя (на всенощномъ бдѣніи) и блаженны (на литургіи). Между тѣмъ все существо, всѣ особенности воскреснаго и праздничнаго всенощнаго Богослуженія состоятъ именно въ этихъ измѣняемыхъ частяхъ. Полныя религіознаго восторга, полныя дивной повѣи по своему содержанію и напѣвамъ, воскресныя и праздничныя стихиры, роднящія насъ съ апостольскими временами, приносятся въ жертву партесному, часто безобразному въ эстетическомъ отношеніи, исполненію нѣкоторыхъ постоянныхъ молитвъ, кои иногда и пѣть-то церковнымъ уставомъ не положено. Отстраненные заботами начальствъ объ улучшеніи только клироснаго пѣнія отъ возможности учиться пѣнію не въ классѣ только, а и на спѣвкахъ, приготовляющихъ къ пѣнію въ церкви, и въ самой церкви во время пѣнія, когда оно было бы общимъ для

всѣхъ, учащіеся приучаются безъ должнаго вниманія относиться къ главнымъ и существеннымъ частямъ богослужебныхъ чинопослѣдованій, равно какъ къ церковной молитвѣ и общему участию въ ней. Такое невниманіе, привитое въ школѣ, остается у нихъ и на всю жизнь, между тѣмъ какъ задача духовной школы—воспитать любовь и къ богослужебнымъ чинопослѣдованіямъ святой Церкви и къ общественной молитвѣ, предлагаемой Церковію въ своихъ чинопослѣдованіяхъ (Цирк. 1908—9 г. № 24, стр. 46—47).

Чѣмъ другимъ объяснить неудовлетворительность пѣнія на клиросахъ большинства городскихъ и сельскихъ церквей, какъ неумѣньемъ руководить должнымъ образомъ этимъ дѣломъ тѣхъ, на обязанности которыхъ лежитъ это руководство? Много ли у насъ среди лицъ клира и среди учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ (большинство изъ нихъ бывш. воспитанницы женскаго училища), правильно понимающихъ задачи церковно-клироснаго пѣнія и умѣющихъ правильно руководить нашими регентами, большинство которыхъ не только въ селахъ, но и въ городахъ самоучки? (Въ число задачъ пѣвческаго образованія въ дух.-уч. зав. входитъ и эта—умѣнне руководить въ наученіи пѣнію другихъ. См. Объясн. записку къ программѣ пѣнія въ учил. и семинаріяхъ, стр. 3, Объяснит. записку къ программѣ пѣнія въ Епарх. женск. училищ. стр. 1., Цирк. по дух. учеб. вѣд. 1889 г., № 5, стр. 7-я). И что же мы видимъ на клиросахъ большинства православныхъ храмовъ? Клиросъ храма обращенъ въ какую-то сомнительнаго достоинства концертную эстраду, съ которой рѣдко хорошо, а почти всегда болѣе или менѣе не умѣло, раздается то, что лишь по недоразумѣнію называется церковнымъ пѣніемъ. Простое пѣніе для большинства хоровъ и отдѣльныхъ пѣвцовъ является досадной необходимостью и исполняется въ большинствѣ случаевъ кое-какъ, на скоро. И вотъ скороговоркой, читкомъ, съ обрывками мелодій поются ектенія, стихиры, тропари, прокимны и т. д. Не до текста тутъ, не до смысла, лишь бы какънибудь поскорѣе добраться до партесовъ. Читается ектенія. Каждое прошеніе ея—мольба безпомощнаго, страдающаго человѣчества къ Подателю всего. А клиръ, представляющій это человѣчество, равнодушно и томительно однообразно отвѣчаетъ „Господи помилуй“, и въ этомъ „Господи помилуй“ нѣтъ соответствія съ просимымъ у Господа благомъ. Пѣніе клира монотонно и однообразно, и часто не выражаетъ молитвеннаго настроенія молящихся. Таковымъ оно бываетъ часто потому, что и силы и вниманіе пѣвцовъ здѣсь никогда не сосредоточиваются: онѣ берегутся для партесовъ. Но что въ глав-

номъ отличаетъ обычное пѣніе отъ партеснаго? Партесное пѣніе—результатъ индивидуальнаго пониманія того или иного текста, результатъ личнаго, субъективнаго переживанія того или иного момента Богослуженія. Обычное же пѣніе, пѣніе на распѣвы (обиходное пѣніе) создавалось не единичными лицами, а рядомъ поколѣній, работавшихъ надъ нимъ не одно столѣтіе. Обычное пѣніе—результатъ народнаго творчества, потому-то оно такъ любимо народомъ за его истовость и ясность. Сердцемъ чувствуетъ и прозрѣваетъ онъ въ немъ тѣ сокровища, то богатство содержанія, которыя копились вѣками, поколѣніями пѣвцовъ, изливавшихъ душу въ *пѣніи-молитви*. Народъ жаждетъ приобщиться этому сокровищу, жаждетъ вновь испытать тѣ чувства и настроенія, подѣ влияніемъ которыхъ создано само пѣніе. Народу подносится оно—изуродованное, въ бессмысленно монотонномъ, лишенномъ и тѣни чувства, исполненіи. На нашихъ клиросахъ не рѣдкость видѣть такую картину. Праздникъ. Пропѣли Господи возвахъ, запѣвъ. На клиросѣ появляется книга (Октоихъ, Миней, Трїодъ), пѣвчіе толпятся къ ней, и начинается коллективная импровизація, для которой даны двѣ темы: нетвердо усвоенный, мало извѣстный напѣвъ осмогласный и съ трудомъ разбираемый текстъ. Комментаріи излишни. Всякому приходилось слышать это терзаніе текста и напѣва, обыкновенно и прекращаемое на первой же стихирѣ. Можно ли говорить о *вразумительности* такого пѣнія, можно ли ожидать, чтобы такое пѣніе возбуждало, а не подавляло молитвеннаго настроенія, дѣлая не доступнымъ къ уразумѣнію молящихся поемый текстъ, который вполне доступенъ религіозному чувству молящихся, если не по смыслу, то по интонаціи голоса, по тому чувству, съ которымъ его нужно пѣть. Развѣ можетъ быть смыслъ или какіе нибудь намеки на чувство въ тѣхъ спотыканіяхъ и то ускореніяхъ, то растягиваніяхъ, какими сопровождается обычно *простое пѣніе* на клиросахъ. Отъ того значительная часть Богослуженія, много говорящая, много разъясняющая, пропадаетъ для молящихся, чрезъ это же самое Богослуженіе, вмѣсто того, чтобы будить въ душѣ порывы горячаго религіознаго одушевленія, наводитъ утомленіе и скуку. Такой характеръ Богослуженія болѣе, чѣмъ что-либо иное, гонитъ народъ въ сектанство. Простые сектантскіе начетчики съумѣли сложить цѣлый рядъ религіозныхъ пѣсней, общее исполненіе которыхъ присутствующими возбуждаетъ глубокое молитвенное настроеніе. Не говоря о внутренней сторонѣ, о несоотвѣтствіи сектантскихъ молитвъ и пѣснопѣній евангельской истинѣ, съ внѣшней стороны онѣ способны сильно дѣйстви-

вать на религіозное чувство народа, въ глазахъ котораго и самыя сектантскія молитвенныя собранія кажутся болѣе удовлетворяющими его религіознымъ запросамъ, чѣмъ наши церковныя службы съ уродливымъ клироснымъ пѣніемъ. (Вѣра и Разумъ 1905 г. № 11. „Письма о церковномъ пѣніи“ Н. К.) Отъ чего это? Единственно отъ недостатка въ церковномъ клирѣ лицъ, способныхъ направить дѣло пѣнія на надлежащій ладъ. Изъ школы служители Церкви, учителя и учительницы церковно-приходскихъ школъ не выносятъ знаній истинно народнаго и церковнаго простаго обиходнаго пѣнія, равно также навыковъ и умѣній научить и поруководить другихъ въ пріобрѣтеніи этихъ знаній. Безъ усвоенія же научныхъ знаній въ православномъ обиходномъ пѣніи не можетъ родиться къ нему и желаемой любви, вытекающей изъ уразумѣнія историческихъ его основъ, изъ постиженія красотъ его мелодій, въ художественной простотѣ являющихся доступными для пониманія и воспріятія каждаго; безъ научнаго изученія технической стороны обиходнаго пѣнія: дѣленія на строки осьмогласныхъ пѣснопѣній, законовъ чередованія ихъ, особыхъ для каждаго гласа,—невозможно, наконецъ, и правильное практическое пользованіе этимъ пѣніемъ при совершеніи церковныхъ службъ. (Окончаніе будетъ).

## РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

### Изъ исторіи осады Троицкой лавры.

(По поводу 300-лѣтія со дня снятія осады обители. 1610—1910 г.  
12 января).

(Окончаніе \*).

Разсказъ этого казака придалъ много силы и бодрости защитникамъ обители. Они были увѣрены, что пр. Сергій не допуститъ врагамъ разорить его обитель, защититъ ихъ, уничтожитъ всѣ ихъ козни. И эта увѣренность вскорѣ помогла имъ одержать побѣду надъ вдесятеро сильнѣйшимъ непріателемъ.

8-го ноября съ ранняго утра поляки начали стрѣльбу изъ пушекъ по обители. Клирикъ Корнилій шелъ въ Троицкій соборъ. Вдругъ пушечное ядро, перелетѣвшее черезъ ограду, оторвало ему правую ногу по колѣно. Его взяли на руки, принесли на паперть; по окончаніи литургіи онъ причастился Св. Тайнъ и, сказавши про-

\*) См. ж. „В. и Р.“, отд. Извѣстій и замѣтокъ № 2 за 1910 г.

рочески архимандриту лавры: „Се, отче, Господь Богъ Архистратигомъ своимъ Михаиломъ отмститъ кровь православныхъ христіанъ“, тихо скончался. Въ этотъ день начали служить вечерню. И вдругъ непріятельское ядро ударило въ большой колоколъ, отскочило въ окно алтаря Троицкаго собора и пробило образъ Архангела Михаила. Другое—ударило въ южныя желѣзныя двери Троицкаго собора и, пробивши ихъ, пробило и образъ Святителя Николая подлѣ вѣнца. Рыданіе и плачь заглушали службу и прерывали ее нѣсколько разъ. Архимандритъ Іоасафъ, присутствовавшій тутъ же во храмѣ, отъ сильной скорби пришелъ какъ бы въ забытѣе во время пѣнія стихирь и увидаль Архистратига Михаила съ сіяющимъ лицомъ: онъ держалъ въ правой рукѣ мечъ и говорилъ врагамъ: „Ваша беззаконная дерзость и до моего образа достигла! Всесильный Богъ воздастъ вамъ“. Архимандритъ повѣдалъ братіи объ этомъ видѣніи, и по окончаніи вечерни всѣ стали пѣть молебень Архистратигу Михаилу.

Съ наступленіемъ ночи архимандритъ Іоасафъ началъ въ келліи совершать вечернее правило и, часто взирая со слезами на образъ Богоматери, просилъ у нея помощи. Вдругъ онъ задремаль и видитъ, что въ келлію его вошелъ пр. Сергій и говоритъ ему: „Встань, не скорби, но съ радостью принеси молитву, потому что предстоитъ и молится Богу объ обители и о васъ Пречистая Богородица со ангельскими ликами и всѣми святыми“. Въ ту же ночь свѣщевосцы Геннадій, Гурій, Кипріанъ и многіе другіе, а также міряне нѣкоторые видѣли преп. Сергія, ходящимъ по монастырю; онъ будилъ братію и говорилъ имъ: „Идите, братіе, немедленно въ церковь и обряцете благодать“. Когда начался благовѣстъ къ утрени, то архимандритъ и старцы повѣдали видѣнное другъ другу и воеводамъ.

Эти явленія пр. Сергія такъ одушевили защитниковъ св. обители, что они одержали съ помощью Божіею на другой день блестящую побѣду надъ непріателемъ, несмотря на свою малочисленность. Еще наканунѣ, 8 ноября, мѣткая стрѣльба изъ пушекъ ободрила ихъ; имъ удалось разбить главную литовскую пушку, которая называлась „трещерой“ и причиняла много вреда монастырю. Задумавши сдѣлать вылазку, воеводы Долгорукій и Голохвостовъ заранѣе раздѣлили охотившихся на это дѣло на нѣсколько отрядовъ, и каждому отряду было назначено свое мѣсто. За три часа до разсвѣта, взявши благословеніе у Архимандрита надъ гробомъ Св. Сергія и услышавши отъ него и старцевъ все видѣнное ими ночью, воеводы тихо вышли изъ крѣпости съ ратниками и иноками воинами. Глубокая тьма скрывала ихъ отъ непріателя; но какъ скоро они

стали въ ряды, сильный порывъ вѣтра разсѣялъ облака, мгла исчезла... Ударили въ осадный колоколь, и всѣ ринулись впередъ, произнося имя преп. Сергія.

Нападеніе было сдѣлано съ трехъ сторонъ: но у всѣхъ была одна цѣль: найти подкопъ и разрушить его. Нужно было выгнать казаковъ и поляковъ изъ ближайшихъ укрѣпленій и овладѣть мельницей. Внезапное нападеніе и увѣренность въ помощи Божіей помогли скоро исполнить это намѣреніе. Устье подкопа было найдено и два крестьянина, Шилонъ и Словъ, натаскали туда горючаго вещества и зажгли его, чтобы взорвать подкопъ, но сами не успѣли выйти и погибли.

Успѣхъ вылазки окрылилъ надеждою осажденныхъ и они послѣ взрыва продолжали сраженіе, несмотря на то, что многіе были убиты или смертельно ранены. Даже оставшіеся, по распоряженію военачальниковъ, въ монастырѣ иноки и воины не слушали запрещенія начальниковъ и толпа за толпою бѣжала изъ монастыря и принимала горячее участіе въ бою. Нѣсколько разъ то поляки побѣждали защитниковъ монастыря, сбивали ихъ съ высотъ въ лощины, то защитники обители снова выходили изъ овраговъ, лѣзли на гору, побѣждали поляковъ и далеко отгоняли ихъ отъ укрѣпленій. Сраженіе продолжалось до вечера, и защитники монастыря оставались побѣдителями. Они взяли много плѣнныхъ, 8 пушекъ, множество самопаловъ, ручницъ, копій, палашей, военныхъ снарядовъ, трубъ и литавръ, чего не могли взять съ собою, то жгли и возвратились въ монастырь уже поздно, какъ побѣдители, при колокольномъ звонѣ, который продолжался до полуночи. Убитыхъ въ сраженіи, въ количествѣ 174 человекъ и 66 тяжело раненыхъ, они принесли также въ монастырь. Потери непріятеля въ это сраженіе были громадны, у нихъ было убитыхъ 1500 и 500 раненыхъ.

Наступила зима. Нужны были дрова и сѣно. Но всего этого было немного въ монастырѣ. Нужно было выгнать непріятеля изъ ближайшихъ къ монастырю укрѣпленій и тогда безопасно можно было брать за стѣнами монастыря дрова и сѣно. Съ этою цѣлію осажденные, пользуясь сильнымъ туманомъ, однажды утромъ сдѣлала вылазку. Сначала успѣхъ былъ на ихъ сторонѣ; они побили сторожевые посты въ Мишутиномъ оврагѣ, Благовѣщенскомъ лѣсу и на Красной горѣ до Клементьевскаго пруда. Но когда Сапѣга и Лисовскій узнали объ этомъ, соединили полки и ударили на нихъ, то по своей малочисленности, вынуждены были отступить назадъ къ стѣнамъ монастыря. Старцы Ѳерапонтъ и Макарій, видя, что непри-

ятель одерживаетъ побѣду, съ 20 иноками на коняхъ выѣхали изъ монастыря на помощь своимъ: къ нимъ присоединились и нѣкоторые изъ монастырскихъ слугъ. Везъ латы и шлемовъ вышли смиренные защитники обители на борьбу съ воинами, одѣтыми въ воинскіе доспѣхи. И съ какою отвагой отстаивали они святыню земли Русской!.. Твердо стояли охранители дома Живоначальной Троицы. II вражескіе полки съ позоромъ удалились отъ стѣнъ монастыря...

Но Богу угодно было послать новое испытаніе защитникамъ обители. Съ 17 ноября, вѣлѣдствіе сильной тѣсноты, отсутствія проточной воды и недостатка питанія, въ монастырѣ открылась ужасная болѣзнь—цынга. Больные пухли и умирали... Смерть уносила иногда по нѣскольку десятковъ человѣкъ... Къ этому бѣдствію присоединилось и другое. Въ обители нашлись измѣнники. Такъ, во время одной вылазки два боярскихъ сына, Петръ Ошущковъ и Стефанъ Лешуковъ передались врагамъ и посоветовали имъ спустить большой прудъ, находившійся внѣ стѣнъ монастыря и питавшій чрезъ трубы всѣ монастырскіе пруды. Непріятель началъ работу... Но монастырскіе воеводы узнали отъ плѣнника объ этомъ замыслѣ, напали ночью на работниковъ, а сами приказали открыть всѣ подземныя трубы и наполнили водою всѣ пруды, находившіеся внутри обители... Опасность остаться безъ воды была устранена.

Между тѣмъ уменьшалось и уменьшалось въ обители число защитниковъ. Они умирали отъ различныхъ болѣзней. Умирали и скрывавшіеся въ обители, жены, дѣти и старцы. Число же способныхъ носить оружіе сократилось на 2125 человѣкъ. Обитель безъ посторонней помощи не могла, повидимому, продержаться болѣе мѣсяца. Въ этой крайности настоятель, посоветовавшись со старцами, послалъ письмо къ келарю Авраамію Палицыну, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ убѣдилъ Царя спасти эту священную твердыню немедленнымъ вспоможеніемъ. Авраамій убѣдительно просилъ царя Василія Шуйскаго, синклита и патріарха послать въ обитель немедленную помощь; и наконецъ Царь послалъ 60 казаковъ подъ начальствомъ атамана Останкова и 2 пуда пороха; къ нимъ Авраамій присоединилъ еще 20 Троицкихъ слугъ. Это малое войско все-таки утѣшило осажденныхъ; они видѣли, что о нихъ помнятъ и готовы по мѣрѣ возможности помогать имъ. Но радость ихъ снова омрачилась скорбью. Большая часть новыхъ сподвижниковъ съ атаманомъ Останковымъ сдѣлались жертвою цынки, свирѣпствовавшей въ обители. Но вотъ опять явился съ своею помощію небесный стражъ обители сподвижникъ Преп. Сергія Преп. Никонъ, онъ ска-

залъ во снѣ пономарю Иринарху: „скажи болящимъ людямъ, что въ эту ночь выпадеть снѣгъ, и кто хочеть получить исцѣленіе, пусть натирается этимъ снѣгомъ“. И дѣйствительно многіе съ вѣрою натерлись выпавшимъ за ночь снѣгомъ и выздоравливали.

Съ наступленіемъ весны 1609 года положеніе осажденныхъ улучшилось. Болѣзнь стала ослабѣвать... Непрiятельскій предводитель Сапѣга рѣшился наконецъ сдѣлать отчаянный приступъ, надеясь на этотъ разъ овладѣть монастыремъ. 27 мая съ утра послышалось веселье во вражескомъ станѣ. Въ полдень многіе всадники объѣхали стѣны лавры и высматривали мѣста, удобныя для приступа. Вечеромъ многочисленная конница со знаменами стала на Клементьевскомъ полѣ: вышелъ Сапѣга не однажды уже раненый, съ остальными дружинниками и пѣхотою.

Лавра тоже готовилась къ защитѣ. Всѣ, кто только могъ оказать какую-либо помощь, готовились защищать обитель. Даже женщины явились на стѣнахъ съ камнями, съ огнемъ, смолою, известью и сѣрою. Архимандритъ со старцами со слезами молились въ храмѣ Живоначальныя Троицы. Ждали приступа. Но вотъ наступила ночь. Въ глубокомъ мракѣ и безмолвіи осажденные различили приближавшійся шорохъ. Поляки, литовцы и измѣнники русскіе, точно змѣи, ползли ко рву съ стѣнобитными орудіями, щитами, лѣстницами—и вдругъ съ Красной горы грянулъ пушечный выстрѣлъ. Непрiятель ударилъ въ бубны и съ крикомъ кинулся къ оградѣ, придвинулъ щиты на колесахъ, лѣстницы и полѣзъ на стѣны. Готовые къ смерти защитники лавры безъ ужаса и смятенія дѣлали каждый свое дѣло. Міряне смѣшались съ иноками для общаго дѣла. Князь Долгорукій съ сыномъ заняли самыя опасныя мѣста на стѣнѣ. Иноки-храбрецы: Аѳанасій Ощеривъ, Паисій Литвинъ и Гурій Шишкинъ приняли начальство надъ горстiю остававшихся защитниковъ. Одни стрѣляли и кололи изъ отверстій, другіе кипятили варъ, сѣру, смолу и лили на лѣзшихъ на стѣну, таскали на стѣну камни и бросали ихъ въ непрiятеля, ослѣпляли глаза известью. Непрiятель нѣсколько разъ возобновлялъ приступъ. Но утромъ безуспѣшно началъ отступать отъ стѣнъ монастыря. Неутомимые же защитники обители сдѣлали вылазку, взяли въ плѣнъ 30 пановъ и знатныхъ русскихъ измѣнниковъ и заставили ихъ молоть муку.

Сапѣга рѣшился на новый приступъ. Онъ самъ объѣзжалъ монастырь кругомъ, назначилъ, кому гдѣ находится и въ какомъ порядкѣ приступать къ стѣнамъ. Ночью 31 іюля за три часа до разсвѣта полки выступили изъ стана. Имъ велѣно было ожидать



сигнала. Но вѣстовая пушка сдѣлала выстрѣлъ ранѣе надлежащаго и полки Сапѣги, вмѣсто приступа, въ безпорядкѣ стали отступать, убивъ только одну женщину на стѣнѣ.

Но непріятель не оставлялъ въ покоѣ осажденныхъ.

Однако вскорѣ Богъ послалъ великую радость защитникамъ монастыря. Князь Михайлъ Скопинъ-Шуйскій, узнавъ о жалкомъ положеніи монастыря, 28 октября прислалъ для охраны монастыря 900 человекъ свѣжаго войска подъ начальствомъ Жеребцова.

Жеребцовъ принялъ въ свое завѣдываніе всѣ запасы монастырскіе; и, къ общему удивленію, ихъ нашлось столько, что съ избытковъ достало не только для этого отряда, но и для всѣхъ обитателей монастыря. 4-го января 1610 года Скопинъ прислалъ еще 500 человекъ подъ начальствомъ Валуева. Тогда соединенными силами защитники обители сдѣлали вылазку, напали съ разныхъ сторонъ на враговъ, отогнали ихъ отъ монастыря въ дальніе станы и сожгли лагерь ихъ подъ стѣнами обители.

Это была послѣдняя битва подъ монастыремъ. 12 января 1610 года польскій воевода Сапѣга, никѣмъ не преслѣдуемый, обратился въ бѣгство по направленію къ Дмитрову. А 20 января архимандритъ лавры послалъ въ Москву къ Царю старца Макарія съ радостною вѣстію, что осада снята съ обители Живоначальныя Троицы.

Какъ поучительна для нашего времени эта исторія подвиговъ вѣры и смиренія!.. 300 лѣтъ прошло со времени тяжкаго лихолѣтья. И снова „казнится“ Русь, невѣріе и злоба людская снова возстаютъ на святыню Православной вѣры. И это новое лихолѣтье, какъ и въ стародавніе дни, зоветъ всѣхъ вѣрныхъ чадъ родины къ новымъ подвигамъ смиренной вѣры...

(Изъ „Моск. Церк. Вѣд.“).

**Гибель Содома и Гоморры, какъ историческій фактъ.**

Въ мартѣ мѣсяцѣ минувшаго года нью-іорскій университетъ снарядилъ географическую экспедицію къ Мертвому морю. Участникъ этой экспедиціи д-ръ Huntington сообщаетъ любопытныя подробности объ изысканіяхъ экспедиціи. Въ точности не было извѣстно мѣстонахожденіе Содома и Гоморры. Въ библии повѣствуется между прочимъ о томъ, что „Лотъ вышелъ изъ Зоара (послѣ разрушенія Содома и Гоморры) и остановился на горѣ съ двумя своими дочерьми, ибо онъ боялся остаться въ Зоарѣ, а пребывалъ съ дочерьми въ пещерѣ“. Экспедиція открыла на южномъ берегу Мертваго моря вулканъ, изверженіемъ котораго объясняются библейскія выраженія

„огонь и каменный дождь“,—а также пещеру, въ которой могъ скрываться Лоть съ дочерьми. Hundington нашель возлѣ развалинъ Сувеймеха слѣды лавы и узналъ отъ мѣстнаго шейха, что вблизи находится „цѣлая гора изъ такихъ черныхъ камней“. Но въ горахъ, къ востоку отъ Гхувейра, по дорогѣ къ Плато, Моабъ, между Абу Хассаномъ и Беѣ-Пеоромъ, экспедиція открыла старательно выдолбленную въ скалѣ пещеру древняго происхожденія, въ 20 ф. длины и 15 ф. ширины, расположенную въ верховьяхъ источника. Hundington считаетъ возможнымъ предположеніе, что библейскіе города Содомъ и Гоморра погибли отъ изверженія сосѣдняго вулкана, и что найденная имъ пещера служила убѣжищемъ для Лота и его дочерей послѣ гибели городовъ. Такимъ образомъ, дальнѣйшія научныя изысканія помогутъ установить, что гибель Содома и Гоморры является фактомъ историческимъ.

## О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

### ХУДОЖНИКЪ ЖИВОПИСИ,

окончившій С.-Петербургскую Академію Художествъ  
мастерской профессора И. Е. Рѣпина,

# АНИКИТА ПЕТРОВИЧЪ ХОТУЛЕВЪ

принимаетъ на себя исполненіе иконъ въ иконостасѣ и одиночныхъ святыхъ разныхъ стилей: Древне-Греческій, Византійскій, Фряжскій, Итальянскій и т. д.

Иконы пишутся на полотнѣ, доскѣ, цинкѣ, мѣди, на золотыхъ чеканныхъ фонахъ съ эмалью, прозрачныя запрестольныя на стеклѣ и полотнѣ.

Роспись стѣнной и орнаментной живописи, составленіе рисунковъ на иконостасы и кіоты, картины и портреты съ природы и съ фотографическихъ карточекъ, а также реставрація и промывка стѣнной и орнаментной живописи, картинъ, портретовъ и копіи картинъ и портретовъ съ извѣстныхъ художниковъ.

За роспись Новочеркаскаго Собора награжденъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II орденомъ Станислава 3-й степени.

Москва, Грохольскій пер., домъ Ходовой. Телефонъ № 235—97.

**Федоръ Васильевичъ Алексѣенко,**

АРТИСТЪ ПРИДВОРНАГО ОРКЕСТРА,

**ДАЕТЪ УРОКИ на СКРИПКЪ.**

Адресъ: Гончаровскій бульваръ, домъ № 9-й  
(близь Жандармской площ.).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

**„СВѢТЪ“**

**въ 1910 г.**

Двадцать девять лѣтъ изъ года въ годъ „СВѢТЪ“ заявляетъ одну и ту же программу:

„Православіе“! „Народность“! „Самодержавіе“ и Государственная Дума! при самомъ широкомъ, безусловномъ самоуправленіи приходоѡ общинъ, городовъ и уѣздовъ.

Подписная цѣна на „Свѣтъ“ съ пересылкою и доставкою:

На годъ съ 1 января по 31 декабря **4 р.**, на полгода съ 1 января или 1 іюля **2 р.**, на 3 мѣсяца съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля или 1 октября **1 р.**

Гг. подписчики, которые будутъ подписываться на газету „Свѣтъ“ и „Сборникъ Романовъ“ и посылать деньги съ однимъ переводомъ благоволятъ высылать:

На годъ съ 1 января по 31 декабря газета и 12 книгъ романовъ **8 р.**, на полгода съ 1 января или 1 іюля газета и 6 книгъ романовъ **4 р.**, на 3 мѣсяца съ 1 января, 1 апрѣля, 1 іюля или 1 окт. газета и 3 книги романовъ **2 р.**

Письма и деньги адресовать: С.-Петербургъ, редація „Свѣтъ“, Невскій, 136.

**„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“**

**въ 1910 году**

**ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.**

Изданіе журнала „Душеполезное Чтеніе“ въ 1910 году, пятьдесятъ первомъ году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ Виссаріонѣ,

епископъ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. Д. Ѡ. Касицынъ, и главная цѣль его будетъ та же, какая указана покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду, — „служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности назидательнаго и понятнаго духовнаго чтенія.“

Въ изданныхъ доселѣ шести стахъ книгахъ „Душеполезнаго Чтенія“ уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ, и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присовокупить, что

**Въ составъ журнала входятъ:**

- 1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи въроучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на современныя явленія въ общественной и частной жизни.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и въѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго Феофана-Затворника, іеросхимонаха о. Амвросія Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время понятныя свѣдѣнія о западныхъ неповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1910 году въ „Душеполезномъ Чтеніи“ нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтственными рисунками.

Въ 1910 г. всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложеніе:

**Святитель Димитрій Ростовскій.**

Сочиненіе Василія Нечаева (Епископа Виссаріона).

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ „Душеполезное Чтеніе“ — одобрить, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ—Четыре рубля съ пересылкой. За границу—Пять рублей.

Адресъ: МОСКВА. Въ редакцію журнала: ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ Михаилъ Фивейскій.

Издательница Ольга Касицына.

---

### 14-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

## Открыта подписка на 1910 годъ

На единственное въ Россіи литературное художественное иллюстрированное изданіе

## Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки

(бывш. Ф. И. Булгакова редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ того фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

Программа: 1) Произведенія знаменитыхъ писателей съ древнихъ и новыхъ языковъ и иллюстрацій.—2) Новѣйшія произведенія лучшихъ иностранныхъ писателей, съ рисунками.—3) Статьи по иностраннымъ источникамъ, историческія, популярно-научныя.—4) Статьи по вопросамъ литературнымъ, общественнымъ, нравственнымъ и художественнымъ.—5) Статьи по воздухоплаванію, съ рисунками и чертежами.—6) Статьи по гипнотизму, магнетизму, спиритизму, оккультизму и факиризму.—7) Историческія мемуары.—8) Характеристика писателей, художниковъ и мыслителей.—9) Критика, хроника и обзоръ.—10) Иностранное обозрѣніе.—11) Новости.—12) Приложенія.

Подписчики новаго журнала получаютъ въ теченіе года:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8<sup>o</sup>, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній стѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Артуръ Шницлеръ, Шоломъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уэльдъ, Гемфри Уордъ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1909 г. получаютъ безплатно новое художественное изданіе со множествомъ иллюстрацій и рисунковъ премія **Замокъ Неушванштейнъ** Баварскаго короля Людвигъ II.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 6 руб. Подписка принимается въ редакціи „Новый Журналъ Литературы Искусства и Науки“. С.-Петербургъ, М. Царскосельскій пр., 36.

Редакторъ С. Д. Новиковъ.

1910 г.

## ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ XXI.

НА ЖУРНАЛЪ

## „Вопросы философіи и психологіи“

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

Журналъ издается на прежнихъ основаніяхъ подъ редакціей

Л. М. Лопатина.

Въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Н. А. Абрикосовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. Анри, С. А. Аскольдовъ, Н. Н. Баженовъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, А. Н. Бекетовъ, Н. А. Бердяевъ, А. Н. Бернштейнъ, П. Д. Боборыкинъ, Е. А. Бобровъ, С. Н. Булгаковъ, В. А. Вагнеръ, В. Э. Вальденбергъ, А. В. Васильевъ, А-дръ И. Введенскій, Д. В. Викторовъ, Н. Д. Виноградовъ, П. Г. Виноградовъ, В. И. Герье, А. Н. Гиляровъ, Л. О. Даркштевичъ, В. В. Джонстонъ, Н. А. Звѣревъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, В. Н. Ивановскій, Н. А. Иванцовъ, А. П. Казанскій, М. И. Каринскій, Н. И. Карѣевъ, Б. А. Кистяковскій, В. О. Ключевскій, Я. Н. Колубовскій, Ѳ. Е. Коршъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Ланге, Л. М. Лопатинъ, С. М. Лукьяновъ, П. Н. Милуковъ, П. В. Мокіевскій, П. И. Новгородцевъ, Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, И. Ф. Огневъ, Э. Л. Радловъ, В. П. Сербскій, В. С. Серебренниковъ, П. П. Соколовъ, С. А. Соллертинскій, Ф. В. Софроновъ, Г. Е. Струве, П. Б. Струве, С. А. Сухановъ, П. В. Тихомировъ, гр. Л. Н. Толстой, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Умовъ, В. Ф. Чижъ, Г. И. Челпановъ, Н. Ѳ. Шаталовъ и др.

**Программа журнала:** 1) Самостоятельныя статьи и замѣтки по философіи и психологіи. Въ понятіи философіи и психологіи включаются: логика и теорія знанія, этика и философія права, эстетика, исторія философіи и метафизика, философія наукъ, опытная и фізіологическая психологія, психопатологія. 2) Критическія статьи и разборы ученій и сочиненій западно-европейскихъ и русскихъ философовъ и психологовъ. 3) Обще обзоры литературъ поименованныхъ наукъ и отдѣловъ философіи и библіографіи. 4) Философская и психологическая критика произведеній искусства и научныхъ сочиненій по различнымъ отдѣламъ знанія. 5) Переводы классическихъ сочиненій по философіи древняго и новаго времени.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1910 г. по 1-е января 1911 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (С.-Петербургъ, Москва, Одесса и Харьковъ), Кар-

## ОБЪЯВЛЕНИЯ

басникова (С.-Петербургъ, Москва, Варшава), Вольфа (С.-Петербургъ и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башмакова (Казань) и другихъ.

Полные годовые экземпляры журнала за третій (№№ 10—14), четвертый (№№ 16—20), пятый (№№ 21—25), шестой (№№ 26—30), седьмой (№№ 31—35), восьмой (№№ 36—40), девятый (№№ 41—45), десятый (№№ 46—50), одиннадцатый (№№ 51—55) годы продаются по 2 р. за каждый годъ, двѣнадцатый (№№ 56—60), тринадцатый (№№ 61—65), четырнадцатый (№№ 66—70), шестнадцатый (№№ 76—80), семнадцатый (№№ 81—85) и осмнадцатый (№№ 86—90), годы по 3 р. экземпляръ; экземпляры за 1908 г. продаются по 5 р., 1909—по 6 р. Подписчики на новый 1910 г. получаютъ журналъ при выпискѣ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія сразу по 2 руб. за годъ, до 1908 г. включительно. 1904 г. весь распроданъ. № 15-й журнала, не входящій ни въ одинъ изъ годовыхъ комплектовъ, весь распроданъ. Пересылка по разстоянію. При выпискѣ всѣхъ означенныхъ книгъ наложеннымъ платежомъ взимается съ cadaго рубля по 2 коп.

Редакторъ *Т. М. Ионатинъ.*

## Открыта подписка на 1910 годъ

На еженедѣльный иллюстрированный духовно-народный журналъ

# „КОРМЧИЙ“

Изданія годъ 23-й.

Журналъ „КОРМЧИЙ“ одобренъ и рекомендованъ разн. вѣдомствами.

Цѣль журнала: дать каждой семьѣ православнаго русскаго народа благочестивое и понятное чтеніе.

За 4 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой подписчики получаютъ:

52 №№ иллюстрированнаго журнала разнообразнаго назидательнаго содержанія. Въ журналъ, между прочимъ, будутъ продолжаться печатаніемъ возбуждившіе общій интересъ отвѣты на недоумѣнные вопросы, извѣстнаго духовнаго писателя Священника В. А. Черкессова и его же „отвѣты вопрошающимъ“ на личные запросы cadaго.

Къ журналу бесплатно прилагаются:

52 №№ еженедѣльнаго вѣстника подъ заглавіемъ Современное Обзорніе событій текущей жизни.

52 №№ Воскресныхъ и иллюстрированныхъ листковъ на современные церковно-общественные темы, по руководству воскресныхъ евангельскихъ чтеній. Для удобства пользованія, листки будутъ разосланы въ Январѣ, сразу на все первое полугодіе, а въ Юнѣ на второе полугодіе.

12 православно-миссіонерскихъ листковъ противъ современныхъ лжеученій и сектъ.

12 иллюстрированныхъ листковъ „на борьбу съ пьянствомъ“.

12 книжекъ назидательныхъ рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ: „народная бібліотека Кормчаго“.

1 книга „Пастырь-Проповѣдникъ“, сборникъ поученій на двенадцатые праздники, дни памяти великихъ и особо чтимыхъ святыхъ, царскіе дни и на разные случаи приходской жизни. Книга разоплется при 1 № журнала.

Въ видѣ особаго приложенія подписчики получаютъ книжку на хорошей глазированной бумагѣ, большого формата „Запросы Христіанской Жизни“ Священника В. А. Черкессова.

## ОБЪЯВЛЕНІЯ

Книжка заключаетъ въ себѣ 100 отвѣтовъ простыхъ, ясныхъ, канонически православныхъ, обстоятельно составленныхъ на строгомъ обоснованіи Слова Божія, святоотеческой письменности, зрѣлаго житейскаго опыта на различные запросы пытливаго христіанскаго ума и въ такомъ видѣ является настольною книгою для каждаго пастыря церкви, для каждой христіанской семьи.

Выписывающіе 10 экземпляровъ годовыхъ получаютъ еще 1 экз. безплатно.

Адресъ: Москва, Б. Ордынка, домъ Королева, редакция журнала „Кормчій“. Городская подписка принимается, кромѣ редакціи, въ конторѣ Печковской и друг.

За Редактора-Издателя Священникъ С. С. Ляпидевскій.

## О ПОДПИСКѢ въ 1910 году

На еженедѣльный иллюстрированный журналъ

# ВОКРУГЪ СВѢТА

XXVI годъ изданія.

Въ теченіе года подписчики получаютъ: 50 №№ журнала, содержащихъ интересный и увлекательный матеріалъ для чтенія, всегда обильно иллюстрированный. Множество различныхъ отдѣловъ. Въ теченіе года—рядъ конкурсныхъ задачъ на цѣнные книжныя преміи.

Основные отдѣлы журнала: географія, путешествія, этнографія, естествознаніе.

14 книгъ великолѣпно иллюстрированныхъ современнаго итальянскаго писателя, талантливаго послѣдователя школы Жюль Верна ЭМИЛІО САЛЬГАРИ.

**СОДЕРЖАНІЕ:** Владыка морей. Картины жизни Индійскаго океана. Человѣкъ огня. Исторія появленія первыхъ европейцевъ въ Бразиліи и ихъ столкновенія съ туземцами.—Сокровище голубыхъ горъ. Морская жизнь и экзотическая природа.—Въ дѣбряхъ Атласа. Охота, приключенія и природа невѣдомаго уголка Сѣверной Африки.—На Дальнемъ Западѣ. Борьба бѣлыхъ съ краснокожими въ Сѣверной Америкѣ.—Капитанъ Ураганъ. Историческій романъ эпохи борьбы Венеціи съ турками.—Охотница за скальпами. Природа, охота и приключенія среди индѣйцевъ.

10 книгъ полнаго собранія сочиненій современнаго американскаго писателя, единственнаго въ своемъ родѣ художника-бытописателя животнаго міра, создавшаго цѣлый рядъ послѣдователей и подражателей ЭРНЕСТА ТОМПСОНА-СЭТОНА, обильно и прекрасно иллюстрированныхъ самимъ авторомъ.

**Содержаніе:** Юные дикари, жизнь двухъ подростковъ въ мѣсу. Мои дикіе знакомые, рассказы. Біографія серебристой лисицы. Животныя-герои, рассказы. Біографія Гризли. По слѣдамъ оленя. Монархъ--большой талаксій медвѣдь. Изъ жизни гонимыхъ, рассказы и т. д.

Особое бесплатное приложение 1910 г. Полный практической и общедоступный самоучитель и хрестоматія вспомогательнаго международнаго языка Эксперанто, изучить который можно въ 2--4 недѣли, и знаніе котораго можетъ замѣнить для людей, не властвующихъ иностранными, всѣ языки міра, открывая возможность широкаго общенія съ огромной арміей эсперантистовъ всѣхъ частей свѣта.

Кромѣ того, съ приплатою одного рубля подписчики получаютъ роскошную премію: 12 выпусковъ общедоступной зоологіи извѣстнаго англійскаго натуралиста Чарльса Корнишъ: Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры (птицы, рыбы, насѣкомыя и всѣ низшія), содер-



## ОБЪЯВЛЕНІЯ

---

жащей текстъ и нѣсколько сотъ фотографій. Это въ высшей степени содержательное сочиненіе необходимо для каждой семьи и школы, для каждаго любителя природы.

Цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 5 рублей съ альбомомъ „Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры“. 4 руб. безъ альбома „Міръ животныхъ въ фотографіяхъ съ натуры“.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1 Апрѣля 2 р., 1 Юля 1 р.

Адресъ конторы журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“: Москва, Тверская улица, домъ Т-ва И. Д. Сытина, Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

---

# ЖУРНАЛЪ

## МИНИСТЕРСТВА

# НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

### СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей. Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (По Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ исключительно въ Редакцію. Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки 12 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ 12 р. 75 к., съ пересылкой въ другіе города 14 р. 25 к., за границу—16 р. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіяся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки— по 50 копеекъ за каждую. Полные экземпляры имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1888, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902—1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію. При „Журналѣ“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „Извѣстія по народному образованію“ съ приложеніемъ „Справочной книги по низшему образованію“. „Извѣстія“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „Журнала“, но „Справочная книга“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „Журнала“ изданіе. Цѣна „Извѣстій“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

# Продолжается подписка на 1910 г.

Годъ изданія СХХІІІ-й

на ЕЖЕДНЕВНЫЙ ВѢСТНИКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ  
ВОЕННОЙ и ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ, НАУКИ и ЛИТЕРАТУРЫ

## „Харьковскія Вѣдомости“

выходящія по программѣ большихъ столичныхъ газетъ

**съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.**

Не прибѣгая въ цѣляхъ рекламы ни къ какимъ посуламъ, Редакція, какъ читатели могли уже убѣдиться въ 1909 г., сочла своимъ долгомъ, значительно улучшивъ техническую сторону изданія, расширить и оживить его отдѣлы, пригласивъ къ постоянному сотрудничеству извѣстныхъ столичныхъ публицистовъ и правыхъ членовъ Государственной Думы. И въ 1910 году Редакція будетъ стремиться къ дальнѣйшему совершенствованію изданія, ставя своею цѣлью правдивое, своевременное и всестороннее освѣщеніе переживаемыхъ событій и выдвигаемыхъ ими вопросовъ. Главной своей задачей Редакція попрежнему ставитъ служеніе великому дѣлу русскаго національнаго возрожденія, основаннаго на ростѣ общественной самостоятельности и совмѣстной работѣ съ Правительствомъ надъ обновленіемъ нашей Родины не по партійнымъ указкамъ гг. политикановъ, но въ согласіи съ завѣтами нашей тысячелѣтней исторіи, народными упованіями и предначертаніями Самодержавнаго Царя, опирающагося на единеніе съ могучимъ русскимъ народомъ.

**Подписная цѣна: съ доставкой въ городъ Харьковъ.**

12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.	Заграничн. вдвое.
Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	
8 —	7 50	7 —	6 25	5 50	4 75	4 —	3 50	2 75	2 —	1 50	1 —	
<b>Съ пересылкой иногороднимъ:</b>												
9 60	8 80	8 —	7 30	6 40	5 50	4 80	4 20	3 30	2 40	2 —	1 20	

Перемѣна адреса 25 к.

Подписка принимается съ 1-го числа cadaго мѣсяца.

Для народныхъ и церковно-приходскихъ школъ и сельскихъ священниковъ при подпискѣ на годъ „Харьк. Вѣдомости“ высылаются за **8 руб.**; для крестьянъ черезъ волостныя правленія **6 руб.** въ годъ.

**ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА ОТДѢЛЬНО НА ОДНУ**

**ОФИЦИАЛЬНУЮ ЧАСТЬ**

(выходящую не менѣе 2-хъ разъ въ нед.)—цѣна **3 руб.** за годов. экземп.

**Подписка и объявленія принимаются** въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, Харьковъ, Дѣвичья ул., № 14, и ея отдѣленіи—уголь Московской ул. и Петровскаго пер., д. Университета. Телеф. ред. и конт. № 1583, отд. № 2033. Плата за частныя объявленія: въ одинъ столбецъ петита—впереді текста **20 коп.**, позади текста **10 к.** При печатаніи болѣе 10 разъ дѣлается скидка; переговоры въ главной конторѣ Дѣвичья 14.

За редактора издательница **Т. И. Вязигина.**

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

---

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихристѣ, Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богоповнаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

---

# ОТЪ РЕДАКЦІИ

## СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

---

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

**■** Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

---

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

---

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ,  
                  { Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.